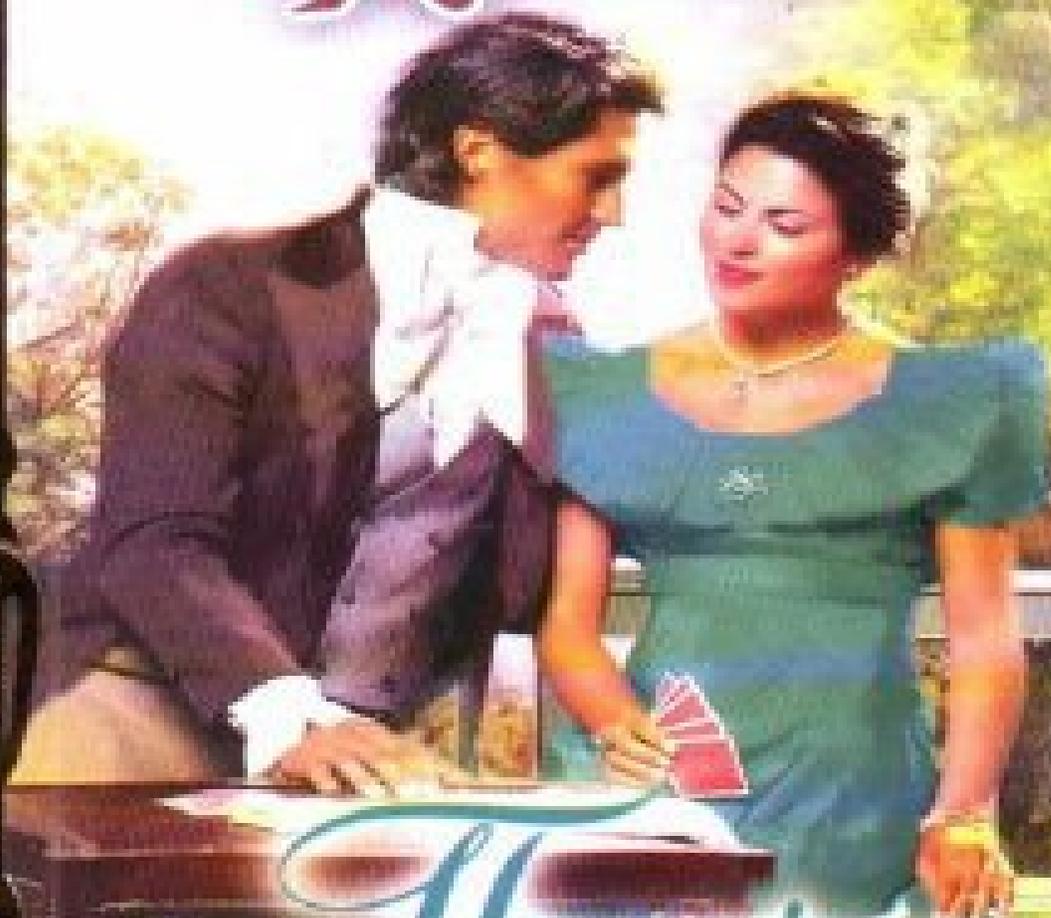

Мариям

ДЖИЛЛИАН ХАНТЕР

Пороген,
как эрех

Annotation

Герой Наполеоновских войн сэръ Гейбриел Боскасл буквально купается в славе и женском обожании. Он уверен, что сумеет очаровать и обольстить любую светскую красавицу. И лишь одна женщина равнодушна к его чарам — подруга детства Элетея Кларидж, потерявшая на войне жениха. Элетея неприступна. Но именно она царит в сердце Гейбриела. Как завоевать расположение этой гордячки? Для влюбленного мужчины нет цели более важной, чем добиться любви избранницы.

Джиллиан Хантер
Порочен как грех

Глава 1

Энфилд, Англия

1816 год

Дьявол явился, чтобы завладеть Хелбурн-Холлом. Это было событие не совсем неожиданное, учитывая, что за последние годы это поместье переходило от одного безнравственного владельца к другому. Через потрескавшееся стекло подзорной трубы, в которую леди Элетея Кларидж смотрела из окна, ей не удалось разглядеть всех подробностей прибытия соседа, которое было лишено какой-либо пристойности. Но то, что ей удалось увидеть, не слишком могло утешить особу, желающую оградиться от дурно ведущих себя джентльменов из высшего общества. Она и двое слуг, которые стояли рядом с ней в длинной галерее дома ее брата, смотрели на всадника как замороженные.

Сначала она сравнила этого человека с Мефистофелем — это было яркое сравнение, но, подумав, решила: лучше будет сказать, что он напоминает темного рыцаря из смутных веков, прибывшего для совершения безумных подвигов. Этот образ мог бы принести ей больше успокоения, если бы только она знала, каких именно приключений он ищет.

Высокий, закутанный в темный плащ узурпатор сидел на своем прекрасном черном андалусце так, словно возглавлял кавалерийскую бригаду. Он с грохотом промчался по освещенному луной склону, выказав прямо-таки апокалипсическое презрение как к опасности, так и к приличиям.

Нападал ли он или спасался бегством? Элетея не видела, чтобы кто-то гнался за ним.

— Жена трактирщика сказала, что его чуть не убили в битве при Ватерлоо, — промолвила тихонько миссис Садли, домоправительница, протискиваясь вперед, чтобы лучше видеть. — И у него жуткие шрамы на шее, оставшиеся от ранения, которое оказалось бы смертельным для любого обычного человека.

— Я бы не советовала вам слушать сплетни, — пробормотала Элетея. — Больше того, если это не призрак, то продемонстрировать подобное искусство верховой езды с такой храбростью может только человек, который пребывает в расцвете своих физических возможностей.

Громко фыркнув, миссис Садли дала понять, что она обижена.

— Я слушала деревенские пересуды, чтобы разузнать о нем побольше, и делала это только ради вас, леди Элетея.

— Ради меня? — Элетея вопросительно взглянула на нее. — Какое мне до него дело?

Миссис Садли нахмурилась:

— Для вашего благополучия очень важно знать, будет ли он добрым попечителем своего поместья.

Элетея вздохнула — это было маловероятно.

— Позвольте спросить, скольких людей ограбили за карточной игрой «добрые» попечители этого дома?

— Очевидно, он из Лондона, — добавила миссис Садли таким тоном, словно говорила, что он явился из преисподней.

Элетея улыбнулась:

— Не всякий, кто из Лондона...

В спокойствии сельской ночи раздался вой, от которого по спине побежали мурашки.

Элетея заметила блеск стали в поднятой руке всадника — не средневековый щит, который она предпочла бы увидеть в руке этого соседа, но скорее всего шпагу. У нее закололо в голове от дурных предчувствий.

— Боже мой, — сказала она, широко раскрыв от удивления свои карие глаза. — Похоже, он издал воинственный клич. Не собирается ли он атаковать свой собственный дом?

— Он разбудил всех детей и собак в деревне, — пробормотал сутулый лакей, зловеще покачав головой. — Вы только послушайте этот дьявольский вой. Если он будет продолжать, он разбудит и покойников. Это неприлично. Я думаю, нам нужно запереть все двери и вооружиться, пока его сиятельство едет домой.

— Он сам погибнет, если не заметит, куда едет, — в тревоге сказала Элетея. — Он приближается к старому мосту. Он никогда не проедет по нему.

— Точно летучая мышь из преисподней, — пробормотал лакей с удовольствием. — Тем лучше, я так полагаю.

Она бросила на него суровый взгляд:

— В таком случае держите ваши мысли при себе, Кембл.

Домоправительница прикрыла глаза рукой в синих прожилках:

— Я не могу на это смотреть. Скажите мне, когда все кончится, и если новости будут плохими, будьте осторожны, описывая, как он погиб. У меня слишком слабый организм, я не переношу крови и тому подобного.

— Перед этим мостом стоит предупреждающий знак, если только маленькие разбойники из приходского приюта опять не своротили его. Если этот болван сломает себе шею, он сам будет виноват, — проворчал лакей.

Элетея раздраженно тряхнула черными кудрями.

— Против этого возразить нечего. Но лошадь вовсе не виновата в том, что всадник не обращает внимания на предупреждения. Это совершенно безответственно.

Она беспомощно забарабанила кулачком по окну, когда беспечный всадник повернул и направил коня в лес, ведущий к мосту, на самую прямую дорогу к Хелбурн-Холлу.

— Нет, — проговорила она громко, и ее овальное лицо побледнело. — Остановись! Остановись, прежде чем...

Конечно, он не мог ее слышать; нелепо было даже пытаться предостеречь его. Всадник исчез из виду среди полосы редких деревьев, разделяющей низины двух поместий. Она отпрянула от окна. Она не простит себе, если конь совершит роковое падение с прогнившего моста на заостренные вершины камней внизу. Сейчас не имело значения, что отремонтировать мост должен не ее брат, а владелец Хелбурн-Холла.

— Спустите собак, Купер, — велела она второму лакею, который поднялся наверх бегом, услышав суматоху. — Миссис Садли, принесите мои сапоги и...

— Вскипятить воды, миледи? Прихватить теплое чистое одеяло?

— Вряд ли он собирается рожать, — удивленно проговорила Элетея. — Но вот фляга бренди не повредит. Даже если им воспользуюсь я, чтобы успокоиться. — Она бросила в окно последний тревожный взгляд: — Быть может, он намерен убить себя. Я бы именно так и поступила, если бы мне предстояло взять на себя ответственность за это поместье.

Хелбурн-Холл, поместье, пахотные земли которого соседствовали с ухоженными землями, принадлежавшими брату Элетей, было проиграно месяц назад в лондонском игорном доме его легкомысленным владельцем какому-то неизвестному человеку. На некогда великолепном георгианском поместье, казалось, лежит какое-то проклятие. За

многие годы в четвертый раз закладная на него перешла в новые руки.

Каждый последующий владелец относился к поместью равнодушнее, чем предыдущий, пока вообще не стало вызывать удивление, что поместье еще существует. Элетя считала, что не следует ожидать ничего лучшего от этих временщиков-картежников, хотя она не могла припомнить, чтобы кто-то из предшествующих хозяев вступал во владение более неподобающим образом.

Наверное, лакей Кембл прав. Это ночное нападение не сулит ничего хорошего сонной деревне, в которой общество устраивало прием всего лишь раз в году.

Равно как оно не предзнаменовало безопасного будущего для молодой леди вроде Элетей, которая хотела удалиться от света и излечиться от незримых ран, нанесенных ей другим человеком.

Полковник сэра Гейбриел Боскасл издал хриплый воинственный клич и выхватил из ножен шпагу, чтобы разогнать летучих мышей, которых он потревожил своей громкой скачкой по насыпи. Слева от него возвышался большой помещичий дом в елизаветинском стиле, и его окна со свинцовыми переплетами сияли позолоченной теплотой. Далеко справа нависал вовсе не величественный монстр — помещичий дом в георгианском стиле, и в нем не горело ни единой свечи, свет которой мог бы смягчить призрачную мрачность пристального взгляда всадника.

А на его пути у подножия травянистого холма был мост, который явно не мог выдержать тяжести полупьяного рыцаря и его крепкого испанского коня. Он напряг колени, ягодицы, спину.

— Прекрасно. В таком случае мы его возьмем с ходу. Или нет. Я не в настроении спорить. Решай сам.

Его конь перешел на легкий галоп.

Бренди, выпитое Гейбриелом в последнем трактире, начало выветриваться. Голос разума, который ему столь часто удавалось заглушить, воспрянул и напомнил ему, что он уже не бригадир тяжелой кавалерии, несущийся с горы на французскую пехоту верхом на тренированном боевом коне. Он едет напрямик в плохо содержащийся английский сельский дом. Никаких вражеских солдат впереди нет.

Андалусец упирался, отказываясь прыгнуть на шаткий мост. И запоздалому приказу Гейбриела изменить направление он тоже не подчинился. По выгнувшимся мышцам, которые напряглись под ним, всадник почувствовал, что должен подготовиться к хорошей встряске.

Жеребец остановился, мотая тяжелым хвостом. Гейбриел сжал колени и втянул воздух сквозь стиснутые зубы, сумев привычным усилием удержаться в седле. Когда головокружение прошло, он заметил, что кто-то воткнул предупреждающий знак в повозку у моста: «Осторожно, Хелбурнский мост опасен».

Как бывший кавалерийский офицер, он понимал стратегическую важность мостов. Наполеон приказал своей бригаде строителей сооружать мосты как решающую часть его военной кампании. А Гейбриел вместе со своей бригадой взорвал пару мостов, чтобы помешать атаке французов.

Под мостами прячутся тролли.

А также несущие смерть французские драгуны.

Его конь, явно лучше соображающий в данный момент, чем его хозяин, отказался переходить реку по мосту. Хотя Гейбриел не был особенно суеверен, он знал, что жизнь часто шепотом предупреждает того, кто умеет слушать. Он ведь не обязан переходить реку по мосту. Он просто выиграл это поместье в карты, так что может и проиграть его шутки ради.

Однако, обнаружив, что поместье расположено в той самой деревне, где он провел свои детские годы и претерпел юношеские унижения, он решил, что стоит хотя бы побывать там в надежде, что удастся изгнать нескольких своих демонов.

Должен быть другой способ переправиться через реку. Он может пройти вброд в своих черных военных сапогах, но ему не очень хотелось вымокнуть. Он может обогнуть этот

чертов лес. В детстве он довольно часто прятался в нем, чтобы избежать хлыста своего отчима.

Но он забыл, что Хелбурн-Холл окружен болотами. Красивыми днем. Коварными ночью.

Наверное, подумал он, заостренные фронтоны и нависающие эркеры дома когда-то радовали глаз. Теперь же геометрическая резьба псевдоготики в облупившейся белой штукатурке и черных балках насмешливо мельтешили у него перед глазами. Если только... да, это уродливое сооружение может быть просто сторожкой у ворот. А сторож, конечно же, должен быть эксцентриком, который позволил стене из колючих кустарников и сорняков дорасти почти до башенки, чтобы удержать всякого, кто захочет войти. Хотя он не мог себе представить, что кто-либо посетит эти места при иных обстоятельствах, отличных от его собственных.

Он уставился вниз на воду, мчавшуюся под мостом. Пожалуй, ступать на него не стоит. Мосты играют символическую роль в поэзии и живописи, не так ли?

Они ведут в другой мир, в другую жизнь.

И в данном случае не похоже на то, что этот мир, эта жизнь окажутся лучше прежнего.

Он спешился и хлопнул коня по крупу.

— Как ты считаешь? Я доверяю твоему суждению. Стоит ли нам идти по нему?

Лошадь стояла неподвижно, как памятник. Гейбриелу ничего не оставалось, кроме как рассмеяться.

— Скачешь напрямик под пушечные выстрелы и не хочешь ступить на деревенский мост? Ну ладно. Когда ты в таком настроении, с тобой не стоит спорить. Я пройду первым. Смотри.

Осторожно, согнув колени, он ступил на доски моста. Тяжелые балки затрещали, но выдержали его тяжесть. Лошадь не пошла за ним.

— Смотри. — Он топнул ногой по искривленной толстой доске. — Прочная, как кровать шлюхи. Я...

Послышался шорох листьев, стук копыт раздался в ночи. Где-то вдали ухнула сова и улетела.

Он повернулся и посмотрел в сторону леса.

Гейбриел услышал женский голос, заглушивший шум воды. Он ждал, насторожившись, с любопытством, с надеждой.

Гейбриел не переставал удивляться себе: он мог стоять одной ногой в могиле, при этом опираясь на костыль, но все его силы возвращались к нему разом, когда перед ним появлялась женщина.

Даже его лошадь наострила уши и повернула голову, услышав шум. К несчастью, отчаянные призывы невидимой женщины к ее спутникам поторопиться не вызвали у Гейбриела надежд на приятное знакомство. Он по голосу определил, что женщина чем-то встревожена.

Что он сделал такого, какое обещание нарушил на этот раз? Похоже, ему не удалось избавиться от всего этого. Однако вряд ли за ним следили всю дорогу из Лондона или хотя бы из последнего трактира. У него не было сейчас ни любовницы, ни, насколько ему известно, кого-либо еще, чье желание свести с ним счеты было бы настолько сильным, чтобы пуститься в такой дальний путь. Он был одинок, никому ничего не должен, свободен.

Гул ружейного выстрела среди деревьев прервал его размышления.

Он оперся о перила моста. Перила угрожающе застонали.

Растрепанная молодая женщина бросилась к нему из леса:

— Сэр, умоляю вас, не нужно...

Он поднял руки.

— Опустите ружье. Вы приняли меня за другого. У меня полным-полно двоюродных братьев по всей Англии. Есть даже родные братья — неизвестно где. Мы все похожи: черные волосы, синие глаза. Какой бы урон вам ни нанесли, я могу только извиниться, но винить...

— ...идти по этому мосту, — закончила она громким криком. — Не ходите по нему, болтун вы этакий. Он еле держится.

Он уставился на нее, оторопев от удивления. Ее предостережение осталось незамеченным. Господи, да ведь он действительно ее знает. Этот неукротимый каскад вьющихся волос, темные вызывающие глаза и — словно этого еще недостаточно, чтобы воспламенить в мужчине кровь и спящие впечатления юношеских желаний, — пышная грудь, которую не скрывал отвратительный плащ и которая сейчас вздымалась от тревоги за него.

И вдруг он вспомнил: это леди Элетея Кларидж, единственная дочь здешнего графа и недостижимая дева мальчишеских фантазий Гейбриела. Воспоминания о ней превратились в эхо, на которое он научился не обращать внимания, но которое являлось в самое неподходящее время.

Элетея, вероятно, давно уже забыла его. Разве она не вышла замуж за сына деревенского лорда и не уехала в какое-нибудь соседнее поместье? Даже если Элетея и узнала Гейбриела, вряд ли она снизойдет до признания, что некогда пришла на помощь этому испорченному мальчишке из семьи Боскасл.

А вот он все помнил очень хорошо. Его губы скривились в притворной улыбке. Далекий образ их последней встречи наполнил его чувством унижения. Так бывало почти со всеми его воспоминаниями о детских годах. Его пригвоздили к позорному столбу и закидали гнилой капустой, репой и овечьим пометом.

Одна репа, засохшая и жесткая, как камень, ударила его в лоб. Кровь потекла струйкой в глаз. Нападавшие, большая часть которых считались его друзьями, виновато рассмеялись. Потом нарядная карета родителя Элетей, третьего графа Рексема, остановилась на рыночной площади. Отец громовым голосом приказал дочери оставаться в карете — она не должна затруднять себя, и ей не следует лезть, куда не надо.

Она не послушалась, хотя и была благовоспитанной молодой леди, явно чувствующей отвращение к тому, что отчим Гейбриела приволок его в местную тюрьму, чтобы наказать за непослушание.

Он смотрел, как она осторожно пробирается между расплюснутыми плодами к позорному столбу. Она приподняла свою синюю юбку над лодыжками и серебряными туфельками на низких каблуках. Никогда ни до того, ни после он не видел зрелища более прекрасного. Она изящно опустилась на колени. Гейбриел услышал, как в карете ее мать, леди Рексем, ахнула от ужаса:

— Я же говорила вам, Уильям, что мою спальню посетила злая фея в тот день, когда она родилась.

— Да, да, — нетерпеливо отозвался граф; — Тысячу и один раз говорили. Но я-то что могу с этим поделать?

— Вы бестолковы, Гейбриел Боскасл? — шепотом спросила Элетея.

— В данный момент я не чувствую себя достаточно ученым. — Он вспомнил, как поднял глаза с ее красивой соблазнительной груди к ее лицу и почувствовал, что внезапно всему его телу стало больно, когда он попытался втянуть в себя воздух. Расквашенная репа и теплая кровь сползали ему на щеку. Он чувствовал себя злым и мерзким. — Вы хотите устроить мне экзамен?

— Мне просто хотелось узнать, — сказала она с неожиданной прямоотой, — почему вы продолжаете делать то, что сердит вашего отчима, хотя он наказывает вас?

— Это вас не касается, верно? — возразил он с вызывающим видом. Он заметил, что шайка дураков собирает снаряды для метания — тухлые помидоры и гнилые яблоки. Если они попадут в нее, он убьет каждого из них голыми руками, как только освободится. В отчаянии он стиснул зубы. Наконец-то он встретил самую хорошенькую девушку на свете и чувствовал себя свиньей. — Вам лучше вернуться в карету, — злобно пробормотал он.

— Я вернусь. — Она окинула презрительным взглядом ухмыляющуюся толпу и не сводила с них глаз, пока все мальчишки и мужчины не попятились. Тут-то Гейбриел и подумал, что ее аристократическая красота — более мощное оружие, чем все то, что имеется в его распоряжении. — Вытереть вам лицо? — шепотом спросила она, поднимаясь.

— Нет. — В голосе его прозвучала ярость. — Уходите-ка вы отсюда. У меня болит шея, когда я смотрю на вас.

Она резко втянула в себя воздух.

— Ну так что же, вы довольно часто смотрите на меня по дороге в церковь.

— Вы так считаете? — А он-то думал, что она ничего не замечала. — Ну значит, вы ошибаетесь. Во-первых, я не хожу в церковь. Во-вторых, я восхищаюсь лошадьми вашего отца. И смотрю я на них, а не на вас. Все знают, что я люблю лошадей.

Она сжала пухлые губки. А потом, прежде чем он успел отвернуться, смахнула комок окровавленной репы с его щеки указательным пальцем, затянутым в лайковую перчатку на жемчужных пуговках.

— Моя мать думает, что вы плохо кончите, — тихо сказала она.

От ее прикосновения он передернулся. Она выглядела такой чистенькой и непорочной. От него разило капустой и пометом.

— Это еще не конец. Черт побери! Ваша мать права. И ваш отец, и ваш дед. А теперь оставьте меня в моем ничтожестве. От вас ведь никакой помощи, понимаете?

— Никакой?

Он мысленно выругался.

— От вас только еще больше неприятностей.

Она немного отошла от столбов, которые держали его. Два лакея спрыгнули с подножки кареты ее отца, как будто затем, чтобы защитить ее.

— Но ведь вы — сын виконта. Вы Боскасл. Как же вы...

— Мой отец умер, а с ним и все благополучие и гордость Боскаслов. Разве вы не знаете? Отойдите от меня.

— Я хотела только добра, — сказала она голосом уязвленным и возмущенным.

«Хотела добра».

Даже тогда он мог бы сказать ей, что доброта — не только напрасная потеря времени, но слабость, которой пользуются окружающие. Он хорошо узнал это уже в ранние годы, но время ничуть не изменило его убеждений.

— Разве я о чем-нибудь просил вас? — равнодушным тоном спросил он.

Он опустил глаза с видом полной незаинтересованности, хотя каждый мускул в его связанном теле крепко сжался и что-то в нем хотело, чтобы она осталась. Два лакея с заботливым видом вели ее обратно к карете, где сидели ее родители. Он видел в окно кареты, как ее мать поднесла к своему аристократическому носу апельсиновый ароматический шарик, как если бы Гейбриел страдал от заразной болезни, а не от жестокого отчима и плохого характера.

Он подавил порыв бесполезной ярости. Черт, черт, черт! Он ненавидел всех, особенно себя самого, потому что самая красивая девушка на свете встала на его защиту.

Вышитая туфелька леди Элетей оскользнулась на гнилом капустном листе, и лакей поддержал девушку, чтобы она не упала, но в тот момент, когда Гейбриел ожидал, что вот сейчас она с отвращением наморщит носик, она схватила осклизлую эту кочерыжку и запустила ею в охваченную благоговейным восторгом кучку его мучителей.

Он смотрел ей вслед. Теперь его унижение дошло до точки кипения.

Что она хотела этим доказать?

Разве она не знает, что мальчикам полагается защищать девочек? И женщин? Гейбриел делал все, что мог, чтобы защитить свою мать. Но этого было недостаточно.

— Я видела, что вы смотрите на меня, Гейбриел Боскасл, — прошептала она, высвобождаясь из рук подхватившего ее лакея.

Его взгляд переместился с испачканных туфель к ее твердому подбородку. Лучше пусть она считает его воинственным, чем слабым. Зачем она вмешивается? От этого у него только хуже на душе.

— Ну и что?

— Я видела, вот и все. И я думаю, какова бы ни была причина, ничего неприличного в этом не было.

— Хочется — вот я и смотрю! — крикнул он ей вслед. Вызов был единственным оружием, которым он располагал.

Она замедлила шаг, обернулась.

— Мальчик у позорного столба. Мне все равно, смотришь ты на меня или нет.

Здравый смысл, а также прошлый опыт общения со старыми соседями предостерегали Элетею, что никому, кто выиграл Хелбурн-Холл в карты, нельзя доверять. Но все-таки даже карточного игрока милосерднее хотя бы одарить сочувствием, если не протянуть ему руку дружбы. Пусть она уже потеряла надежду выйти замуж и стать владелицей собственного поместья. Пусть за последний год она утратила веру в красивых лордов и счастливые финалы. Но судьба вполне может послать в Хелбурн достойного человека, который воспользуется своим везением и поселится здесь.

Кажется, Элетея просит не очень много: только чтобы Хелбурн избавился от своей темной репутации и приобрел достойного владельца и чтобы она могла и дальше прятаться от мира и его горестей.

Егерь ее брата, Йейтс, выбежал из леса, держа на поводке трех волкодавов, отчаянно лаявших на мост. Зеленая шапка егеря съехала ему на левое ухо. Старинное ружье с раструбом, чей оглушительный грохот доказывал, что оно все еще действует, висело у него на плече.

— Мы узнали его имя, миледи. Его кучер подъехал по ошибке к нашему дому. Это Боскасл.

Потрясенная Элетея повернула голову:

— Бос...

— Боскаслы — хорошо известная фамилия, — добавил Купер, сопровождавший ее лакей. — Каждый слуга в Лондоне мечтает о том, чтобы служить у маркиза, а совсем недавно одна из сестер вышла за герцога. О них все время пишут в газетах.

Элетея рассматривала статную фигуру человека, который, казалось, разговаривает со своей огромной лошадью.

«Темный рыцарь», — снова подумала она. Ее опасения смешались со: жгучими воспоминаниями о прошлом. Значит, он вернулся домой, и явно не с большей пышностью, чем уехал.

Лакей кашлянул.

— Вы слышали, что я сказал, миледи? Это не обычный дьявол.

— Значит, какой-то особенный?

— Это Боскасл из Лондона.

— У семьи Боскасл много ветвей помимо той известной семьи, что живет в Лондоне, — пробормотала она, украдкой снова бросив взгляд на широкоплечую фигуру у моста.

Сердце у нее почему-то сильно забилось.

— Вы знаете кого-нибудь из Боскаслов лично? — осторожно спросил егерь.

Он не так давно поступил на службу к ее брату и поэтому плохо знал историю Хелбурна.

— Много лет назад я знала трех молодых джентльменов. — Она невольно улыбнулась. — Мы не общались. Их семья жила недалеко отсюда, когда я была моложе. Но этот человек...

— Сэр Гейбриел Боскасл, — вставил егерь, чей взгляд теперь тоже был устремлен на человека у моста. — Такое имя назвал его кучер.

— Гейбриел. И он стал сэром Гейбриелом?

— Да, — сказал егерь. — Он был кавалерийским полковником.

— Это ему подходит. Он всегда страстно любил лошадей.

— Теперь, как я слышал, он страстно любит другие вещи.

— Вот как, Йейтс?

— Прошу прощения, леди Элетея.

Она подошла к мосту чуть ближе. Темный рыцарь тоже смотрел на нее. Вряд ли он ее узнал. В былые дни ее внешность доставляла ей много мучений. Теперь волосы у нее стали такой длины, что с ними было трудно справиться. Для удобства она одевалась в серо-коричневые цвета и часто забывала надеть перчатки. Но она вовсе и не хотела произвести впечатление на повесу, в которого превратился Гейбриел, как и следовало ожидать.

Судя по тому, что она слышала, ее испорченный мальчик воевал в Испании, слыл во всех полках ужасным повесой и игроком, который безжалостно выигрывал в карты собственность беспечных молодых джентльменов.

Она всегда молилась, чтобы он не кончил плохо. Мама была права... только вот конец на самом деле еще не настал, да? В юности жизнь у него была нелегкая. Возможно, он делал все, что мог. Его отчим имел репутацию человека жестокого.

Теперь Элетея знала то, чего не знала тогда. Она поняла, что люди, даже те, которые заявляют, что любят вас, могут сильно огорчить. Могут причинить вам боль самыми неожиданными способами.

— Что мы будем делать, миледи? — спросил лакей. — Вид у него устрашающий.

— Думаю, что так оно и есть.

Она и сама не знала, что делать. Можно было посмеяться над иронией судьбы, но разумнее было бы поехать в деревенскую церковь и попросить благословения у vicария. В сэрe Гейбриеле, конечно, есть что-то дьявольское, что никак не соответствует ее желанию увидеть, как во владение Хелбурном наконец-то вступает достойный хозяин.

Но ведь она не отвечает за его нравственность.

Она медленно пошла к нему.

— Гейбриел Боскасл? Не верится, что такое возможно. Столько лет прошло! Неужели это действительно вы?

Он рассмеялся немного смущенно, не сделал ни шага по направлению к ней, но смотрел так внимательно, что она поняла — все слухи о нем правдивы.

— Если я признаюсь, что это я, не застрелят ли меня за какое-то преступление, в совершении которого меня никто не обвинял?

— А вы совершили много преступлений? — насмешливо спросила она.

Он улыбнулся, и от этого лицо у нее непроизвольно вспыхнуло.

— Вы собираетесь наказать меня, если я в них признаюсь?

— Нет.

— Какая жалость!

Она подошла к нему достаточно близко, чтобы рассмотреть его при лунном свете, падающем сквозь листву деревьев. О, какое мрачное лицо! Та же твердая лепка черт, пристальные синие глаза, горевшие внутренним огнем, но теперь он стал старше, сдержаннее, все следы пережитого в детстве унижения и страданий были скрыты — если не мертвы. Неровный пурпурный шрам, который разделял надвое его нижнюю челюсть и скрывался в морщинистой ране поперек шеи, выглядел ужасающе, но не уродовал его. Не знай она его раньше, она могла бы испугаться.

Манеры Гейбриела всегда заставляли умолкнуть того, кто приближался к нему. Теперь же на лице его было клеймо, которое обескураживало всякого, чье присутствие было ему нежелательно. Наверное, подумала она, он ничего не имеет против ее присутствия. Но все же каким-то образом он вызывал у нее желание «сунуться куда не надо», по выражению ее покойного батюшки.

Элетея резко остановилась у самого моста.

— Вряд ли вам следует переходить реку здесь, — спокойно заметил он, окинув взглядом ее закутанную в плащ фигуру. — Вы можете упасть, и мне придется вас спасать.

Она вздохнула. Голос у него стал грубее, чем она помнила, циничнее — насколько это возможно — и ниже, как у человека, держащего себя в узде.

— Вам тоже не следует ехать по этому мосту. Разве вы не видели знак?

Он пожал плечами:

— Я решил, что его назначение — отпугивать желающих ступить на чужую землю. Интересно, чей это мост?

— Ваш.

Гейбриел стал необычайно привлекательным мужчиной и явно понимал это. Конечно, он не делал попыток скрыть свой интерес к ее женственной внешности, он неторопливо изучал ее лицо и фигуру, так что плечи и шею у нее охватило жаром.

— Скажите мне, что вы всего-навсего вознамерились вторгнуться в чужие владения, — проговорила она, понизив голос. — Или едете в гости к тому, кто теперь владеет этим поместьем. Господи, Гейбриел, неужели вы меня не помните?

Он усмехнулся, взгляды их встретились.

— Леди Элетея. — Он отвесил насмешливый поклон. Мост под его ногами снова угрожающе затрещал. — Я необычайно рад возобновлению нашего знакомства.

Испорченный мальчишка.

Она сдерживалась, но все же не смогла не рассмеяться.

— Мне остается только надеяться, что вы стали любезней, чем были при нашем последнем разговоре. Помните? Если вы все забыли, я обижусь.

Трудно было поверить, что когда-то Гейбриел вызывал у нее жалость. После смерти отца беды его только усугубились. Он всегда казался старше своего возраста. Она и теперь чувствовала его пронзительный оценивающий взгляд, которым он провожал ее, когда она проезжала мимо на своем изящном маленьком пони. Глазел на нее грубо, ее грум даже выбранил как-то раз Гейбриела за это.

Но это его не остановило.

Испорченный мальчишка.

Привлекательный мужчина.

Он по-прежнему смотрел на нее так, что ее охватило смущение.

Но теперь в его взгляде появилось что-то новое. Знание. Настороженное знание, которое она угадала по собственному опыту.

— Вы не думаете, что я мог забыть вас, не так ли, моя прекрасная защитница? — спросил он, схватившись за шаткие перила.

Она в замешательстве оглянулась на сопровождающих.

— Мы почти не знакомы. Кажется, мы разговаривали всего несколько раз, а в последний раз это было, когда вас поставили к позорному столбу на деревенской площади.

— Я помню наш разговор. — Он прижал руку к сердцу. — Ваши слова навечно

врезались в эту пустую полость. Боюсь, это не стало лучшим из моих воспоминаний. Но не по вашей вине.

— Зачем вы вернулись? — тихо спросила она.

— Вернулся, чтобы вступить во владение моим поместьем — Хелбурн-Холлом. Вы скажете, куда мне ехать?

Она разочарованно покачала головой:

— Оно находится как раз за вами, за мостом. Мимо не проедете. — Она указала ему за спину: — Вон там.

Его белые зубы сверкнули в горестной усмешке.

— Вы имеете в виду будку привратника? — Он оглянулся и насмешливо фыркнул. — Или вон тот сарай?

Она медленно улыбнулась, подумав, что из всех, кто прежде захватом завладевал поместьем, Гейбриел кажется ей наиболее подходящим.

— Я хочу предупредить вас еще об одном — о слугах, которых вы унаследовали. Говорят, они склонны пренебрегать своими обязанностями.

Она услышала, как ее лакей хихикнул, уловив ее слова.

— Владельцы поместья слишком часто сменялись, и слуги совершенно выбились из колеи, — продолжала она. — Они научились пользоваться этим своим положением, живя без присмотра и правильного руководства. — Таким образом она вежливо сообщила ему, что его прислуга состоит из пьяниц, бывших преступников и отбросов общества.

На мгновение она ощутила удовлетворение при мысли о том, что этими словами она как бы возвала к его высшим принципам. Но тут он поднял брови, точно демон рискованных кампаний, и спросил:

— Полагаю, вы не поедете со мной?

Она отмахнулась от этого предложения, слегка улыбнувшись, и отступила на шаг.

— Приятные мечтания, сэр Гейбриел. Если река унесет вас, не говорите потом, что вас никто не предупреждал.

— Элетя...

Она помедлила.

— Да?

— Ничего. Не важно.

Предупреждать его. Как будто он когда-либо нуждался в предупреждениях, если речь шла о женщине. Он смотрел, как ее изящная фигура удаляется, возвращаясь к ожидающей лошади. Потом очнулся. Даже будучи девочкой, леди Элетея Кларидж соблазняла его в самых глубинах души. Как она полагает, кому она пришла на помощь? Он мог бы сказать ей, что навсегда запомнил тот день, когда она разговаривала с ним у позорного столба, когда он достиг высшей точки публичного унижения.

Отчим Гейбриела подвергал его еще большей жестокости наедине, но вмешательство Элетей только увеличило чувство стыда, которое Гейбриел старался скрыть. Он никогда больше не опускался ниже в своей самооценке, хотя другие могли придерживаться на его счет и противоположного мнения.

Говоря по правде, ему очень хотелось позвать ее обратно и сказать, что она совершенно лишилась своего прекрасного ума, если полагает, будто сломанный мост или разоренное поместье могут для него что-то значить после того, что он видел и делал.

Гейбриел был чертовски раздражен тем, что она по-прежнему обладает способностью сбивать его с толку.

Он не был человеком вовсе ни на что не годным. Он выиграл в карты свою долю в основных закладных. Если этот расшатанный мост говорит о том, что находится за ним, вероятно, потребуется целое состояние, чтобы восстановить Хелбурн-Холл, и при этом он не получит обратно ни единого фунта.

Он полагал, что проведет здесь самое большее пару недель. Его привлекательная соседка Элетея заслуживает того, чтобы он уделил ей некоторое внимание ради славных далеких дней. В конце концов, можно пересчитать по пальцам количество храбрецов, которые вставали на его защиту.

Упрямая молодая девушка осмелилась бросить вызов своему воспитанию и замарать свои перчатки, вытирая грязь со щеки буяна.

Слишком мало было тех, кто осмеливался подружиться с ним в его самые мрачные годы из страха, что он обернется и укусит их.

Так или иначе, даже с точки зрения последнего негодяя, он должен чувствовать себя обязанным ей. Нет ли у нее какого-нибудь неугодного поклонника, который должен исчезнуть с лица земли по ее желанию? Или какого-нибудь упрянца, в котором ей хочется вызвать ревность? Быть может, эта молодая леди пребывает в затруднительном положении из-за отсутствия денег? Быть может, ее родители умерли, а брат — он смутно вспомнил, что у нее есть брат, — навлек позор на их семью?

Говорят, что ни один человек из рода Боскаслов, следуя личному моральному кодексу, никогда не забывает ни об оскорблении, нанесенном ему, ни об оказанном ему благодеянии. Невысказанным, но само собой разумеющимся считалось, что если бы Гейбриел получил награду, стараясь воздать Элетее за ее прежнюю доброту, он был бы обязан принять ее.

Кто она, эта девушка, которая пошла против воли своего отца, чтобы помочь своевольному мальчишке, с которым все жители деревни старались не иметь дела? Такой поступок заставляет усомниться, в здравом ли она рассудке.

Ее голос донесся с опушки леса:

— Этот мост посещают привидения, Гейбриел. Некий ревнивый любовник утопил свою

возлюбленную под ним, а потом покончил с собой. Постарайтесь в дальнейшем не тревожить их.

Он внимательно посмотрел на нее. Кокетливые локоны выбились из-под капюшона ее плаща и ласкали лицо. Он всегда задавался вопросом, действительно ли она так хороша, какой ему запомнилась. Действительно. Но теперь, когда он вновь увидел ее, ему причинили боль те его мечтания, от которых он отказался в переломный момент своей жизни.

— Вы слышите меня, Гейбриел? Не знаю, суеверны ли вы. Но два несчастных привидения посещают то место, где вы сейчас стоите.

Он покачал головой и фыркнул, повернувшись снова к мосту. Его тоже посещают призраки, но он больше не боится их.

Он обернулся и с улыбкой посмотрел на нее.

Потом прошел по мосту. Конь шел за ним.

Впервые она обратила внимание на Гейбриела, увидев, как тот дерется с деревенским мальчишкой, который был старше его. Даже семь лет назад он казался достаточно сильным, чтобы самому за себя постоять. Она вспомнила: он уже одерживал верх над своим противником с окровавленным носом, когда они ее заметили. Они тут же отскочили друг от друга, прекратив драку. Потом старший мальчик убежал, и Гейбриел с отвращением покачал головой. Она поняла, что драку начал скорее всего он, но что-то сердитое и оскорбленное было в том, как он держался, и ей захотелось его утешить.

Ей потребовалось все ее мужество — к тому же она заработала долгую нотацию от своей гувернантки, — чтобы улыбнуться ему однажды со своего пони, когда он, сидевший с приятелями на скамье у трактира, вдруг посмотрел на нее.

Он посмотрел на нее точно молодой дьявол. Хотя она и понимала, что ей следует оскорбиться, в глубине души она ощутила потрясающую дрожь, когда его мрачные глаза на мгновение встретились с ее глазами.

«Он не всегда жил без надзора», — услышала она слова матери, обращенные к гувернантке, хотя и мама постоянно твердила ей, что следует избегать его, намекая на ужасные последствия, которые обрушиваются на девушек, водящих знакомство с неисправимыми юношами.

Иногда мама говорила о Гейбриеле почти с жалостью, размышляя о том, что он и его братья были благовоспитанными молодыми джентльменами до того, как убили их отца и их мать вышла замуж за коммерсанта, который попивал и навещал служанку из трактира. Трое его старших братьев уехали из дома. Элетея так и не узнала, что с ними случилось.

Но она знала, что каждый раз, когда она смотрела на Гейбриела, в глазах у него загорался озорной огонек. Она даже знала, почему его поставили к позорному столбу и за что он заслужил это наказание. Как-то раз дочка аптекаря Розалинда рассказала ей об этом, пока ее отец составлял снадобье от зубной боли для брата Элетей.

«Это не его вина, — шепотом говорила Розалинда. Как Элетей и еще некоторые деревенские девушки, она была заинтригована Гейбриелом, и его шалости только усиливали этот запретный интерес. — Он сбил с ног докторского сына за то, что тот оскорбил старого разносчика».

Элетей поступила бы также, если бы могла. Этот старый разносчик никогда не продавал ничего ценного. Когда-то он был солдатом, и теперь вреда от него не было никакого. Деревенские жители из милости покупали у него что-нибудь.

Но даже после того как Гейбриел выволок докторского сынка из канавы, он продолжал дубасить его до тех пор, пока его не оттащили деревенские старики. Дочка аптекаря сказала, что было много крови, что разносчик плакал, а аптекарь отвел Гейбриела в сторонку и сказал: «Мы все знаем, что парень этого заслуживает, Гейбриел, но нужно было это сделать потихоньку. И наказан будешь ты, а не он. Помалкивай об этом, мальчик, и мы все будем молчать».

На этом все могло бы и кончиться. Докторский сынок был слишком напуган. Но как раз в это время мимо ехал в фаэтоне врач, а отчим Гейбриела вышел из трактира посмотреть, почему собралась толпа.

«Он был пьян, как всегда, — сказала девочка. — А когда узнал, что случилось, то стал

трясти Гейбриела, как крысу, и насмеяться над ним: «Разве Боскаслы рождены не для лучшей участи? Разве ты не так считаешь? Ну так вот, тебя накажут так, как если бы я был тебе родным отцом».

Из отрывочных сведений, которые она получала в эти годы, бывая в Лондоне, Элетея поняла, что с возрастом умение Гейбриела нарываться на всяческие неприятности только возросло.

«Жаль», — подумала она, но все остальные в деревне ничуть не удивились тому, что он ступил на трудную дорогу. И надеялись, что его братья выбрали лучшую участь. Его мать вернулась к себе на родину во Францию, когда ее второго мужа убили как-то ночью в драке. Последнее, что слышала Элетея, — это что Гейбриел восстановил отношения со своей лондонской родней.

Но кем бы он ни стал и что бы ни сделал, она не могла не думать о том, какую жизнь он вел в эти годы, почему лицо у него стало таким циничным. Он был привлекательным мужчиной, о котором она вспоминала с грустной нежностью, хотя он, конечно же, не отличался особенно хорошими манерами.

Но потом она поняла, что нельзя доверять людям только исходя из их поведения. Она поняла, как обманчивы бывают хорошие манеры.

Джентльмен, с которым родители обручили ее перед своей смертью, овладел ею насильно на балу, который был устроен в Лондоне в тот вечер, когда они объявили о ее помолвке. На следующий день лорд Джереми Хазлетт должен был уехать в Ватерлоо. Втащив ее в какую-то спальню, он объяснил, что, поскольку они все равно поженятся, он вполне может насладиться преждевременным медовым месяцем.

Все кончилось прежде, чем она успела оказать сопротивление. Он взял ее так быстро и умело, даже не сняв ни с нее, ни с себя вечерние костюмы, что она заподозрила, что он не впервые проделывает такое. Сделав свое дело, он велел ей не плакать.

Но она все же немного поплакала в гардеробной, и одна женщина, известная куртизанка Одри Уотсон, догадавшись, что произошло, настояла на том, что Элетее следует незаметно воспользоваться ее каретой, и отвезла ее к себе на улицу Брутон, где Элетея смогла успокоиться, а потом снова показаться на балу, не выдав себя.

Через два часа потрясение от того, что сделал Джереми, превратилось в холодное негодование, и она вернулась на бал и стояла рядом с ним, когда все поздравляли их и желали Джереми победы в битве. Джереми смеялся и держал ее за руку, как если бы ничего не произошло, как если бы он не разрушил все ее иллюзии, и он даже заметил с иронией, что она провела два часа в самом известном лондонском борделе, где ее утешала его владелица.

Джереми отправился на войну, не попросив прощения за содеянное. Элетея вернулась домой и ждала, что он пришлет ей письмо, в котором сообщит о разрыве их помолвки. Она ждала, не приведет ли это насилие к беременности. И пока она пребывала в ожидании, французское пушечное ядро убило ее нареченного, и он стал героем.

Искренние выражения скорби и сочувствия прибыли в деревенский дом ее брата в виде карточек и посетителей. Но все, о чем могла думать Элетея, слушая и читая эти слова, продиктованные лучшими побуждениями, — это что теперь ей не придется идти замуж за это чудовище. Равно как она не была склонна выходить замуж за кого бы то ни было.

На самом деле она уже смирилась с тем, что нужно ждать, когда он вернется и загладит вину. Но, стоя у его могилы, она не могла заставить себя заплакать и чувствовала себя виноватой, когда присутствующие на похоронах хвалили ее выбор, а на самом деле она

желала своему мертвому жениху поскорее оказаться в аду.

Соблазнительно было думать, что над ним свершилась Божья кара за его жестокость. Но в таком случае пришлось бы поверить и в то, что все остальные храбрые, добродетельные мужчины, погибшие на войне и не обесчестившие женщин, тоже заслужили свою участь.

У нее было слишком много знакомых из тех семей, которые потеряли близких, чтобы хоть на минуту допустить такое предположение. Джереми погиб — отважный воин, драгун от инфантерии — в битве при Ватерлоо, и она вдруг оказалась свободной и могла удалиться от общества, которое с сочувствием отнеслось к ее положению. Наверное, она станет старой девой и гувернанткой детей своего брата, если он когда-нибудь осмелится сделать предложение той молодой леди из Лондона, на которой хочет жениться.

Жизнь Элетеи изменилась навсегда. На ней было пятно, невидимое остальным, несмываемое для нее самой. Но время шло, и мало-помалу она воспрянула духом. Она еще жива, и для ее практической натуры казалось невыносимым будущее, заполненное только бессмысленной жалостью к себе.

И тут вновь появился Гейбриел, чтобы поставить под угрозу не только спокойствие ее души, давшееся ей с таким трудом, но и спокойствие деревни, которую он держал в страхе во времена своей юности. Она не знала, какие чувства он у нее вызывает, знала только, что, очнувшись от долгого колдовского сна, она очнулась и от бесчувствия.

Он был не первым юношей в истории Хелбурна, которого пригвоздили к позорному столбу, чтобы дать ему урок. Но наверное, этот урок стал для него не уроком хорошего поведения, а уроком выживания. В его возрасте, наверное, было слишком поздно меняться.

И она боялась, что то же самое можно сказать о ней самой.

Гейбриел, поднимаясь вверх по склону к своему темнеющему дому, мысленно посмеивался над выдумкой о привидениях. Разве не был он человеком, который всегда делал ставку на удачу? Привидения? Ну что же, придется научиться жить с ними. А предупреждение Элетеи о том, что от Хелбурн-Холла не следует ждать ничего особенного, было с ее стороны бессмысленной, но приятной попыткой. Он и без того не ждал ничего хорошего от своего выигранного в карты приобретения. Мало кто поставит на карту собственность, имеющую реальную ценность; он был бы дураком, если бы надеялся, что его встретят в Хелбурн-Холле радостными возгласами. Он понимал, что его сочтут узурпатором, вульгарным даже по деревенским меркам.

Но он никак не ожидал, что над головой у него просвистит пуля и застрянет в притолоке двери, когда он впервые переступит порог этого дома.

Он выругался и швырнул седельную сумку на пол. Его взгляд поднялся к смутной фигуре, которая скрылась за балюстрадой галереи.

— Стой на месте, ублюдок, а то я отрежу тебе уши и засолю их.

— Сэр, сэр... неужели в вас уже выстрелили? Боже мой, какая спешка!

Женщина с приятным лицом, с растрепанными седыми волосами поспешно шла к нему из коридора. Первый взгляд на нее вызывал мысль о крестной-фее, размахивающей чем-то вроде волшебной палочки. При ближайшем рассмотрении палочка превратилась в нечто более смертоносное — в ружье.

Он сердито глянул на фигуру на верху лестницы, робко смотрящую сквозь перила.

— А вы — привратница?

Она оправила передник с удивленным видом.

— Я — домоправительница, сэр, миссис Минивер. Прошу вас, не обижайтесь, что мы осмелились защитить себя. У нас много месяцев не было хозяина, который мог бы руководить нами и защищать нас. Но теперь, когда вы здесь, все изменится к лучшему.

— Я бы не стал на это рассчитывать, — сказал он, глядя мимо нее. — У вас такая привычка, миссис Минивер, приветствовать всех гостей, особенно вашего хозяина, с ружьем в руках?

Она присела в запоздалом реверансе.

— Прошу прощения, сэр, но никогда нельзя знать, кто войдет в дом. За последние месяцы у нас было столько всяких неприятных посетителей, карточных игроков и им подобных. Таких людей, которых не захочешь узнать на улице, если вы понимаете, о чем я.

Гейбриел двинулся дальше. Нет, он определенно не станет здесь жить.

— Где остальная прислуга? Нужно отвести мою лошадь на конюшню и обиходить ее как следует. Я бы хотел бренди, а также чтобы мне дали возможность объяснить, чего я жду от прислуги на время моего пребывания здесь.

Она бросила смущенный взгляд в сторону галереи. Гейбриел выхватил у нее из рук ружье и направил вверх, на балюстраду.

— Одно из моих личных правил — как бы глупо это ни звучало — состоит в том, что я не позволяю использовать себя как мишень для учебной стрельбы. Вы поняли, там, наверху?

— Да, сэр, — ответил скрипучий старческий голос. — Я решил, что кто-то из деревенских мальчишек опять собрался залезть к нам. Я Мерфи, ваш дворецкий.

— Нам действительно досаждают здешние сорванцы, сэр, — сказала миссис Минивер. — У нас нет никого, кто мог бы защитить нас, и всякие негодяи, конечно, этим пользуются. Но разумеется, теперь, когда вы здесь, мы будем под защитой.

— А кто защитит меня от вас?

Она поспешила за ним по холлу, по пути вытерев передником пыль со столика.

— Сильный молодой господин, вроде вас, — именно этого нам не хватало, а те, прежние, жалкие неудачники, что управляли этим домом, не заслуживают доброго слова. Я надеюсь, что теперь, когда вы здесь, вы всем покажете, что к чему, и у нас будет порядок.

Гейбриел мог бы рассмеяться. Спаси, Господи, этих несмышленных людей, полагающих, что он из тех, кто способен навести порядок в этом доме. Впрочем, он это сделал бы — будь у него намерение поселиться здесь.

— Нужно накормить и напоить мою лошадь, — твердо сказал он. — Я намерен подождать до утра, когда официально представлюсь и — как это вы выразились? — наведу здесь порядок.

— Слушаю, сэр.

— А бренди...

— Сейчас принесу, сэр. Располагайтесь, сэр, вы у себя дома.

«Дома?»

Кто, будучи в здравом рассудке, за последние два столетия мог бы почувствовать себя дома в этом затянутом паутиной склепе? Он устремил взгляд на покрытые пылью портреты, которые висели на дубовых стенах. Наверное, подумал он, это неплохо, чтобы произвести впечатление на тех, чьи собственные предки не пустили прочных корней в английской истории. Он шагнул ближе и заметил темный предмет, висящий на настенном подсвечнике.

— Это еще что такое?

— Пропади все пропадом. Опять летучая мышь. — Домоправительница постучала рукой по стене. Зверек не пошевелился. — Не знаю, откуда они берутся.

Он попятился.

— А вы откуда взялись? Из Бедлама?

— О нет, сэр. Из Ньюгейта. — Он отвернулся. Миссис Минивер, тряся головой топталась у него за спиной. — Мы молили Господа, чтобы он нас освободил, сэр, — добавила она. — И для нас доброе знамение, что вы не погибли на проклятом мосту.

Он стянул с рук перчатки для верховой езды.

— Вы знакомы с нашими соседями, миссис Минивер?

— С лордом Рексемом? Превосходный джентльмен, сэр.

— А его жена?

— Ну, он еще не женат. Но он, говорят, вот-вот женится.

— У него есть любовница? — напрямик спросил он.

— Боже упаси, я так не думаю. Ведь в доме живет леди Элетея.

— А муж леди Элетеи живет с ними, я полагаю?

— Нет у нее мужа, сэр. Такая жалость! Она потеряла своего возлюбленного на войне и с тех пор как будто не в себе. Она была милой проказницей, эта молодая леди, а теперь она либо ездит верхом по полям, либо сидит в доме брата наедине с книгами.

— Я выпью бренди, и немедленно, миссис Минивер, — спокойно проговорил он. — Принесите его мне на конюшню. Меня очень беспокоит, в каких условиях будет находиться моя лошадь.

В эту ночь Элетея впервые за много месяцев хорошо спала, ей снились эпические герои в развевающихся плащах, и кони их мчались, грохоча копытами. Утром она впервые почти за год потратила некоторое время на то, чтобы найти в платяном шкафу свою любимую амазонку цвета лесной листвы вместо строгого платья из черного шелка, которое обычно надевала. Она сто раз провела гребнем по волосам и вплела в косы белую ленту. Она сбежала вниз, полная сил, чтобы поиграть с тремя своими собаками, прежде чем отправиться на утреннюю прогулку верхом.

Она уже вывела своего мерина на двор, но тут в ворота вкатила на своей двуколке миссис Брайант, длинноногая и энергичная жена викария. Три собаки Элетей подняли лай, зная, что в одной из переполненных корзинок миссис Брайант есть, как всегда, лакомство для них. Она соскользнула с сиденья, а собаки в нетерпении сновали у ее ног.

— Подождите, не уезжайте. — Миссис Брайант сняла с головы соломенный капор и помахала им, указывая на пастбище. — Мы с вами должны вместе заехать в одно место.

Миссис Брайант не скрывала, что ее заботит будущее Элетей. Всякому, кто хотел ее выслушать, она сообщала, что эта молодая женщина до такой степени погружена в свое горе, что готова навечно заточить себя в доме своего брата. По мнению миссис Брайант, это не было обычным заточением, вызванным горем, хотя если она и предполагала истинную причину, заставившую Элетею удалиться от общества, она не обмолвилась об этом ни словом.

Элетея подавила невольный вздох.

— Моя лошадь уже оседлана и готова к прогулке. Неужели кто-нибудь заболел?

— Нет, насколько мне известно. Речь идет о новом владельце Хелбурн-Холла. Я надеюсь, что смогу уговорить его остаться здесь. Почему бы вам не поехать со мной? Вы верхом доберетесь раньше меня, а я отвезу сыр во вдовый приют и подъеду чуть позже.

Элетея похлопала хлыстом по коленке.

— У меня нет настроения наносить светские визиты. Я только испорчу вашу приветственную речь.

— Но не могу же я поехать туда одна, — настаивала миссис Брайант, хотя она ездила одна днем и ночью, поднимаясь в гору, пересекая реку, если заболел кто-то из деревенских жителей.

Ветерок пощипывал Элетее щеки, намекая на то, что осень уже не за горами. Она подумала о человеке с густыми черными волосами, в съехавшей набок шейной косынке и с синими глазами, которые притягивали ее, точно темный кристалл.

— Честно говоря, я уже встретила с ним вчера вечером — нужно было предостеречь его насчет моста и...

— Вот и прекрасно. — И с этими словами миссис Брайант поспешила к своей двуколке. — Значит, вы можете меня представить. И мы побудем там вместе. Между нами говоря, я думаю, что у него в доме всем заправляют слуги. Пора положить этому конец. Как вы считаете — я знаю, вы только что познакомились с ним, — но возможно ли, что именно он — тот, кого мы все ждали, тот, кто возьмет в свои руки управление поместьем?

Сто дьяволов бесновались в снах Гейбриела. Один из них запустил свои когти ему в

плечо и немилосердно тряс его; Гейбриел не обращал внимания на эту неприятную тряску. Его до предела утомили трудная дорога из Лондона и четыре часа, потребовавшиеся на то, чтобы привести в приличное состояние конюшню для лошади. То были воистину авгиевы конюшни, месяцами не видевшие свежей соломы и вил.

Две бутылки бренди опустели к утру, лошадь была напоена, вычищена, накормлена, сам он тоже вымылся под древним насосом, счистил дорожную пыль с зубов и волос, а потом уснул мертвым сном. Ему что-то снилось, но свои сны он едва мог вспомнить. Какая-то женщина с темными глазами и в серебряных туфельках; на плече у нее сидела летучая мышь. Ему хотелось раздеть эту женщину.

Просыпаться ему не хотелось. Ложась, он расстегнул рубаху, да так и не снял полностью. Он протестующе вздохнул, закрыл лицо локтем.

Демон с острыми когтями принялся трясти его еще сильнее.

Демоница.

Он с трудом открыл налитый кровью глаз, потом быстро закрыл его, узнав существо, явившееся по его душу. Да поможет ему Господь, уж если он должен сдаться кому бы то ни было, пусть это будет она.

— Как вы себя чувствуете, сэра Гейбриел? — спросила она голосом, до такой степени потрясенным, что любой совестливый человек ответил бы так, чтобы уст покоить ее.

А он изобразил из себя покойника, любопытствуя, как она на это будет реагировать. Сердце гулко забилося. Его мужская плоть проснулась так резко, что ему захотелось натянуть плащ на эту часть своего тела, которая имела обыкновение вести себя как барометр в самое неподходящее время. Но плаща рядом с ним не было.

Она провела рукой по его распростертому телу.

— Ну ладно, вы еще дышите, — пробормотала она, — а вот и бутылка из-под бренди... нет, две бутылки. Проснитесь, кутила. Подумать только, я о нем беспокоилась. Да проснитесь же.

— Я и проснулся, — пробормотал он. — Приходите позже, когда я буду в состоянии соображать. Если вы не возражаете, я еще немного поваляюсь в постели.

— Вы вовсе не в постели, — возразила она, вцепившись ему в руку. — В любую минуту сюда может войти жена викария. Сядьте же и сделайте вид, что вы хоть что-то понимаете.

— Викарий? — Это слово вызвало у него интерес. Он высвободил руку. — Какой викарий? Разве я просил вас обвенчаться со мной этой ночью?

— Да. — Она оправила на нем смятую батистовую рубашку. — И скоро у нас родится младенец.

Он фыркнул:

— Я бы запомнил это, даже если бы держал голову всю ночь в бочке с джином.

— Судя по вашему виду, все было почти что так. Прошу вас, попытайтесь привести себя хоть в какой-то порядок.

— А что нужно от меня жене викария? — раздраженно спросил он, почесывая щеку, поросшую щетиной.

Элетея с досадой рассматривала его.

— Она хочет приветствовать вас как нового хозяина.

— Хозяина чего? — Он снял с ее юбки соломинку.

— Хелбурн-Холла, — язвительно сказала она, глядя на его руку, пока он не отвел ее. — Вероятно, сэра Гейбриел, вы не заметили, будучи чрезвычайно трезвым и внимательным

человеком, что стропила в вашем доме падают одно за другим, что конюшни провоняли, что ваши слуги — самый неряшливый, ни на что не годный сброд, который когда-либо позорил профессию домашней прислуга.

— Это не моя вина. — Он хмуро посмотрел на нее. — И меня это не интересует.

— Придется вам этим заинтересоваться, — сказала она демоническим голосом, и ему показалось, что она провела по его спине бритвой. — Вы выиграли этот дом. Ответственность за него лежит на вас. А теперь вставайте, пока я не...

— Пока вы что? — спросил он, с вызовом блеснув глазами.

На самом деле из всего, сказанного ею, только эти слова и пробудили в нем интерес.

Она наклонилась так, что коснулась носом его носа.

— Я отнесу ваше пьяное тело к корыту, из которого поят лошадей, и буду макать вас в воду, пока глаза у вас не начнут косить.

Поняв, что она не даст ему покоя, он наконец снизошел до того, что обратил на нее внимание. Его глаза из-под тяжелых век, осмотрев ее, вернулись к ее мрачному цыганскому лицу. Его удивило, что спустя столько лет она по-прежнему может вызвать в нем желание завывать на луну.

— Позвольте мне почтительно заметить вам, миледи, — сказал он, — что я совсем недавно вернулся с войны. Мои нравственные обязанности перед обществом выполнены.

— Нравственные обязанности?

— Если мне захочется всю ночь проспять в сарае, я так и сделаю. И если слуги в Хелбурне захотят бегать вверх-вниз по лестнице нагишом, натирая перила, я не вижу, с какой стати мне запрещать им это делать.

— Тогда зачем вы сюда приехали? — разочарованно спросила она.

— А не могли бы вы отстать от меня?

Она закусила губу.

— Нет.

— А зачем вам надо, чтобы я хозяйничал в Хелбурне? — удивленно спросил он, подумав при этом, что она сделает, если он ее поцелует.

Она немного отошла.

— Невыносимо видеть, как большое поместье пребывает в полном небрежении, — хотя еще невыносимей видеть, как с таким же небрежением относится к себе джентльмен.

— Возможно, я дам себя убедить и проживу здесь месяц-другой. Это зависит от того, насколько хорошие у меня соседи.

Она сурово посмотрела на него:

— Я всегда задавалась вопросом — что было с вами после того, как вы исчезли в ту зиму?

Гейбриел кашлянул. Он испытал приятное удивление, услышав, что она думала о нем. Вместо того чтобы ощутить вкус к жизни, он почувствовал на себе груз забот.

— Ну, теперь вы это знаете, — сказал он, непримиримо улыбаясь. — И не говорите, что я не оправдал ваших ожиданий, став тем, кем я стал.

— Вы чувствуете жалость к себе, не так ли? — спросила она после долгих колебаний.

— Нет, — отрывисто ответил он.

— Тогда, поскольку я никак не могу уговорить вас переменить свое решение, мне лучше уйти.

Он схватил ее за запястье — сам не зная зачем — и притянул к себе.

— Я не утверждаю, что вы не можете уговорить меня. Это самое меньшее, что вы можете сделать после того, как разбудили меня.

И прежде чем она успела возразить, не дав ей произнести ни одного слова, он привлек ее к себе, повалил на солому и поцеловал, просунув язык в ее раскрытые губы. Не будь она Элетеей Кларидж, он не ограничился бы поцелуем. У ее губ был вкус меда, огня и летнего вина. Ее тело в сладком соблазне отлилось по форме его тела. Он провел своими губами по ее губам, а рукой — по ее стройным бедрам. Она не шелохнулась. Он почувствовал, что плоть его затвердела, охваченная порывом, которого он и сам не понимал.

Он вжал ее глубже в солому. Теплые углубления на ее теле совпали с его твердым мускулистым телом. Он не знал, чем он заслужил этот незванный визит, но внезапно голова у него стала ясной, как никогда, а тело возбуждилось.

— Элетея. — Он перекатился на бок, все еще не снимая руки с ее спины. — Могу я...

Он почувствовал, как ее тело содрогнулось. Ничего не стоило убедить себя, что эта дрожь вызвана желанием. Однако неясное выражение ее глаз говорило о чем-то, не очень лестном для него. Но он все равно нашел ее губы, стараясь выпить их нектар до последней капли.

— Гейбриел Боскасл.

Он оперся о локоть, провел пальцем от ее губ вниз, к пуговкам, которые шли в ряд от шеи к впадинке между грудей. Она подняла на него глаза, и сердце у него забило сильнее. Она действительно сияла мрачной таинственной красотой, с выдающимися скулами и глазами в густых ресницах; эти глаза заставили его ощутить себя тем самым мальчишкой, которого она пожалела много лет назад. Теперь он знал гораздо больше. Имеет ли это для нее значение?

Палец его скользнул под кружевную ленту ее сорочки, коснулся ее грудей.

— Очень красивые и мягкие.

Она испуганно ахнула. Он замер, изумившись тому, как сильно ему хочется продолжить. Он молчал, сердце его бешено билось.

— Если вы думаете, что я позволю соблазнить себя на конюшне, значит, вы действительно держали голову в бочке с джином.

— А вы предложите мне разделить с вами ложе? — осведомился он с дерзкой улыбкой.

— К чему такие вопросы?

— Если есть хотя бы малейший шанс, почему бы мне и не спросить? И я не считаю, что это ниже моего достоинства.

Он ждал, охваченный похотью, не зная, сможет ли справиться с нею.

— Вам придется простить меня, — сказал он, когда стало ясно, что она не намерена склонять его к большей близости. — Я не привык, чтобы меня будили таким вот образом.

Она насмешливо улыбнулась:

— В таком случае я не буду выяснять, каковы ваши обычные ритуалы при пробуждении.

В ответ он улыбнулся ей с таким виноватым видом, что она рассмеялась.

— Жена викария не должна застать нас на соломе. Вы стали еще хуже, чем были, когда я видела вас в последний раз, Гейбриел. Не понимаю, почему я вообще трачу на вас время.

— Я тоже не понимаю. Но должен сказать в свою защиту, что когда красивая женщина будит спящего глубоким сном мужчину с дурной репутацией, ей следует быть готовой к тому, что он отзовется на это... ну, в общем, он отзовется. Держу пари, любой мужчина отозвался бы на это, как я, если бы кто-то вроде вас склонился над ним и посмотрел на

него так, как вы посмотрели на меня.

Она приподнялась на руки и оперлась на колени, юбка ее амазонки обвила пыльные полусапожки. Поза была такой вызывающей, одной из любимейших его эротических поз, что ему пришлось стиснуть зубы.

— Я полагаю, даже собака, если ее разбудить, — сказала она, — или...

Она досадливо подняла левую руку, чтобы откинуть с плеча непокорный локон. Этот жест привлек его внимание к крепкой груди, обтянутой лифом амазонки. Во рту у него пересохло, он сглотнул, приписав внезапное головокружение плохому бренди. И отвел глаза.

— Давайте я помогу вам стряхнуть солому с платья.

— Нет. Это меня не беспокоит. Лучше не пускайте в ход ваши распущенные руки.

Он усмехнулся:

— Ладно. Как вам угодно. Но взамен я попрошу вас не говорить так громко. У меня болит голова, она распухла, как мех с вином.

Она с отвращением глянула на бутылки, прислоненные к охапке соломы.

— Странно, с чего бы это? Спрячьте бутылки — и как можно скорее. И встаньте, пока не пришла миссис Брайант.

— Я не приглашал ее к себе, — проворчал он. — Я не собираюсь здесь оставаться. С таким же успехом она может пожелать мне всего хорошего. И приберечь бы свои заботы для кого-нибудь другого.

Она схватила одну из пустых бутылок из-под бренди. Ему подумалось: уж не собирается ли она стукнуть его по голове? К счастью, она, вскочив на ноги, остудила свое раздражение тем, что просто швырнула бутылку в пустое стойло. Он решил, что их поцелуй стоит этой несерьезной выходки. И пусть она ударит его чем угодно, лишь бы разрешила задержать ее еще на час.

— Почему вы позволили себе погрязнуть в безысходности, Гейбриел? Вы могли бы подняться, какое бы бремя ни лежало на вас. С каждым человеком, когда он входит в жизнь, случается какая-нибудь беда. Я надеялась, что из вас выйдет что-то стоящее.

Ее замечание укололо его. Но она не поняла этого, и он не стал унижать себя попыткой объясниться.

— Возможно, такой результат был предопределен моей родословной.

Она покачала головой. Губы ее были соблазнительно влажными от поцелуя. Его возражение прозвучало фальшиво даже для него самого.

Он понимал, что невозможно винить своих предков в изломах его темной натуры. Скандальная жизнь его семьи только усилила действие полученных в юности уроков любви и страсть к жизни, которую он унаследовал от своего родного отца. Какое-то время его возмущали те узы, которыми связали себя его двоюродные братья, и он скрывал свою зависть за насмешками и соперничеством, хотя и надеялся, что когда-нибудь станет им ровней. Никто из его лондонской родни не знал толком о его детских муках. Многие годы он предполагал, что они не спрашивают потому, что не испытывают никакого интереса к тому, как он выжил.

Но теперь, когда он был принят в семью как положено, он понял, что родня скорее уважала его самостоятельность, чем выказывала равнодушие. Он пришел к выводу, что если бы его гордая мать-француженка попросила о помощи после смерти его отца, Боскаслы предложили бы ей помощь без всяких колебаний. Но его мать стыдилась и боялась, что Боскаслы станут презирать ее за то, что она вышла замуж слишком скоро после смерти

Джошуа. Жаль, что Гейбриел не знал тогда, что Боскаслы ни в коей степени не были людьми лицемерными.

Чрезмерно страстными — да, но крепко спаянными и преданными друг другу. Он не стыдился, что принадлежит к этому роду.

Он хмуро посмотрел на нее:

— И кем же я стал, по вашему мнению? Говорите откровенно.

— Не знаю. Вероятно, вам лучше посмотреть в зеркало и спросить у самого себя.

— Только не в такую рань, дорогая.

— Уже два часа дня.

— Только-то? Я проспал бы еще часов пять. Давайте поспим вместе.

— Вы были кавалерийским полковником, — сухо сказала она. — Вы что же, воевали только по ночам?

— Нет. — Он посмотрел на нее с прямою. Он не мог сказать ей, что начал меняться к лучшему перед Ватерлоо и что необъяснимым образом начал возвращаться в себя худшего после последней битвы. — А вы? По-прежнему остаетесь образцом, который заставлял ослепнуть от любви каждого молодого человека в Хелбурне?

— Не думаю.

— Ну, вряд ли вы этого не знаете, судя по вашей внешности. — Он замолчал. Она должна осознавать свою красоту. — Я слышал о вашей потере. Какая жалость!

Она уставилась на него, лицо у нее было замкнутое, и внезапно он пожалел, что заговорил об этом. С ней было слишком легко разговаривать. Он увлекся приятным разговором, сам того не замечая. Но теперь, когда он заговорил о смерти того, кого она любила, вид у нее стал отчужденный, огорченный.

— Ничего страшного, — неловко сказал он. — Я тоже потерял много друзей в прошлом году.

Она кивнула, оглянулась.

— Я слышу двуколку у ворот. Где ваш плащ?

— Я отдал его своей лошади.

— Ах, Гейбриел.

— Все остальное было очень грязное.

— Что мне с вами делать?

Он расчесал пальцами волосы и вскочил на ноги всего лишь за мгновение до того, как энергичная пожилая дама вошла в конюшню.

— Возьмите ваш плащ, — прошептала Элетя, — и не говорите ей о том, что сейчас произошло.

— Ах вот вы где, Элетея, — раздался у дверей веселый голос. — Мне следовало знать, что вы будете на конюшне. И как здесь чисто! Вижу, наш новый сосед усердно потрудились. Приятно будет видеть, как этот старый дом снова станет таким, как прежде. Этот выгон просто просит, чтобы на нем паслась парочка чистокровных лошадей, и, конечно же, кавалерист будет гордиться...

Кэролайн Брайант, жена викария, приветливая белокурая женщина в коленкоровом платье и капоре, подвязанном под двойным подбородком, тараторила с такой неукротимой энергией, что казалось — ее вовсе не беспокоит то, что новый хозяин дома провел ночь на конюшне. Из того немногого, что знал Гейбриел, он сделал вывод, что Хелбурн славится своими беспутными владельцами, так что в его поведении, вероятно, не было ничего странного.

Он незаметно протянул руку и подобрал хлыст, оброненный Элетеей.

— Это ваше, — сказал он с затаенной иронией. — Я не стану спрашивать, для чего вы его используете.

На миг ему показалось, что она не заметила этой насмешки. Потом с улыбкой она взяла хлыст и ответила тихо:

— Это тайное оружие, чтобы держать под контролем моих соседей.

Он усмехнулся в ответ:

— Никому не известно, когда и каким способом придется поддержать дисциплину.

Гейбриел оперся о связку сена и чуть не потерял равновесие. Элетея схватила его за рукав, взглянув на него с укором, а потом, угрожающе нахмурившись, оттолкнула от себя. Жена викария болтала, ничего не замечая. Он мог бы сказать им обоим, что положение его безнадежно, вне зависимости от того, офицер ли он кавалерии или нет. Добродетели Гейбриела умерли до того, как ему исполнилось пятнадцать лет. Во время войны, участвуя в подрыве моста через Эльбу, он сам чуть не стал призраком. Ему чуть не пришлось остричься наголо, потому что ему опалило волосы, и он получил ужасный шрам на шее. Он действительно походил на дьявола, как его называли французские офицеры.

Он заморгал, внезапно поняв, что жена викария только что провела рукой по его лицу. Он не знал, то ли она утешает его, то ли пытается вызвать его из мертвых, и с трудом выдавил из себя слова.

— Вы что-то сказали, сударыня? — прохрипел он.

— Мы счастливы, что живем вдали от злых влияний нашего времени, — повторила она голосом искренним, но слишком громким — от этого голоса в голове у него загудело.

Он скосил на нее глаза.

— Вы имеете в виду Лондон? Да, порочный город. Разрушает человека. Я только что оттуда.

Она кивнула.

— Здесь, в деревне, мы живем верой, любовью, милосердием.

— Аминь, — сказал он, заслужив очередной подозрительный взгляд Элетей: что он собирался сказать? — Значит, начнем пахать.

Миссис Брайант застыла, уставившись на него. Он заметил, что Элетея закатила глаза. Наверное, он сказал что-то не то.

— У нас, сэръ Гейбриел, пашут в октябре.

— Ах да. Я забыл. Значит, мы начнем в сентябре. — Хотя он вовсе не собирался так долго сидеть в этом болоте. — Чтобы опередить остальных, которые будут ждать до октября. Элетея одарила его лукавой улыбкой.

— Именно в сентябре мы занимаемся молотьюбой.

— А нельзя ли молотить раньше?

Он уставился на ее губы. Ее глаза смотрели на него насмешливо. Если она даст ему новую возможность, он не просто поцелует ее — он пойдет гораздо дальше.

— Только в том случае, если вам известен способ, как заставить зерно созреть раньше этого времени. — Она замолчала, и ему захотелось снова притянуть ее на солому. — Он вам известен?

Гейбриел усмехнулся:

— Если я отвечу «да», вы сочтете меня полным идиотом, не так ли?

Она рассмеялась:

— Сочту.

— Я не фермер. — Он пожал плечами. — И никогда им не был.

Элетея изучала его глазами.

— Быть может, вы не фермер, но у вас есть арендаторы, и они-то как раз фермеры. Положим, их осталось немного. Но ответственность за тех немногих, которые остались, лежит на вас.

Он покачал головой:

— Я их даже не знаю.

— Давайте съездим вместе, и я познакомлю вас с ними.

— Возможно, но только не сегодня, — сказал он, стараясь, чтобы его слова прозвучали искренне.

Но он не обманул ее ни на миг. Она помнила, кто он такой.

Миссис Брайант ободряюще улыбнулась ему:

— Мы знаем, что вы не фермер. Но могу ли я спросить, кто вы?

— Ну, я игрок, — сказал он не подумав. — И...

— Воистину полезное занятие, — пробормотала Элетея.

— И кавалерийский офицер. То есть был. Я знаю лошадей. Действительно знаю.

Миссис Брайант окинула оценивающим взглядом его сильную фигуру.

— Это хорошее начало.

— Лошадей и женщин, — поправился он.

— И я полагаю, что, с вашей точки зрения, разница между одним и другим невелика, — сказала она с укоризненным видом.

Гейбриел улыбнулся:

— Конечно, разница есть. Лошадь хороших кровей может принести мужчине целое состояние. Женщина хороших кровей может растратить состояние в десять раз быстрее.

Элетея вздохнула:

— Полагаю, нам пора ехать, миссис Брайант. Бедный сэръ Гейбриел всю ночь ухаживал за своей лошадыю.

Все трое вышли, и он снова прищурился. Солнце выглянуло из-за мрачной гряды облаков. Типичный английский серый день вдруг наполнился ослепительным сиянием, от которого резало в глазах.

И которое заставило его понять, как действительно похорошела Элетя. Быть может, она слишком вытянулась, чтобы в Лондоне ее могли называть красавицей. Да и черты ее лица, патрицианский нос, роскошные губы и угловатый подбородок не были образцом классической красоты.

Но он поцеловал эти несовершенные губы, а она продолжала разговаривать с ним. Этот факт весьма ободрил его. В конце концов, она поддержала его в самую трудную минуту его жизни, и если он не стал лучше за эти годы, то не стал и хуже. И у него не было других планов на лето, кроме как навестить своих старых друзей в Венеции.

Миссис Брайант сунула ему в руки тяжелую корзину:

— От нашего прихода, прошу принять этот малый знак нашего уважения. Добро пожаловать в Хелбурн, сэр Гейбриел.

Он с трудом сглотнул.

— Благодарю вас, — сказал он, поняв, что миссис Брайант ждет ответа. — Что... что здесь такое?

— Фиалковое желе. Три кувшина. Сочная ветчина. И молитвенник.

«Фиалковое желе и молитвенник. Пожалуй, мне пора обзавестись вставной челюстью».

— Вы очень добры, — вежливо сказал он.

Миссис Брайант посмотрела ему в глаза.

— Вам понадобится много сил, если вы займетесь Хелбурном. Вы не должны позволять своей прислуге запугать вас, — сказала она с напором. — Вы должны позаботиться о своем имени.

Гейбриел отважился бросить взгляд на Элетю; в ее глазах искрился смех.

— Вот как?

Миссис Брайант топнула ногой по соломе:

— Покажите слугам, кто здесь хозяин.

— Я сказал им об этом вчера вечером. По крайней мере мне так кажется.

— Тогда почему, позвольте узнать, вы спали на конюшне?

— Ну, потому что я...

Миссис Брайант понимающе кивнула:

— Потому что вы боялись спать в доме. Боялись, что кто-то из этих негодяев разделается с вами ночью. Я не упрекаю вас за осмотрительность.

— Думаю, что я довольно быстро приберу их к рукам, — сказал он, хотя в голове у него мелькнула мысль о том, что он ушел с одной войны, чтобы попасть на другую.

— Вероятно, Элетя рассказала вам о человеке, который владел Хелбурном три года назад?

Гейбриел покачал головой.

— А что с ним случилось? — осторожно спросил он.

— Никто не знает, — ответила Элетя. — Видели, как он бежит по холмам в ночной рубашке, а больше его никогда не видели.

— Но с сэром Гейбриелом такого не произойдет, — сказала миссис Брайант с ободряющей улыбкой.

Элетя с любопытством выгнула брови.

— Почему же?

— Потому что я, как правило, не ношу ночных рубашек, — дерзко ответил он. — И потому, что никто не сможет изгнать меня из этого дома, пока я не уеду по собственному

желанию.

— Значит, все в порядке, — сказала миссис Брайант, с удовлетворением кивнув. — В Хелбурне появился новый хозяин, и это не размазня, который позволит выжить себя отсюда.

«Да, уж он не размазня», — думала Элетея.

Даже в детские годы его нельзя было так назвать. Скорее, он был в ущерб себе груб, дерзок и вызывающе упрям. Эти неистребимые недостатки она не могла отрицать, да и он сам не стал бы. Насколько она могла судить, он не был бессовестным распутником. Сохраняя самообладание, она села на своего мерина и проехала мимо разрушенной ограды пастбища.

Гейбриел стоял, прислонившись к двери конюшни, его мятый черный плащ висел у него на плече. На лице его было выражение вежливого удовольствия, когда он смотрел на нее. Миссис Брайант уехала наносить свои ежедневные визиты и молиться за прихожан.

— Изгородь нужно починить! — крикнула ему, не удержавшись, Элетея.

Он кивнул:

— Вижу. Но на вид она еще крепка.

Она пренебрежительно покачала головой. Он вовсе не смотрел на изгородь. Он смотрел прямо на... Она выпрямилась. Она никогда не считала себя красивой. Нос у нее с шишечкой. Ростом она почти со своего брата. Но она гордилась своей осанкой, результатом ношения в школьные годы корсета из китового уса — корсет должен был приучить ее держать спину прямо.

Она нахмурилась:

— Надеюсь, вам понравится фиалковое желе. Оно очень вкусное с поджаренным хлебом.

Он улыбнулся:

— И молитвенник тоже.

Единственное, о чем могла бы помолиться в данный момент Элетея, — это о том, чтобы благополучно уехать и не ступить на неверный путь. Или, что еще хуже, не сделать круг и не вернуться к этому высокому страстному человеку с худощавым насмешливым лицом. Она никак не могла поверить в то, что его неожиданный поцелуй смог так приятно вывести ее из равновесия после того, что сделал Джереми. Она думала, что будет чувствовать себя замаранной и оскорбленной. А вместо этого что-то трепетало у нее внутри, и ощущения эти были вовсе не неприятны.

Когда он целовал ее, она не пыталась сопротивляться. Все то время, когда он прижимался губами к ее губам, она мысленно смеялась и плакала; ей хотелось сказать ему, что она такая же скверная, как и он, но она ни за что не расскажет ему об этом.

Она поедет прямо домой и выпьет полпинты настойки одуванчика и лопуха. И тут она выпрямилась в седле. Дерзкий человек. Положил руки ей на ягодицы, словно проверял их мягкость.

Разумеется, сам он не отличался мягкостью. Короткое прикосновение к его мускулистому телу показало, насколько оно сильное и каменно твердое. Было бы куда хуже, если бы он не остановился в тот же миг, как только она дала понять, что он должен вести себя прилично. А ведь Джереми она умоляла прекратить, молила до тех пор, пока не охрипла, но это его не остановило, и он сделал ей больно. Она удивилась, что поцелуй Гейбриела оказался порочно-сладким и не обидел ее, если не считать обидным то, что ей самой, как это ни странно, хотелось просить его о продолжении.

Она ехала медленно, размышляя всуе, брал ли он когда-нибудь женщину силой, и понимала, что этого не бывало. Скорее, он подставил бы себя под удар в каком-нибудь рискованном предприятии. Но все же он казался человеком грубым, который может стать и опасным, если его спровоцировать. Гувернантка Элетеи утверждала, что он и его братья унаследовали от матери и от ее предков Бурбонов склонность к заговорам и интригам. А от Боскаслов он унаследовал свою потрясающую внешность и привлекательность.

Она не знала, что ей о нем думать. Он не упомянул трех старших братьев, которые исчезли из этих мест прежде, чем исчез он сам. Однажды мать Элетеи призналась, что с облегчением узнала об их исчезновении. Графиня была уверена, что любые жизненные невзгоды, с какими могли бы столкнуться пропавшие братья, не идут ни в какое сравнение с тем злом, которое им пришлось бы вынести в четырех стенах их дома.

Но Гейбриел остался с матерью, чтобы защищать ее от отчима. Только в последние годы Элетея начала понимать, какую жалкую жизнь вел юноша, который потерял грубого, но любящего отца, а взамен получил враждебного чужака. Защищая себя, он, что вполне понятно, ожесточился сердцем.

А из этого следовало, что он и вправду способен принести благо Хелбурну, стать грозным, за всем надзирающим хозяином, но при этом он непременно нарушит душевное спокойствие Элетеи.

Слишком трудно совсем не обращать внимание на своего соседа. И вдвойне сложно, если ты питаешь необъяснимый и давнишний интерес к его судьбе. Они знали друг друга еще до того, как он потерял своего отца, до того, как она потеряла свое достоинство и все, что могло бы дать ей положение замужней женщины. Ей оставались только надеяться, что те два человека, которыми они были когда-то, вполне могут согласиться на вежливое общение. У нее нет оснований бояться его.

В некотором смысле это такое облегчение — быть падшей. Нет нужды притворяться, что тебе стыдно, что ты испытываешь нетерпение и что ты не можешь встретиться с человеком, подобным Гейбриелу, в его стихии.

Едва Элетея скрылась из виду, как начал моросить легкий дождик. Гейбриел смотрел ей вслед не стесняясь. Он и не думал притворяться, будто жаждет стать именно тем прекрасным джентльменом, которого она желает иметь своим соседом. Он не собирался ее обманывать. И он овладел бы ею, если бы она поощрила его. Но он никогда не обесчестит женщину, если это не будет частью их взаимной любовной игры. Честно говоря, ему никоим образом не хотелось огорчать Элетею. Она, вне всяких сомнений, все еще пытается пробуждать в людях только хорошее. Вероятно, ей удастся делать это, но с ним у нее ничего не получится.

Капли дождя упали ему на лицо с крыши конюшни, и он скривился. Потом повернулся и чуть не упал, споткнувшись о корзину, привезенную миссис Брайант. Рядом с корзиной лежал хлыст Элетеи. Он с усмешкой взял корзину и хлыст.

— Фиалковое желе и...

Мысли его прервало ржание лошади в глубине конюшни. Он резко обернулся и заметил тень, мелькнувшую за охапками соломы, из которой соорудил себе постель. Нечеткая фигура тут же исчезла из поля его зрения, но Гейбриел успел узнать дорогую уздечку и кавалерийскую шпагу, которую вор нес под мышкой.

Кровь бросилась ему в лицо. Вещей у него было мало, но тем, что имел, он дорожил.

— Эй, ворюга! — с возмущением крикнул он. — Стой, ни шагу, если не хочешь, чтобы тебя проткнули тем самым оружием, которое ты собрался украсть.

Этот грубый окрик привел только к тому, что вор попытался сбежать через заднее окно. Тихонько ругаясь, Гейбриел бросил хлыст и тяжелую корзину на землю и погнался за ним тем же путем, по которому уходил проворный мошенник, вздумавший его ограбить. Парень в грязной желтой куртке и заплатанных штанах явно был завсегдаем приходской кутузки. Гейбриел и сам очень хорошо знал эту одежду.

— Брось уздечку и шпагу, пока не поранился, глупый ублюдок! — крикнул Гейбриел.

Шум привлек любопытных судомоек, хотя никто не осмелился выйти из судомойни на дождь и помочь разгневанному хозяину. Гейбриел с отвращением посмотрел на них, и от его взгляда все, кроме одной судомойки — молодой девушки, — поспешили спрятаться. Она же, раскрыв рот, наблюдала за погоней.

Теперь ловкий вор, подгоняемый, без сомнения, сознанием, что он ограбил сумасшедшего лорда, перепрыгнул через ограду загона и бросился к какой-то невидимой тропинке.

Гейбриел вскоре настиг его, потому что эти окольные тропки были знакомы тому, кто в свое время устраивал шалости и похуже. Вор петлял, пытаясь обхитрить преследователя и уйти от погони. Когда-то Гейбриел играл в эти игры, только теперь роли переменились.

Те годы минули. Зачем же он вернулся? Что он хотел доказать? Что он лучше, чем какой-то мальчишка, завсегдагай кутузки, у которого хватило дерзости попытаться превзойти его? Или что он достоин поцелуя, единственной девушки, которая осмелилась посмотреть в глаза дракону?

Он схватил паренька за ворот куртки и швырнул на землю. Шпага упала в грязь. Уздечка вывалилась из тощей руки воришки и упала в заросли.

Гейбриел смотрел на сердитое красное лицо и синие глаза, в которых пылала адская

ненависть.

— Отвали, грязный потаскун, — сказал мальчик, фыркая.

— А ты знаешь, чем кончают маленькие задницы вроде тебя? — холодно спросил Гейбриел.

— Ага. Расскажешь в другой раз.

Гейбриел занес кулак, понимая, что ни к чему хорошему это не приведет, что никто не может выбить демонов из другого человека, что насилие только делает бунтаря сильнее. Но он хотел...

Крепкая рука схватила его за плечо. Он обернулся и не поверил своим глазам, увидев Элетею.

— Не нужно, Гейбриел, — сказала она, — Не бейте его — он в два раза меньше вас.

— Вы знаете этого воришку? — спросил он недоверчиво.

— Да, я видела его в деревне.

— Он украл у меня уздечку и шпагу, скорее всего, именно в тот момент, когда жена викария наставляла меня молиться и...

— Слушайте, — воспользовавшись тем, что Гейбриел отвлекся, мальчик вывернулся из его рук и вскочил на ноги, но Гейбриел преградил ему дорогу, — леди сказала, чтобы вы меня отпустили. Я взял шпагу и уздечку, только чтобы сделать вам сюрприз — начистить и вернуть.

— Вот чертов врунишка, — изумленно проговорил Гейбриел.

— Это правда, — настаивал мальчик, — Я ищу работу и решил, что сперва нужно себя показать. Вы получили бы все к вечеру.

Гейбриел оглянулся, отвлеченный стоявшей за ним женщиной. Теперь дождь стал сильнее, он уже проникал сквозь листву веток, изгибавшихся и переплетавшихся над их головами. Несколько прядей волос прилипли к шее Элетеи. Полногрудая, с темными волосами и цыганским лицом, она заставила его забыть обо всем, и бог знает, какие мысли пронеслись у него в голове. Это походило на панику, ноги не держали его. Что он должен сказать дальше?

— Вы понимаете, что он врет?

Она кивнула и отвела глаза, блестящие, наполненные чувством вины. Он услышал, как треснула ветка за его спиной, и понял, что пленник сбежал.

— Вам нужно взять свои вещи и идти, — сказала она. — А то вы совсем промокнете, вы ведь так и не надели плащ.

Он смотрел на нее разочарованно. Дождя он вовсе не чувствовал. Но что-то затрудняло его дыхание.

— Полагаю, вы хотите сказать, что я должен показать себя в роли хозяина.

Она улыбнулась и, обойдя его, подняла из грязи его шпагу.

— Но вы уже показали себя таковым, — сказала она, подавая ему оружие. — Вы обуздали собственный гнев. И я уверена, что вы понимаете — даже вор заслуживает по меньшей мере одного шанса на исправление.

Он рассмеялся и не спросил ее, чего, по ее мнению, заслуживает он. До этого мгновения он никогда, в сущности, не интересовался ничьим мнением о себе. Насколько он знал Элетею, она дала бы ему слишком откровенный ответ.

День он провел, отчитывая своих отбившихся от рук слуг за все их мелкие прегрешения.

Он выбрал конюха за гнилую солому в конюшне и грязные корыта с водой. Он приказал выгребать навоз трижды в день, выгон очистить от камней и ям, изгородь починить. Пусть он не собирается оставаться здесь, но он и не собирается валяться в грязи, оставшейся от прежнего хозяина, а уж если взялся за дело, надо его закончить.

На кухне стояла вонь, как в дьявольской топке, балки почернели от копоти и засохших брызг жира. Он подумал, что всякий, у кого хватит глупости угоститься стряпней здешней кухарки, непременно скончается в муках прямо за обеденным столом.

— Я требую, чтобы эти пещеры были выскоблены сверху донизу и вычищены настолько, чтобы можно было съесть то, что уронил на пол.

— А мы так и делаем, — сообщила судомойка. — Как уроним, так и съедим. И еще никто из нас не заболел.

— Вы огорчены, сэр, — заметила домоправительница угодливо. — Это большая ответственность — взять на себя дом другого человека. Конечно, как не бояться, не прокрадется ли сюда кто-нибудь из прежних владельцев и не убьет вас во сне.

Гейбриел фыркнул:

— Меня чуть не убил в холле кто-то из моих же слуг.

— Этого больше не повторится, сэр, — пообещала домоправительница. — Мы посадили покусившегося на вас в погреб, пусть посидит какое-то время. Почему бы вам не взять с собой славную бутылочку джина и не отдохнуть, а я тем временем посмотрю, что можно сделать на ужин?

— И это называется дом? — пробормотал он, а она поспешила на кухню. — Черта с два.

Он не мог себе представить, как будет здесь хозяйничать. Обнесенный стеной сад, где ему предложили отдохнуть, представлял собой заросли колючих роз, сорняков, доходивших ему до плеч, и осоки под ногами, издававшей запах горьких воспоминаний.

Как можно предпочесть деревенскую жизнь лондонскому шуму? Здешний воздух бьет его до смерти резким запахом коровьего навоза и растений. Тишина сама по себе терзает его нервы. Здесь не с кем сыграть в карты и даже выкурить сигару. Но больше всего он не терпит тишину, потому что в тишине слышны собственные мысли, громкие и сердитые, перегруженные вопросами, касающимися того времени, о котором он предпочитает не думать, и на которые нет ответа. Он — человек настоящего. Возможно, он ошибся, вернувшись сюда. Месть, на которую он надеялся, может обернуться против него самого.

С наступлением вечера он обнаружил, что даже луна в деревне сияет слишком ярко. Он забыл, как раньше часто смотрел на звезды и мечтал. Когда же он утратил надежду? Он не знал, но теперь звезды перестали сиять, и он слишком стар для всей этой чепухи.

Он умылся, прополоскал рот, чтобы избавиться от вкуса плохого джина, и пошел в столовый зал. В животе у него бурчало. Он не ел с тех пор, как несколько часов назад попробовал ветчину миссис Брайант.

Разрозненные веджвудские тарелки и оловянные ножи лежали на скатерти из дамаста. Но ничего съедобного видно не было. И не слышно было, чтобы дребезжали тарелки на подносе, который несут к столу.

Голод погнал его в пристроенную к дому кухню, где он нашел кучку прислуги, занятую азартной игрой.

— Где мой ужин, миссис Минивер? — спросил он, подняв крышку с пустого горшка, стоящего на столе.

Спрятав пару костей в переднике, домоправительница встала и присела в реверансе.

— Я хотела приготовить пирог, сэр, но тут оказалось, что мука у нас вся вышла. С вашего разрешения я схожу в соседнее поместье и одолжу миску муки.

— А за покупками вы не ходите, миссис Минивер?

Она стянула с себя грязный передник.

— Ходим, сэр, если есть деньги. Я недолго. Леди Элетея всегда входит в наше положение.

— Вот как? — спросил он, хмурясь.

— О да, сэр. Она внимательно относится к своим соседям, бедная леди. Я думаю, этим она утешается теперь, когда у нее уже нет надежд обзавестись собственной семьей.

— Я сам съезжу туда, миссис Минивер. Так будет быстрее.

— Вы, сэр? — лукаво спросила она. — Знаете, ведь графа нет дома.

Он не обратил внимания на ее понимающий взгляд. Ему хотелось спросить больше, но он удержался. Элетея не произвела на него впечатления сильно горюющей, но ведь глубоко запрятанное горе люди умеют скрывать. Он попробовал представить себе, как она сидит за столом одна, а напротив — пустое место. Возможно, она хранит это место как воспоминание о своем покойном женихе. Насколько он ее понимает, в ее доме может оказаться кто-то еще, кто-то вроде глупого юного разбойника, который тревожит обитателей деревни.

— Вы уверены, сэр? — Домоправительница с интересом смотрела на него.

Он не был уверен ни в чем, кроме того, что если останется здесь, то, вероятно, сойдет с ума и что нет смысла в том, что они с Элетеей должны быть врозь. Более того, коль он уже проехал по мосту возврата, то почти ничем не рискует, если проедет по нему еще раз.

Элетея уединилась в библиотеке своего брата Робина Клариджа, графа Рексема, когда появился явно взволнованный лакей и доложил, что к их дверям подъехал какой-то незнакомый человек.

— Незнакомый человек? — Она отложила перо.

— Джентльмен, который заявил, что вы раньше дружили.

Элетея, оцепенев, сидела на стуле. Она уже распустила волосы, вычистила зубы, совершила ночной туалет и выпила, как всегда, рюмку шерри на ночь. Она не помнила, чтобы кто-то приходил в такой час, хотя не требовалось много воображения, чтобы понять, кто он, этот посетитель.

Она встала, вдруг исполнившись решимости. Гейбриел, вероятно, привык в Лондоне наслаждаться полуночными удовольствиями, ведь молодые щеголи не возвращаются домой до утра. Но в деревне люди наслаждаются спокойными вечерами, иногда ходят в гости. Конечно, порой у нее появлялось желание заняться чем-то более живым, но вскоре здесь состоится ежегодный маскарад — до того как осенний холод вынудит всех сидеть по вечерам у огня.

Скромница. Старая дева. Вот во что она превращается, в одну из тех вызывающих жалость леди, над которыми она и ее подруги тайком смеялись еще совсем недавно. Гейбриелу она, наверное, показалась скучной по сравнению с его лондонскими любовницами, и она не могла не признать, что он умеет внести оживление в общество и что... в общем, она надеялась, что поздний посетитель — именно он. Она тихонько рассмеялась, подумав об этом, Элетея удивилась тому, с каким нетерпением ждет момента, чтобы отчитать его за столь позднее появление. Она уже и не помнила, когда в последний раз с нетерпением ждала чего-то.

Но внизу, в холле, ее ждал не Гейбриел. А когда посетитель повернулся, она почувствовала не только огромное разочарование, но внезапный страх и желание побежать за пистолетами брата.

Призрак. Призрак Джереми.

Тут он поднял голову, и лицо его оказалось на свету. Иллюзия исчезла, и она поняла с радостной дрожью, что это всего лишь старший брат Джереми, майор лорд Гай Хазлетт. Неулыбчивый и более поджарый, чем его покойный брат. Когда-то ей случилось перекинуться с ним всего двумя-тремя фразами. Но при этом она чувствовала на себе его внимательный взгляд, и это заставляло ее нервничать, впрочем, так же как и теперь.

Она надеялась, что никогда его больше не увидит. Он и его семья владели большим поместьем по соседству, в Эшвелле. Что привело его сюда? Что могло ему понадобиться? Обручальное кольцо, которое подарил ей его брат?

Она бросила его с моста в дар двум влюбленным, погибшим там. Больше у нее не было ничего ценного для человека, который мог бы стать ее деверем.

Она встретила с ним взглядом. Такие же зеленые глаза, что и у Джереми, такие же чеканные черты лица и надменная манера держаться. Гай не снисходил до посещения Хелбурна несколько лет. Он считал, что это ниже его достоинства.

Что ему нужно?

Он поспешил вперед и обнял ее.

— Простите меня, Элетея, что я вторгаюсь к вам в такой час. У меня есть дело в этих краях, и я обещал жене, что осведомлюсь о том, как вы живете. Джереми погиб, и это было трудное время для всех нас.

Он опустил голову и некоторое время торжественно молчал. Его короткая речь должна была бы порадовать ее. В этом был смысл, когда она вспомнила сочувственные взгляды, которые Мэри бросала на нее во время похорон. То, что Джереми оказался чудовищем, еще не значит, что его брат также склонен к жестокости.

— У меня все хорошо, милорд.

И все же, стоя перед ним в тяжелом халате бордового цвета, она казалась себе необъяснимо обнаженной, и ей было неловко. Она решила, что ее смущение происходит от того, что ее посетитель внешне очень походит на своего брата.

От его ласкового голоса по спине у нее пробежала неприятная дрожь.

— Мэри решила, что вы по понятным причинам чувствуете себя неважно. Мы хотим предложить вам свою поддержку.

— Как поживает ваша жена? — спросила она, подумав о приятной, но довольно скучной жене того, кто стал наследником титула; эта женщина не скрывала своей слепой любви к Гаю.

— Она снова ждет ребенка. Повитуха предупредила нас, что будет снова девочка. — Его светлые глаза окинули ее тревожным взглядом. — Вы позволите говорить с вами откровенно?

Она не знала, что ответить. Почему она не попросила лакея остаться? Потому что думала, что к ней приехал совсем другой посетитель?

— Здесь нас могут слышать слуги. Если это дело личное, вероятно, нужно подождать, пока не вернется мой брат и кузен. Я не думаю, что это прилично...

— А вы выйдите из дома, — вкрадчиво сказал он. — Пройдитесь со мной по саду. Деревенский сад вполне безопасен для личных разговоров.

Но он не безопасен в другом смысле. Сердце ее сильно забилося. Мысленно она увидела, как Джереми тащит ее в темноту, зажав ей рот рукой.

— Сейчас слишком позднее время для прогулок.

— Элетея, — ласково сказал он, — я знаю, что произошло между вами и моим братом.

Она резко вскинула голову, встревоженная:

— Что вы сказали?

— Я знаю, что вы стали его любовницей в ту ночь, когда он уехал.

Его любовницей. Исковерканная версия того, что случилось. Никакой любви там не было. Возмущение нарастало в ней.

— Он так вам сказал?

Он осторожно сжал ее локти.

— Мы с Мэри обсудили, как вам помочь в том случае, если вы родили ребенка тайком.

— Прошу вас не прикасаться ко мне, милорд. И я прошу вас об этом в последний раз. А чтобы удовлетворить ваше любопытство, скажу, что никаких тайных детей у меня нет.

Он отпустил ее. Она попятилась.

— Вы удалились в деревню больше чем на год. Я подумал, что горе... ну да не важно. А важно то, что вам нужен покровитель, Элетея. — Но манера, с которой он принялся ходить вокруг нее, не вызвала в ней чувство безопасности. — Женщина в вашем положении беззащитна и уязвима. Она — приманка для определенных отвратительных явлений,

существующих в этой жизни.

Много ли он знает на самом деле? Или только что-то предполагает? Или Джереми признался ему для очистки совести? Гаю могло показаться странным, что она не рыдала на похоронах его брата.

— Мне бы хотелось, чтобы вы попросили меня о, помощи, Элетея. — Он помолчал. — Если бы мой брат женился на вас, мы с вами сблизились бы, я уверен. Вы доверяли бы мне. Доверьтесь мне теперь.

— Я сказала вам правду.

Она надеялась, что никогда больше не увидит ни его, ни вообще кого-либо из родни Джереми. Время, когда она не знала, беременна ли она, давно минуло. Через неделю после кошмара той ночи пришли месячные. И она нашла бы в себе силы самой нести этот крест, если бы его действительно возложили на ее плечи. Теперь же ей нужно было только смириться со своим падением и со всем, что с ним связано. Она была слишком порывиста, чтобы горевать о своей похищенной добродетели. Ей стыдно, но у нее есть брат и кузен, которые заботятся о ней, и деревенские друзья.

— Лорд Хазлетт, — решительно проговорила она, — вам нужно от меня что-нибудь еще? Обручальное кольцо вашего брата? Сожалею, но я потеряла его в тот день, когда узнала о его смерти.

— Нет, дорогая, — возразил он. — Мне вполне по средствам купить вам другое. Вы этого хотите? Хотите драгоценностей? Красивые туалеты?

Она заставила себя твердо посмотреть ему в лицо.

— У меня нет ничего ценного, чем я могла бы вас отблагодарить, кроме совета, как себя вести, который, как мне кажется, вы не примете во внимание.

— Вы ошибаетесь, Элетея.

Она выдержала его взгляд с циничной неохотой. Его зеленые глаза словно предлагали ей только сочувствие, но она не доверяла ему. Сейчас она больше рассердилась, чем испугалась. Она не потерпит еще одного насилия.

— Боюсь, вы меня не поняли, — сказал он. — Я не обладаю присущей моему брату несдержанностью и агрессивностью.

Значит, он знает.

— Ваше самообладание восхитительно, — добавил он. — Не знаю, был ли бы я на вашем месте таким всепрощающим.

— Возможно, мне нечего прощать.

Он улыбнулся понимающе:

— Другая женщина ударилась бы в истерику. Мой глупец брат боялся, что вы расскажете половине Англии о том, что случилось.

Она сжала губы от отвращения.

— Оставим мертвых покоиться с миром. Мне не в чем вам признаваться.

— Но я достоин вашего доверия. Я сохраню вашу тайну. И если вы мне позволите, я сделаю вашу жизнь лучше, чем она могла бы быть в ином случае. Я знаю, какой свиньей был мой брат. Порочный, берущий все, чего желает.

Она судорожно сглотнула. Ей нечего бояться. Можно закричать, и слуги услышат.

— Главная моя забота — ваше будущее, Элетея.

— Это моя забота, а не ваша.

— Существует очень много возможностей, открытых перед падшей женщиной.

Она почувствовала, что внутри у нее все сжалось, но все же ей удалось сказать:

— Пусть я и пала, но я уже снова стою на ногах.

— Между нами говоря, я не вижу ничего позорного в страсти. Джереми клялся, что вы поощряли его — что вы хотели подарить ему наслаждение в ночь перед его отъездом.

— Вот как? — слабо сказала она, ибо то, что она испытала, меньше всего можно было назвать «наслаждением».

— Если так, это был щедрый, подарок, из тех, что...

— Я считаю, что это был позор.

Он пожал плечами и снова начал медленно приближаться к ней.

— Значит, дурные воспоминания нужно заменить более желательной копией. Возможно, даже самым желанием.

— Это предложение от имени вашего покойного брата или от вас самого? — с отвращением спросила она.

— Вы никому не нужны, Элетей, и живете одна в этом захолустье. Для женщин вроде вас, не соответствующих требованиям, которые высшее общество предъявляет девушкам, существует другой образ жизни.

— Я знаю, кто я такая. И знаю, что это за другая жизнь, — сказала она голосом, дрожащим от негодования.

— Значит, вы понимаете, что я вам предлагаю. Это разумный выход из положения для красивой молодой женщины, которая не создана для того, чтобы быть гувернанткой.

Подъезжая к тихому помещицкому дому, Гейбриел начал чувствовать себя отчасти идиотом. Он забыл, что вся деревня ложится спать очень рано. Конечно, это не шло вразрез с его правилами поведения — посетить молодую леди без приглашения, под предлогом пустоты в кладовке его домоправительницы. Однако он не помнил, когда он заявлялся к красивой женщине попросить у нее миску муки, чтобы приготовить ужин.

Эта просьба показалась ему смехотворной. Излагая ее, он не сумеет сохранить на лице соответствующее выражение, и Элетея увидит его насквозь, как видела, по его подозрению, всегда. Это была приятная мысль — посмеяться вместе с ней над собой. Но когда он подъехал к концу аллеи, его веселое настроение улетучилось. У крыльца стояла карета, хотя в окнах мерцали всего один-два огня. Элетея явно еще не легла. И по-видимому, была не одна. Удивляться этому не следовало, однако он удивился.

Но наивным человеком он не был. Нельзя не понять, что может означать такой поздний визит. Элетея — соблазнительная, красивая женщина. И она никому не принадлежит. Нетрудно вообразить, что другие мужчины желают ее или тянутся к ней, как и он.

Он спешил и привязал лошадь. Два лакея, стоявшие у кареты, поклонились слегка, когда он проходил мимо. Он не обратил на это внимания.

Конечно, джентльмен не стал бы мешать свиданию. Но он был любопытен. Он был игроком. Бессовестным попрошайкой с пустой миской.

Он бегом поднялся по ступеням. Тихо постучал, подождал пару секунд, потом вошел.

Напряженные голоса доносились из дальнего конца холла, который вел к главной лестнице. Он кашлянул.

— Есть кто-нибудь дома? Дворецкий, пекарь... Элетея? Леди Элетея, вы здесь?

Он замолчал. Он услышал ее сдержанный голос. Судя по тону, разговор был не из приятных.

— Это, должно быть, вас зовет кто-то из ваших лакеев, милорд, — сказала она. — Всего хорошего.

— Вы обдумаете мое предложение?

Гейбриел ощетинился. Он подошел к двум освещенным фигурам. Какое предложение может делать мужчина в такой час?

— Вот вы где, — весело сказал он. — Я стучал в дверь целую вечность.

— Я не слышал, чтобы кто-то стучался, — заметил мужчина.

— А я слышала, — быстро сказала она.

Гейбриел взглянул в ее напряженное вытянутое лицо, чтобы понять, желательно или нет его появление, и решил, что она рада ему. Когда он это понял, в нем проснулась агрессия. Ее гость был незваным. Гейбриел устремил нескрываемо оценивающий взгляд на высокого человека в расшитом золотом камзоле, стоявшего рядом с Элетеей. Не из здешних сквайров, судя по виду, но также и не совсем незнакомый. Уж не поклонник ли?

Не из тех, чье общество ей желанно, судя по радости, с которой она бросилась вперед, ему навстречу.

— Сэр Гейбриел, — объявила она с такой натянутой веселостью, что у него мелькнула мысль, не попивает ли она по ночам, — как хорошо, что вы приехали! Я уже перестала надеяться.

Он мог бы поклясться, что когда они виделись в последний раз в лесу, они распрощались на неопределенное время.

— Честно говоря, я...

Она взяла его под руку и поставила между собой и другим мужчиной.

— Вы опоздали на час, сэра.

— Совершенно верно, — проговорил он невозмутимо и стал так, чтобы она оказалась за его спиной.

— Лучше поздно, чем никогда, — сказала она с нервным смешком.

Второй мужчина выпрямился.

— Значит, сейчас позднее, чем я полагал, и мне следует поспешить, если я хочу перекусить перед сном.

Гейбриел прислонился бедром к буфету, словно у него не было никаких намерений уйти первым. Он и не собирался уходить, пока не убедится, что она избавилась от нежелательного гостя. Элетея не двигалась, только легкая невольная дрожь пробежала по ее телу, когда посетитель взглянул на нее.

— Мое предложение остается в силе, — сказал Элетее джентльмен, на этот раз повернувшись к Гейбриелу спиной. — Мне не по душе то, что вы несете свое горе одна.

— Для горя у меня был целый год, — отозвалась Элетея.

Гейбриел тихонько фыркнул. Хотелось бы ему встретиться с этим человеком наедине в темной аллее и доставить ему кое-какие неприятности. Судя по всему сам он явился как раз вовремя.

— Вам лучше поспешить, — сказал он. — Мосты в этих местах могут оказаться опасными. К тому же здесь водятся привидения и летучие мыши.

Мужчина постарше оглянулся и бросил на Гейбриела долгий тяжелый взгляд:

— Я вас не узнаю, сэра. Мы встречались?

— Нет, если только вы не завсегдатай игорных заведений.

Верхняя губа мужчины скривилась в презрительной усмешке.

— К счастью, я не таков. Но я вас видел — вы ведь Боскасл?

Гейбриел тоже внимательно посмотрел на него. Теперь он понял, кто этот напыщенный осел. Старший лорд Хазлетт. Наследник. Старшие братья Гейбриела украли лошадь у Гая и отдали ее цыганам, когда увидели, что он избивает ее хлыстом.

— Вы в выигрышном положении. Мне ваше имя неизвестно.

— Майор лорд Гай Хазлетт.

— А-а... — Гейбриел ответил небрежной улыбкой, давая понять, что это имя ничего для него не значит. — И вы приходите к леди Элетее... дядей? — спросил он, словно желание подчеркнуть разницу в возрасте между ними означает уважение, а не открытое оскорбление.

Хазлетт нахмурился:

— Я бы стал ее деверем, если бы не несчастье, случившееся в нашей семье. — Этими словами он явно давал понять, что имеет право заходить к ней в поздний час без приглашения.

«Осел он, а не деверь». Гейбриел мысленно рассмеялся. Он умел распознавать темные намерения с первого же взгляда.

Хазлетт вздернул плечи.

— А какое у вас к ней дело, сэра?

Гейбриел уселся на тяжелый дубовый стул. Ему не предлагали сесть. Это было проявлением плохих манер. Но поскольку Элетея не высказала возражений, он решил, что его задача — послать Хазлетта подальше. А отчитать Гейбриела за плохие манеры она еще успеет.

— Мы соседи, — сказал он коротко, — У меня есть кое-что для нее. — Он поставил миску на пол и вытащил из-под мышки ее хлыст для верховой езды, который она уронила сегодня днем. — Вы забыли это на соломе, когда будили меня сегодня, — сказал он простодушно.

Элетея подняла брови.

— Как вы внимательны!

— Ну, раз я все равно сюда ехал...

— И все это только ради хлыста, — пробормотал Хазлетт. — Как будто нельзя было подождать до утра или послать со слугой.

Она взяла хлыст, а Гейбриел усмехнулся.

— Никогда нельзя знать, в какой момент потребуется призвать кого-нибудь к порядку, — сказал он. — Вижу, даже здесь, в деревне, нельзя спокойно открыть дверь ночью. Как знать, какие отвратительные типы рыщут поблизости?

Хазлетт улыбнулся невесело:

— Воистину так. Могу ли я отвезти вас домой, потому что ваш добрый поступок совершен? Моя карета ждет у крыльца.

— Нет нужды, — весело ответил Гейбриел. — Благодарю вас, но у меня лошадь, и, честно говоря, меня послали еще и по другому делу. Должен добавить — по личному делу.

— По личному делу? — одновременно спросили Элетея и Хазлетт.

Гейбриел кивнул с важным видом:

— Это несколько неловко. Я не могу поведать о нем никому, кроме леди Элетей.

Элетея сжала губы и ничего не сказала. Хазлетт покачал головой, отступая.

— Мне нужно ехать, иначе в трактире не останется свободных комнат, — сказал он. — Я беру на себя смелость время от времени навещать вас, Элетея.

Гейбриел вскочил на ноги.

— Я полагаю, что у нее есть брат, да и весь наш приход вполне в состоянии охранить ее от дурных влияний... не так ли, Элетея?

Она что-то тихо пробормотала. Он невинно улыбнулся. У него было ощущение, что он сейчас получит от нее хороший нагоняй за свои дурачества. Вдруг ей действительно нравится этот лорд Хазлетт? Но когда тот в конце концов удалился, Гейбриел не почувствовал за собой никакой вины. Никакой.

Даже когда Элетея посмотрела на него и спросила:

— А что вы делаете здесь в такой поздний час, Гейбриел?

— Я увидел свет в окне...

— И этот свет выманил вас из дома? Вы лжете.

— Мне показалось, вы только что сказали, что я был приглашен.

— Да ладно вам.

— «Как хорошо, что вы приехали, — напомнил он ее же слова. — Я уже перестала надеяться».

— Это был... — она покусала губу, — я сказала это для оправдания.

Он тихонько рассмеялся.

— Значит, на самом деле вы мне не рады?

— Обычно в этот час, Гейбриел, я уже сплю.

К мощному желанию защитить ее, которое он уже ощутил, теперь примешалась похоть.

— Лучше поздно, чем никогда?

— Это и есть то личное дело, по которому вы приехали?

Он помешкал.

— Моя экономка послала меня за миской муки.

Она кротно покачала головой:

— Мне следовало предвидеть это. Миссис Минивер — худшая в мире экономка.

— Моя миска...

— Не важно. Я пошлю вам мешок.

На кухню дорога была долгая. На этот раз Гейбриел благословил старинную архитектуру прошлого, которая отделяла одно здание от другого. Такое устройство было несколько неудобным, но оно подарило ему несколько мгновений наедине с Элетеей, хотя сама она, кажется, не оценила такую возможность.

Они вошли в темную комнату с низкими балками, в конце которой в полукруглом проеме теплился огонь кухонного очага. Он положил руку ей на плечо.

— Этот человек вам не нравится, — тихо сказал он.

Она обернулась, ее темные глаза избегали его взгляда.

— Не нравится. Благодарю вас.

— Благодарите?

— За ваше уместное вмешательство.

— Он вас чем-то расстроил? — спросил Гейбриел, чувствуя, как в нем нарастает гнев. — Я приехал слишком поздно или как раз вовремя?

Она покачала головой:

— Вы появились как раз в нужный момент.

— Вы огорчились из-за того, что его приезд вызвал у вас воспоминания о его брате? — спросил он, внезапно ощутив неловкость.

Он чувствовал, что ей не хочется отвечать.

Ее голос был еле слышен.

— Я огорчилась просто оттого, что увидела его, вот и все.

Он нахмурился, поняв, что она уклонилась от ответа.

— А я вас огорчаю?

Неожиданно она рассмеялась:

— Да. Да! С того момента, когда я вас увидела, вы приводите меня в замешательство. Я всегда надеялась...

— Элетея.

Он схватил ее за запястье, заглянул ей в глаза и медленно привлек к себе. В течение мгновения ни один из них не шелохнулся; он решил, что лучше будет вести себя так, словно он размышляет над их положением, чем признаться, что желание, вызываемое ею, сбивает его с толку.

— Гейбриел, — прошептала она, — это...

— Не прогоняйте меня, подождите. Прошу вас, пожалуйста.

Она нерешительно пошевелилась, потом молча покорилась, легко положив руку ему на плечо. Его тело напряглось от бесстыдного предвкушения. Поцеловать ее казалось ему таким

же необходимым, как дышать. Но на этот раз он был уже готов к тому, какие чувства она в нем вызовет, и решил, что сама она почувствует такое же смятение.

Он смотрел на нее в молчаливой задумчивости, ждал, пока губы ее не раскрылись в легчайшем вздохе. Это было приглашение. Рука его скользнула ей за спину, к лопаткам, к затылку, чтобы поддержать ее голову. Она ничего не сказала, ее темные глаза вызывали у него волнение, спрашивали, что он будет делать дальше.

В ответ он наклонил голову. Она напряглась. Гейбриел твердо положил другую руку ей на бедро и коснулся губами ее губ. Она закрыла глаза. Элетея больше не сопротивлялась, и его сердце громко билось в волнении, и вот каждый удар его сердца стал вторить его желанию.

В этот миг она принадлежала ему. Он понял это, когда поцеловал ее. Она принадлежала ему до тех пор, пока не издала какой-то неразборчивый звук, который привел его в чувство. Даже тогда он не мог пошевелиться, он все еще касался ее губ и ощущал ее дыхание, сладкий вкус шерри.

— Прощу прощения. Кажется, я потерял нить нашего разговора.

Она улыбнулась, посмотрела ему в глаза и ласково ударила его по ноге своим хлыстом:

— Кажется, вы говорили о необходимости призвать кого-то к порядку.

Он закрыл глаза, наслаждаясь восхитительным мгновением этого истязания.

— Я не этого просил.

— А мне хотелось выяснить, зачем вы явились сюда в такое время, — тихо сказала она. — Вы могли бы послать за мукой кого-то из слуг.

Он открыл глаза.

— Я вас спас, не так ли?

Она коснулась рукоятью хлыста его груди и осторожно провела им по шраму на шее.

— Не могу себе представить, как вы узнали, что меня нужно спасать. Подсматривали в окно?

Она повернулась, и вдруг он потянул ее назад и обнял. Ее сердце затрепетало в непроизвольном волнении, когда он заглянул ей в глаза. Она не нашла — не сумела найти в себе сил отвести глаза. Он улыбнулся и, не говоря ни слова, опустил голову и опять поцеловал ее.

Она попыталась досчитать до десяти, чтобы мысли ее прояснились. И сбилась со счета на трех. Поцелуй доказал тщетность всех стараний не отвечать ему. Жар пробежал по ее телу. Внезапно она ощутила себя свободной, охваченной огнем. Легкой, как пламя, способной обжечь все, к чему прикоснется. Гейбриел. Единственный человек, от которого ей следует бежать во что бы то ни стало. Но он пришел спасти ее, ее странствующий рыцарь. Этим она могла оправдать себя — он заслужил поцелуй, хотя она понятия не имела, кто спасет ее от него.

Его руки умело скользнули по ее грудям, спине и тут же прекратили эти порочные ласки, прежде чем она успела возразить.

Кто мог бы подумать, что эти сильные мозолистые пальцы способны пробудить такое нежное желание?

— Почему? — в замешательстве прошептала она. — Почему я позволяю вам целовать себя?

Он рассмеялся:

— Понятия не имею. Главное правило, которому я следую, — это наслаждаться теперь

и раскаиваться потом.

— Никакое это не правило.

— Да?

— Да, — твердо сказала она. — Это отсутствие правил.

Он снова провел рукой по ее спине.

— Должен ли я позволить вам уйти? — спросил он с игривой улыбкой.

Она кивнула без колебаний:

— Да.

— Так я и подумал. — Он рассматривал пол, словно там, у его ног, можно было найти решение. И она сама посмотрела вниз. Как и ожидалось, когда он снова поднял глаза, темный блеск в них показал, что мотивы, которыми он руководствуется, скорее хитры, чем невинны. — А можно мне будет прийти к вам еще раз?

Она размышляла, что ему ответить, хотя он сам, должно быть, почувствовал, что она согласна.

— Да, но только к ужину, и при полном сборе гостей. Мой брат должен вернуться на следующей неделе.

— Когда? — спросил он, помолчав. — Когда мне можно будет прийти? Если я обещаю вести себя хорошо, должен ли я ждать его возвращения?

— Вы не умеете вести себя хорошо.

— Я научусь.

Она прикусила губу. Глаза ее смеялись. Была почти полночь, и если не считать того, что его поцелуи сбивают ее с толку, она знала об этом человеке только одно — он не только понапрасну растратил свою юность, но его настоящее и будущее казались ничуть не лучше. Теперь она не была уверена, что приглашение его к ужину пойдет на пользу и ей, и ему. Но она хотела снова увидеть его. Стоит рискнуть хотя бы ради его улыбки.

Элетея сказала:

— Вечером в пятницу. — За это время многое может случиться. Он может сбежать. Или измениться. Или...

Он кивнул с серьезным видом:

— Через пять дней. Да. Сочту за честь.

— Вам нужен мешок муки, Гейбриел?

— Мешок... не важно.

— Но ведь вы приехали за мукой, да?

— Почему бы вам не дать мне вместо нее корку хлеба?

Она весело усмехнулась:

— Чтобы съесть ее с ветчиной и фиалковым желе?

— Ветчину я уже всю съел, — угрюмо сказал он.

Два дня спустя, во вторник, Гейбриел мчался в предрассветной мгле обратно в Лондон, оставляя за собой заставы, тихие деревни и всяческие соблазны. Он проснулся до рассвета, посмотрел из окна через свой заросший сорняками сад в сторону дома Элетей и понял, что ему грозит опасность потерять себя. Когда он был моложе, он знал в точности, против чего он настроен. Его судьба казалась несправедливой, но он хотя бы понимал ее.

Он не сельский джентльмен. Он игрок, солдат, и если обстоятельства придали его характеру нежелательные черты, у него нет оснований изменять свой характер. Он, вероятно, не способен пустить корни даже в ту почву, которая породила его. Одному Богу известно, каким человеком он вырос. Было бы нехорошо по отношению к Элетее оставаться в деревне. На самом деле это знак его истинной любви к ней — исчезнуть из ее жизни.

Он оделся и с шумом сбежал вниз по лестнице, громко приказал привести лошадь, подать завтрак и вызвать кучера. Рывкал на ленивых слуг, которые не пошевелились до тех пор, пока крыша не рухнет им на голову. Он оседлал лошадь в темноте, и, если говорить честно, его андалусцу так же не терпелось уехать отсюда, как и его хозяину. Кучер, привыкший к беспокойному нраву своего господина, невозмутимо последовал за ним.

Гейбриел не мог оставаться здесь больше ни одного дня, ни часу. Он бежал. Он столько раз говорил себе, что поступит хорошо по отношению к Элетее, если уедет, что сам в это поверил. Вчера ночью, если бы она поощрила его, он доказал бы ей, что он ничем не лучше второго ее гостя. Он наобещал бы ей всего, чего угодно, не собираясь выполнить ничего из обещанного.

Или он выполнил бы обещанное, а это самое худшее, и это говорило о том, что он бежит обратно в Лондон не для того, чтобы спасти честь Элетей, а для того, чтобы спастись самому.

Это обнадеживающий знак, подумала Элетей. Гейбриел не приехал к ней в следующие два дня, и это означает, что он относится к ее чувствам с уважением. Если бы он снова явился к ее дверям без приглашения после того, как она выразила неудовольствие из-за его неожиданного посещения и последовавшего за ним предложения, она могла бы отказаться принять его. Но могла бы и предложить ему чаю.

И позволить ему снова поцеловать себя.

И она могла только надеяться, что он принял ее совет близко к сердцу и приводит в порядок свое поместье. С другой стороны, она отпускала собак бегать вокруг дома без привязи, носила волосы распущенными, точно язычница, и открывала окно по ночам посмотреть, как восходит Венера. То, что новый владелец приехал в Хелбурн-Холл, никак не было связано с ее внезапной страстью к вечернему воздуху или с энергией, которая пробудилась в ней после многих месяцев меланхолии. Она казалась самой себе поздним зимним тюльпаном, который прорастает сквозь толстую корку твердой земли, чтобы насладиться солнцем.

Даже ее брат Робин, вернувшись домой весь в пыли и грязи, но в присутствии ему хорошем настроении, заметил, что она воспрянула духом.

— Цыганки, что ли, нагадали тебе счастье, пока меня не было? Давненько я не видел твоей улыбки.

— Неужели я стала такой угрюмой? — спросила она огорченно.

Она вовсе не разучилась смеяться, хотела она добавить, просто все это время она видела мало радостей.

Он с любовью рассматривал ее, пока Элетея шла впереди него в гостиную, где был подан легкий завтрак — бекон, булочки и крепкий горячий кофе.

Робин был всего на дюйм выше Элетеи, стройный, с шелковистыми каштановыми волосами, которые то и дело падали ему на левую бровь.

— Жаль, что ты не поехала со мной в Лондон. Твои подруги так просили меня рассказать о тебе. Кассандра Уэверли только что произвела на свет двойню. Для тебя это было бы очень полезно — навестить ее.

Ничего подобного. Ее посетила бы зависть, потому что ей, похоже, суждено иметь дело с детьми только в качестве гувернантки. А он продолжал свои рассказы. Ее мысли блуждали, пока он не замолчал, а потом, к собственному смущению, она выпалила:

— У нас появился новый сосед. То есть на самом деле старый. Это Гейбриел Боскасл.

Теперь, произнеся наконец-то его имя вслух, она поняла, что не изгнала его из головы, но, напротив, именно он занимал все ее мысли. Тем временем озадаченное выражение исчезло с лица ее брата, и он уставился на нее с веселым ужасом.

— Ты ведь помнишь его? — спросила она. — Его отец умер...

— Гейбриел и его братья дубасили всех мальчишек в школе. Кажется, его даже как-то поставили к позорному столбу за...

Элетея пододвинула к нему тарелку с булочками:

— Ты очень похудел за это время. Что, в Лондоне нельзя было как следует поесть?

Он посмотрел на стол:

— Я только что съел три штуки. Давай вернемся к...

— Ну так съешь еще. Они быстро зачерствеют. Или возьми еще кусочек бекона. Я попрошу миссис Садли сварить яйца.

— Его поставили к позорному столбу, — продолжал Робин, отодвигая тарелку. — Не забывай, он...

— Но тебя-то он никогда не бил, не так ли? — заметила она. — То есть я не помню, чтобы ты когда-нибудь вернулся из школы в синяках и царапинах. Насколько я помню, вы с ним никогда не дрались.

Робин постучал по столу пальцами, с подозрением глядя на сестру.

— Нет, не дрались. И меня всегда удивляло почему. Нет ли у тебя ответа?

Элетея взяла чашку, притворившись, что не замечает его настороженного пронизательного взгляда.

— Может быть, ты ему нравился. Ты довольно славный человек, хотя и мой брат. Я знаю, что Эмили так считает. Кстати, об Эмили, ты, случайно, не навестил ее в Лондоне? И не сделал ли ей предложения, как обещаешь вот уже пять месяцев? Или пять лет? Нехорошо заставлять ее ждать так долго. Думаю, ты вообще не собираешься жениться.

Он продолжал внимательно смотреть на нее.

— Думаю, что в следующий раз тебе придется поехать со мной.

— А когда это будет? — спросила она, вздыхая с облегчением оттого, что разговор об их прославленном соседе сменился разговором о марьяжных интересах Робина.

Всякий раз, когда он собирался с духом сделать предложение Эмили, с ним случался нервный приступ. Элетея уже начала бояться, что они с братом состарятся и останутся оба

холостяками, и не будет рядом с ними детей, чтобы скрасить им будущее. Быть может, ей предстоит вечно кормить брата булочками.

— Я уеду утром в пятницу, — сказал он с усмешкой. — И если все пойдет хорошо, я сделаю предложение вечером. Не хочешь ли спрятаться за диваном и понукать меня, если решимость мне изменит?

— В пятницу? Я собиралась... я пригласила миссис Брайант и кое-кого из подруг к обеду. Мы так давно не приглашали гостей.

Он вздохнул.

— Хорошо, — сказал Робин некоторое время спустя. — Я понимаю. Ты скучаешь по нему и все еще в трауре.

«По нему». То есть по Джереми. По этому отъявленному мерзавцу, канонизированному в памяти местных жителей.

Она почувствовала, как слезы обожгли ей глаза. Не слезы горя, но скорее горького удивления и отчаяния. Как ей хотелось бы сказать Робину правду! Но если она скажет, это станет для брата вечным укором. Он станет винить себя за то, что не сумел защитить ее, за то, что не стал на пути Джереми в тот вечер в Лондоне. Однако слова кипели у нее в душе, точно медленно отравляющий яд, и ей мучительно хотелось выпустить их на волю.

И тогда она сказала — потому что это был легчайший способ отвлечь его:

— Я пригласила на ужин также и Гейбриела Боскасла. Я думала, что ты будешь дома и будешь хозяином, иначе я не сделала бы этого. Но теперь будет невежливо объяснять, что он не должен приезжать. Я его пригласила, и с этим уже ничего не поделаешь.

Катящийся камень не обрастает ни мхом, ни воспоминаниями. Гейбриел привык к поспешным уходам и незапланированным отъездам как с поля боя, так и от сцен в спальнях. Теперь это стало практически его привычкой — бросаться в седло и уезжать полусонным неведомо куда.

Но он не провел и трех часов на большой лондонской дороге, как понял, что стеснение в груди означает не обычное в таких случаях облегчение, а сожаление. До конца своих дней он будет спрашивать себя, что он утратил, сбежав.

Черт побери, но разве можно утратить то, чего никогда не имел? Ведь у него никогда не было романов с женщинами, подобными Элетее. Кто скажет, не была бы она последней для него, если бы он остался? И потом, Гейбриел не мог себе представить, что, ужиная у нее в доме, он не совершил бы чего-то такого, за что заслужил бы изгнание навечно.

Проще расстаться, каким бы грубым это ни показалось, чем унижать себя в ее присутствии.

Проще мечтать о ней, зная, что эта жажда никогда не будет утолена, чем увидеть конец его самых дорогих фантазий.

По крайней мере таковы были его мысли, которыми он утешал себя, когда прибыл в Мейфэр, в лондонский особняк своего старшего кузена подполковника лорда Хита Боскасла. Он, точно бездомная кошка, мог подойти к дверям любого из лондонских Боскаслов и получить приглашение остаться. Он делал это уже столько раз, что и счет потерял, с тех пор как помирился с родственниками по отцовской линии.

Из всех его родственников мужского пола лорд Хит был меньше других склонен судить или задавать вопросы. Надо полагать, что даже самые замкнутые из Боскаслов наострили бы уши в ту минуту, когда Гейбриел вдруг оказался в кабинете кузена.

Это была особая комната, тихая и скромная, полная старинных знаний и неразгаданных тайн, замкнутая, как и сам бывший шпион с волосами цвета воронова крыла, сидящий в полумраке за своим рабочим столом и молча наблюдающий за ним. Книги с рваными корешками кожаных переплетов, многие на древних языках, стояли на полках вдоль стен. Несколько карт Египта и Европы и рельефные схемы баталий висели в простенках между занавешенными окнами с эркерами.

Гейбриел понял, что Хит не только читает эти редкостные, мало кому доступные книги, но скорее всего сам обладает достаточными познаниями, чтобы написать их. Он был сфинксом семьи Боскасл, невозмутимым и способным, как о нем говорили, одними только разговорами добиться признаний от самых упрямых противников. Его молчание действовало на нервы.

Гейбриел рассмеялся:

— В чем я успел провиниться? В чем дело? Я уезжал всего на несколько дней. Что могло случиться за неделю?

— В этой семье? — Хит насмешливо улыбнулся. — И так понятно. Боскаслам хватит и одного только часа, чтобы опозорить себя.

— Верно. Разве это не часть их очарования?

— Где ты был, Гейбриел?

— В Энфилде, разбирался с поместьем, которое выиграл в карты.

— Энфилд? Это там, где ты родился?

Что за память, черт побери! Гейбриел никогда никому не рассказывал о своем прошлом.

— Да.

Хит посмотрел на аккуратные стопки писем и документов на рабочем столе.

— И нашел ли там блудный сын то, что искал? Спасение? Развлечения?

— Едва ли, — ответил Гейбриел удивленно.

— И никаких тайных отъездов обратно в Лондон?

Он выпрямился.

— Никаких — за последнюю неделю.

Хит поднял глаза.

Много лет назад, когда Гейбриел вел войну против своих личных демонов, он отдалился от добродетельных Боскаслов, лондонской ветви известного родословного древа. Но в недавнем прошлом он нашел для себя удобное дупло в фамильном древе, и хотя правила поведения Гейбриела все еще, возможно, и вызывали недоумение в самых пуританских домах, он ни разу не обманул доверия своих родственников и не был замешан ни в каком предательстве по отношению к ним.

— Какого рода тайные поездки мы обсуждаем, Хит? — спросил он, почувствовав себя свободнее после того, как мысленно проверил, нет ли на его совести какого-либо неведомого проступка.

Это не могло быть связано с Элетеей. Тысяча чертей, он вел себя наилучшим образом — по крайней мере по его прошлым меркам негодяя. Он поцеловал ее. В книге грехов Боскаслов это не было черной меткой. Это было только началом... И простая мысль о том, что неплохо было бы поцеловать ее еще раз, усилила его желание вернуться.

Хит только улыбнулся.

— Черт меня побери! — раздраженно воскликнул Гейбриел. — Я совсем забыл об этом бале у Грейсона в честь его дня рождения. О том, на котором должны были выставить на аукцион билеты для одного из благотворительных приютов Джейн. Не думаю, что кто-то заметит мое отсутствие в такой толчее. Я заглажу свою вину. Что я могу купить Джейн? Она любит туфли и драгоценности. А что, если у меня найдется пара туфель, специально сшитых по ее изящным ножкам, с бриллиантами на носках?

Хит покачал головой:

— День рождения Грейсона приходится на конец месяца. Ты приглашен. Тебя всегда приглашают.

— Не всегда, — проговорил Гейбриел, прежде чем понял, что проговорился.

В этом-то и заключалась трудность общения с Хитом. Достаточно просто сидеть наедине с ним и обмениваться какими-то незначительными замечаниями, и вдруг то, что скрываешь, само начинает литься через край и бить фонтаном.

А было время, когда Гейбриел не пребывал в такой гармонии со своими родственниками. Он нарочно старался оттолкнуть их на тех нескольких семейных собраниях, которые посетил. Казалось, среди всей этой боскасловской кастовости легче делать вид, что его семья не отпала от них и что сам он не смотрит с завистью на все это сердитое сборище.

— Это твой выбор, Гейбриел, — сказал Хит без всякого намека на осуждение. — Мы с радостью встретим тебя в любое время. Насколько я помню, тебя приглашали на все важные приемы. Ты и твои братья почти всегда отказывались.

— Это были трудные годы для моей семьи. Я не годился для светского общества.

Хит посмотрел ему в глаза:

— Так я и понял. Но ты никогда не говорил нам об этом. И твоя мать тоже.

Что еще знает Хит о его прошлом? То, что сам Гейбриел забыл, или то, о чем ему самому никогда не рассказывали?

— Я не понимаю, — сказал он, — Если это не семейное торжество, которое я пропустил, почему я нахожусь у тебя под подозрением?

— Не у меня под подозрением. Но не скрою — у меня есть знакомые в Лондоне, которые приходили ко мне конфиденциально и спрашивали, где ты теперь находишься.

За этими сведениями Хит мог бы отослать их к любому из великого множества осведомителей среди тюремных сидельцев, а также констеблей и сыщиков, политиков и проституток. В качестве вышедшего в отставку офицера разведки Хит имел список верных помощников, которые доньше поддерживали с ним дружеские отношения.

— Ну так ты скажешь мне, зачем кому-то понадобилось выяснять, куда я уехал? Или этот разговор — разновидность пыток, принятых у Боскаслов? — спросил он добродушно.

Гейбриел не мог поверить, что его карточная игра вызвала подозрения у короны. И впервые за многие годы его совесть была действительно чиста, если не считать желания, которое вызвала в нем Элетей.

Хит взял в руку перо.

— Я надеялся, что об этом мне скажешь ты.

— Я сказал бы, будь у меня хотя бы малейшее представление, о чем идет речь.

— Мужчина, походивший по описаниям на тебя, был замешан в кражах со взломом в Лондоне — грабили спальни в Мейфэре.

Гейбриел пожал плечами:

— Это не новость. Я не ищу папского отпущения грехов.

— Кажется, ты все-таки чего-то ищешь. Посмотри вот на это, пожалуйста. — Хит пододвинул к нему лежащую на столе карикатуру, которая ходила по лондонским улицам и салонам.

— О нет, не нужно, — сказал Гейбриел, подняв руку. — Если это очередной нескромный рисунок, сделанный твоей женой, я не желаю этого видеть.

— Здесь изображен не я, — раздраженно возразил Хит.

— Ну конечно. Это не... — Он бросил взгляд на оттиск и вдруг замолчал.

На нем был изображен человек, который вылезает из окна, держа в зубах дамские панталоны; несколько шелковых чулок были обмотаны вокруг его шеи.

Что до самой карикатуры, Гейбриел видывал и более грубые, включая ту, которую нарисовала Джулия Боскасл, изобразив детородный орган Хита в виде огромной пушки.

Нет. В этой карикатуре тревожило то, что изображенный имел явное сходство с Гейбриелом. Но это был не он. На самом деле его позабавило, что Хит счел такое возможным.

— Ты считаешь, что этот красавец повеса — я? — спросил он, мрачно нахмурившись.

— Ты считаешь себя красавцем? — парировал Хит. — Ты хочешь сказать, что этот человек — не ты? Я не стану сомневаться в твоём слове, но вопрос остается.

— Признаться, я понятия не имею, о чем ты говоришь. Что именно натворил этот негодяй в Мейфэре?

Хит глубже уселся в кресле.

— Ворвался в спальни нескольких молодых леди...

— Званный или незванный?

— Определенно незванный.

— Ну, так это не я. Я никогда не врываюсь в спальни без приглашения.

— И он рылся в их комодах в поисках какого-то неустановленного предмета.

— Это точно не я, — заверил Гейбриел. — Я никогда не рылся в дамском белье, не зная в точности, что я ищу.

— В действительности никто тебя и не обвиняет. Никто даже не назвал тебя.

Гейбриел сложил на груди руки.

— Это неудивительно, учитывая, что это не я.

— Я и не говорил, что это ты.

Гейбриел взглянул на дверь, поскольку что-то привлекло его внимание. Ему показалось, что там, за дверью, прозвучали шаги, и это не было странно, поскольку Хит приютил у себя небольшую школу для молодых леди, ожидающих своей судьбы. Его сестра Эмма открыла эту школу, и хотя теперь она вышла замуж за герцога Скарфилда, она не бросила своих подопечных. Он встал, возмущенный, в нем нарастала обида.

— Ты действительно полагаешь, что я могу ворваться в спальню женщины?

— Без особых оснований — нет. Кстати, были обысканы еще и несколько кабинетов джентльменов. Это, очевидно, совпадение, Гейбриел, что преступник похож на тебя. Прошу принять мои извинения.

— Кто бы он ни был, надеюсь, он получил удовольствие.

— Куда ты направляешься? — спросил Хит.

Гейбриел обернулся.

— Получать удовольствие. Быть может, мне удастся изобрести какой-нибудь новый тип преступления, чтобы не быть обвиненным огульно.

Хит проводил его до дверей.

— Я готов на пару часов составить тебе компанию.

Гейбриел рассмеялся:

— То есть проследить за мной. Твои сыщики, должно быть, очень осведомлены.

— Не во всем. Но на них можно положиться, и, как они говорят, там, где дымится...

— ...там обычно оказывается кто-то из Боскаслов, — закончил Гейбриел. — А то и не один. Оставайся дома с женой, Хит. Цени покой, который ты заслужил. Я прекрасно управлюсь сам. Можем встретиться завтра на «Таттерсоллз», если у тебя найдется время.

— На ярмарке новых экипажей?

Гейбриел замолчал, потому что дворецкий Хита открыл перед ним дверь в лондонскую ночь. Больше чем когда-либо Гейбриелу хотелось вновь увидеть Элетею.

— Я решил, что мог бы разводить породистых лошадей.

Хит одобритительно кивнул:

— Кавалерист мог бы сделать и худший выбор для своего будущего.

Он провел два часа в клубе Артура на Сент-Джеймс-стрит, но сам не играл, а только давал советы нескольким старым друзьям. У него не было настроения играть. Он был рассеян. И порадовался тому, что никто не заметил, как он ушел из клуба и, наняв извозчика, поехал в пользующееся дурной репутацией заведение на Пэлл-Мэлл, которое обслуживало игроков высокого ранга. Это был такой же притон, в каком он выиграл Хелбурн.

Несколько джентльменов подняли головы, приветствуя его. Официант принес ему стакан портера и принял плащ.

— Рады вашему возвращению, сэр.

— Разве я отсутствовал так долго?

— Столы скучали о вас. И многие леди в Лондоне тоже, как говорят.

— И это всего лишь за две недели? — насмешливо спросил Гейбриел.

— Разве этого мало, сэр? — Официант нагнулся к уху Гейбриела и понизил голос: — Ваш голубок возвращался каждый вечер домой, чтобы провести всю ночь на своем пустом насесте.

— Ему везло?

— Нет, сэр. Говорят, из-за того, что он проиграл Хелбурн-Холл, у него начались семейные неприятности, и он хочет отыграть его обратно.

— Он играет сегодня?

— Он побывал у своего поверенного, чтобы выяснить, что можно продать, — заметил человек, подошедший к Гейбриелу.

Это был старый друг, лорд Ривердейл, счастливо женатый отец пятерых детей, разделявший пристрастие Гейбриела к карточным столам.

— Полагаю, он выяснил, что документ, подтверждающий право на собственность, нерушим и что я в действительности являюсь владельцем этого несчастного имения?

— Неужели вы хотите вместе с этим домом погрязнуть в деревенском болоте? — спросил Ривердейл с шутовской ужимкой.

Гейбриел пожал плечами:

— Он может мне когда-нибудь пригодиться. Я собираюсь разводить чистокровных лошадей.

— Поместье для разведения лошадей, — задумчиво проговорил Ривердейл. — Почему же...

— Что выберет сэр Гейбриел — разврат или деревню? — донесся с другого конца стола невнятный мужской голос. — Мы заключали пари. Я рад, что разврат победил.

Гейбриел с раздражением поднял взгляд. Это был, черт бы его побрал, Оливер Уэбстер, тот самый пустозвон, что проиграл Хелбурн-Холл.

— Что вы собираетесь проиграть на этот раз?

Уэбстер воспринял вопрос Гейбриела как приглашение вызвать его на игру в экарте за его столом. Гейбриел согласился, и они тянули жребий, чтобы решить, кто будет сдавать. Уэбстер проиграл.

— Мне бы хотелось отыграть Хелбурн, — заявил он. — Я скучаю по этой старой летучей мышке.

— Миссис Минивер?

— Нет. По той, что на стене.

Гейбриел усмехнулся:

— Интересно. Должно быть, в этом фамильном склепе запряваны какие-то сокровища.

Уэбстер нахмурился.

— Там нет ничего ценного, насколько мне известно. Это отвратительный старый дом, но я утратил его и кажусь теперь самому себе идиотом.

— Хелбурн не стоит на кону, — сказал Гейбриел. — Как насчет трех тысяч?

Уэбстер пожал плечами, глядя, как Гейбриел сдает каждому по пять карт.

— Почему вы не идете домой? — спросил Гейбриел мягко, глядя на стол.

Уэбстер вспыхнул.

— Легко вам говорить, когда вы можете это сделать. Вряд ли меня там встретят сейчас с радостью.

Гейбриел рассмеялся, хотя уже не обращал внимания на слова партнера. Он выложил короля — одиннадцатую карту — на стол. Уэбстер фыркнул.

— Очко, — сказал он без всякого выражения.

Уэбстер попросил еще карт и жестом велел официанту подать еще бутылку. Гейбриел выигрывал. Игра продолжалась, Гейбриел выиграл большую часть взяток, сосредоточившись, пока не оглянулся, почувствовав, что за ним наблюдают.

Двое знакомых джентльменов, демонически усмехаясь, стояли по обе стороны дверного проема. Это были его двоюродные братья Дрейк и Девон Боскаслы, и, очевидно, в этом притоне они оказались не по случайному стечению обстоятельств. Он насмешливо приветствовал их кивком:

— Только не говорите мне, что ваши жены отпустили вас на ночь.

Первым подошел Дрейк, цинично улыбаясь:

— Именно они послали нас следить за тобой.

— Он выиграл у меня дом, — пожаловался Уэбстер. — И было бы вполне справедливо, если бы я получил возможность отыграть его.

Гейбриел покачал головой. Он утратил интерес к игре и был рад своим кузенам куда больше, чем хотел показать. В свои холостяцкие дни эта парочка предавалась безумствованиям во многих притонах, но Гейбриел понимал, что сейчас их скорее всего послал Хит, — неужели тот на самом деле подозревает, что это он, Гейбриел, набедокурил в Мейфэре?

— Я еду завтра на «Таттерсоллз». Я присмотрел араба для улучшения моей деревенской конюшни.

Девон, самый молодой из Боскаслов лондонской ветви, прислонился к окну с тяжелой драпировкой и расслабился.

— Это правда, что ты поселился в деревне?

— Поверьте мне, — сказал Ривердейл, изучая свою рюмку, — здесь замешана женщина.

Уэбстер энергично покачал головой:

— Уверю вас, в Хелбурне нет ни одной соблазнительной женщины. Ни одной, о которой стоило бы говорить, — ну, кроме Элетеи Кларидж, а она могла бы с таким же успехом жить на Олимпе.

Дрейк Боскасл обошел вокруг карточного стола. Они с Гейбриелом были схожи своей мрачной задумчивостью и недюжинной силой.

— Почему она не в счет? Она замужем?

— Она была обручена с беднягой Хазлеттом, — ответил Уэбстер, — пока ему не разорвало живот пушечным ядром. С тех пор она не в себе, судя по тому, что я слышал о ней. Единственное, чем она занималась, когда я был там, — это верховая езда и прогулки с собаками. У нее не нашлось для меня времени. Не знаю почему.

Дрейк рассматривал склоненное лицо Гейбриела.

— Временами все, что нужно погруженной в траур леди, — это немного утешения, сочувственное плечо, на котором можно выплакаться.

Уэбстер грубо фыркнул:

— Мы играем в карты или присутствуем на чаепитии в пользу сирот?

— Пять очков. Выигрыш. — Гейбриел откинулся на спинку стула. — А можно, я переменю тему разговора?

Уэбстер сузил глаза.

— Не говорите мне, Гейбриел, что Элетея Кларидж привлекла ваше внимание. Она выше всех мужчин, присутствующих здесь.

Гейбриел поднял от стола тяжелый взгляд. Он понял, что его кузены ждут от него реакции, как и все, кто слышал этот разговор.

— Леди Элетея — всего-навсего моя соседка и старинная знакомая. Я бы не стал говорить о ней как о женщине легкого поведения.

— Возможно, именно этим она и кончит в один прекрасный день, — сказал стройный барристер, который неторопливой походкой подошел к столу. — В прошлом году я видел эту леди, когда она наносила визит миссис Уотсон поздно вечером. Она привлекла мое внимание. Какая красавица!

Гейбриел встал. Его лицо было напряженным от гнева.

— Вам дорога жизнь, не так ли?

На плечо ему легла рука Дрейка.

— Осторожнее, кузен, — пробормотал он. — Если ты вызовешь этого идиота на дуэль из-за указанной леди, это приведет только к тому, что все станут говорить, будто в его словах есть доля истины.

— Но если я его убью, он ничего не будет говорить, — заметил Гейбриел. — И не разыгрывай из себя лицемера, кузен. В свое время ты не один раз дрался на дуэли из-за чести женщины.

Глаза у Дрейка сверкнули.

— Конечно, дрался. Но гораздо легче давать советы другому, когда твое собственное сердце не задето.

Гейбриелу показалось, что все тело его содрогнулось.

— Мое сердце вовсе не задето, — быстро проговорил он. — Я слишком мало знаю эту леди, чтобы рисковать жизнью ради нее.

— А мне казалось, будто вы с ней встречались много лет назад. — заметил Девон с бесхитростной улыбкой.

Гейбриел нахмурился. Эти дьяволы слишком хорошо его знают.

— Мы обменялись всего лишь несколькими словами.

Девон кивнул с проницательным видом:

— Нередко бывает, что влюбленным не нужны слова. Я научился мудрости держать язык за зубами, когда Джослин в плохом настроении.

— Слушайте, вы оба, может быть, хватит учить меня? Я хочу, чтобы этот разинувший

рот тип взял свои слова обратно. И никогда больше не произносил их.

Дрейк и Девон обратили всю свою устрашающую мощь на этого человека, потому что, вне зависимости от того, были ли они согласны с Гейбриелом или нет, человек этот бросил им вызов, а кровь Боскаслов была погуще, чем бренди.

Над губой у барристера появилась тонкая пленка пота. Он вынул из кармана шелковый носовой платок. Теперь глаза всех присутствующих были обращены на него.

— Возможно, я... я ошибся.

Гейбриел с шумом выдохнул.

— Возможно?

— Да, там было темно.

— По ночам обычно бывает темно, — заметил Дрейк.

Голос барристера слегка надломился.

— Дайте подумать. На женщине, которую я видел, была шляпа с вуалью.

— А вы вообще уверены, что это была женщина? — спросил Девон, скрестив руки на груди.

Барристер помолчал.

— Ну конечно, я уверен. — Он сглотнул, сила их объединенных взглядов действовала ему на нервы. — Нет. Вы совершенно правы, и как правовед я должен был прежде подумать. Теперь, вспоминая, я полагаю, что это была жена премьер-министра...

— Или сам премьер-министр, — сказал Девон.

— Возможно, — согласился барристер.

Дрейк выдавил смешок.

— Ну, вот тебе, Гейбриел. Все в порядке, да? Ты выиграл. Не провести ли нам остаток ночи как-нибудь повеселее? Я не часто провожу время вне дома с тех пор, как женился.

Менее чем через час трое Боскаслов подъехали в экипаже Дрейка к борделю Одри Уотсон на Брутон-стрит, посещаемому исключительно привилегированной публикой, и остановились там. Дрейк и Девон в бесстрастном молчании смотрели, как Гейбриел расслабил узел галстука и выпил полбутылки прекрасного французского бренди.

Сторожа миссис Уотсон вышли из дома посмотреть, что происходит. Узнав Боскаслов, стражи борделя тут же удалились, чтобы вернуться через минуту с еще одной бутылкой бренди и приглашением войти лично от хозяйки. Все трое вежливо отклонили приглашение.

И тут задул ветер, принеся с собой мелкий дождь. Но Гейбриел, казалось, не заметил этого. Один из лакеев Дрейка кашлянул, обращая внимание господ на дождь. Кучер, человек постарше, который провел много лет на службе у своего господина и был меньше склонен к тонкостям, тяжело топал ногами в сапогах, сидя на козлах.

Гейбриел снова опустился на сиденье кареты, закрыв лицо рукой. Конечно, барристер ошибался, или существует какое-то хорошее объяснение. Возможно, Хазлетт содержал любовницу, пользуясь услугами миссис Уотсон, и две женщины захотели встретиться и проделать то, что могут проделать две женщины, поняв, что они делили одного мужчину и что теперь он мертв. Он не собирался оскорблять Элетею, спрашивая ее об этом.

Вообще-то не в его интересах напоминать ей о том, что она любила другого. Он будет джентльменом и притворится, что никогда не слышал ничего о таинственном визите, который она, возможно, нанесла — или не нанесла — в сераль для избранных на Брутон-стрит.

К сожалению, Гейбриел до последнего времени не заботился о том, смотрят ли на него как на джентльмена или нет, и сам частенько входил в это заведение. Но никогда ни в одной из комнат он не видел леди, похожую на Элетею.

Конечно, Элетей после смерти своего нареченного не сделалась куртизанкой. Гейбриел потребовал бы ее к себе прямо на месте, если бы почувствовал, что она вышла на рынок, ища покровителя. Нет. Но его мнению, она была той, которой казалась, — красивой молодой женщиной, чья молодость будет похоронена в деревне, если только какой-нибудь пронцательный сквайр не привлечет к себе ее внимания.

Девон, не самый терпеливый из мужчин Боскаслов, наконец толкнул Гейбриела ногой:

— Ну, пошли. Одри послала тебе приглашение. Посмотрим, что можно будет узнать. Не можем же мы сидеть здесь и глазеть точно мальчишки.

— Я не хочу туда идти, — упрямо сказал Гейбриел.

Дрейк фыркнул:

— Да это просто глава для исторической книги. Раньше ты никогда не отказывался, насколько я помню. Просто войди и покончи с этим. Когда сердце замешано в такие дела, бесполезно избегать правды.

Гейбриел с возмущением потряс головой:

— Почему ты твердишь, что здесь замешано мое сердце?

— Если это не сердечное дело, — сказал Девон, — это должно быть, нечто материальное, и я не сомневаюсь, что Одри может ответить и на этот вопрос тоже.

Гейбриел сжал губы.

— Ты что-то очень уж речист. Почему бы тебе не войти и не оказать честь Одри?

— Мне? Я преданный муж, и я один раз попал в неприятное положение из-за визита к Одри. Джослин устроит мне головомойку, если это случится еще раз.

Гейбриел посмотрел на Дрейка, который сказал откровенно:

— Нет. Мои дни интимных свиданий у Одри прошли. То, что мы просидели здесь чуть ли не целый час, будет, вероятно, изложено в газетах, и мне придется как-то объяснить это. Что скажешь, Гейбриел?

Гейбриел задумчиво улыбнулся:

— Скажу, что ни в Галааде, ни в Лондоне для меня нет бальзама. [□□](#) Мы уезжаем.

Простой ростбиф, картошка с маслом и бланманже? Баранья нога с тушеной капустой и компот из фруктов? Элетея несколько раз пересматривала меню званого ужина, назначенного на пятницу. Она слышала от миссис Брайант, которая слышала от миссис Минивер, что Гейбриел уехал в Лондон на несколько дней по какому-то неопределенному делу. И когда утром в четверг синее сентябрьское небо потемнело и сердитые удары грома раздались над холмами, она постаралась не относиться к этому как к зловещему предзнаменованию и не сосредоточиваться на том, что он не вернулся. И не думать, вернется ли он вообще.

Она загнала коров и, несмотря на возражения управляющего брата Уилкинза, помогла заколотить все дыры в курятнике и на голубятне. Она также проверила, поставил ли Уилкинз новый знак на мосту, ведущем к Хелбурн-Холлу, — из-за сильного дождя река могла выйти из берегов, размывать дорогу и смыть с нее все живое и неживое. Работа успокаивала нервы. Деревенская леди не может позволить себе сидеть в праздности.

В четверг к вечеру с побережья прилетела буря. Элетея едва успела проехаться после чая; в эту прогулку входила быстрая поездка мимо Хелбурн-Холла, но нет, она не проверяла, вернулся ли Гейбриел. Она проезжала мимо его дома каждое утро — таков был ее ежедневный маршрут.

Но дождь пошел всерьез как раз тогда, когда она мчалась галопом по подъездной аллее. К ночи поля Гейбриела, необработанные и незасеянные, превратятся в грязь. Вряд ли его это заботит.

Было время, когда она верила в волшебные сказки. Она верила в прекрасного принца, которого родители выбрали для нее, верила до тех пор, пока он не похитил не только ее девственность, но и веру в счастливые финалы. Стало быть, надеяться приручить человека, который никогда не изображал из себя добродетель, совершенно бессмысленно. Но все же она надеялась.

Плащ ее уже успел промокнуть насквозь, когда она вернулась домой. Дрожащая, но все же полная решимости оставаться в хорошем настроении, она велела слугам принести в столовую два готических канделябра, которые были больше семи футов высотой. Она купила корзину цветов у цыганок, которые пришли к ее дверям, а миссис Садли пожурела ее за экстравагантное поведение и пробормотала, что эти цветы украдены из сада самой Элетей.

Но если Гейбриел не вернется к пятнице, она раз и навсегда решит, что это — безнадежное дело.

Элетея сделала все, что могла. Она даже пригласила горстку их общих соседей на ужин, чтобы познакомить их с Гейбриелом и сыграть по маленькой в карты.

Если Гейбриел отклонит ее приглашение, это лишний раз скажет о его дурных манерах и подтвердит то, что думают о нем все в Хелбурне.

Все — к несчастью, кроме нее. Она сама не понимала, почему упорно старается доказать, что все в их приходе ошибаются.

Утром в пятницу под проливным дождем к Элетее прибыли порознь два гонца. Одного послал ее брат, который объяснял, что вынужден задержаться еще на день из-за ненастной погоды и вернется скорее всего утром в субботу. Он не хочет беспокоить Элетею, отправившись в путь в такую бурю.

Второй посланный приехал от Гейбриела и сообщил, чтобы она ждала его, что он прибудет к столу, будь то в бурю или при ясном небе, и интересуется, простит ли она его, если он появится в неподобающей одежде. Он намерен прибыть прямо к ней, и у него не будет времени переодеться.

Элетея привела свою многострадальную кухарку в полное смятение.

— Как вы думаете, миссис Хупер? Эпикурец сэр Гейбриел или нет?

Краснолицая служанка нахмурилась, услышав этот, вопрос:

— Ну, трудно сказать. Он родился в Англии, верно ведь? И служил в кавалерии. Так что, наверное...

Элетея удержалась от усмешки.

— Вы считаете, что он не большой любитель поесть?

— Неужели мне придется готовить черепаший суп? Я не очень-то люблю эти заморские блюда.

— Господи, ну конечно, нет. Я думаю о вкусной вырезке и сливовом пудинге, который вам так удастся.

Миссис Хупер согласно кивнула:

— Славная английская еда. Я ни за что не стану подавать улиток. Сэр Гейбриел кажется здоровым молодым человеком, который не оценит, если ему подадут червяков на ужин.

— Я тоже не могу представить себе, чтобы сэр Гейбриел ел улиток, — сказала Элетея.

— Ну, солдаты едят их не от хорошей жизни. Доверьтесь мне, миледи, и стол будет прекрасный.

— Ваши кулинарные таланты вне подозрений, — сказала Элетея. — Лишь бы прибыл к нам наш почетный гость, чтобы оценить их.

Гейбриел с удовольствием покинул Лондон, решив, что плохая погода его не остановит. Он пустился в путь в пятницу еще до рассвета и прибыл в Хелбурн-Холл, имея почти час на то, чтобы вымыться и переодеться к вечеру. Если повезет, он будет за ужином выглядеть вполне презентабельно. Во всяком случае, до дома Элетее путь короткий, дождь кончался, и он не поставит себя в неловкое положение, запоздав.

Но дорога через лес заняла целый час. Он, конечно, очень пожалел, что не велел вовремя починить мост. Проезжая мимо этого зловещего места, он почти вообразил, что слышит голоса неуспокоившихся духов — юной девушки и ее убийцы, погибших здесь сто лет назад.

Дурак, сказал он сам себе. Когда это он успел поверить в привидения? Когда это он задумался вообще о несчастных влюбленных? И вообще о любви, если уж на то пошло?

Элетея торопливо прошла через холл, открыла входную дверь и вышла на залитые дождем ступени. Маленький парк, который окружал дом, темно блестел в лунном свете,

словно был усыпан алмазами. Она глубоко вдохнула и вздрогнула от удовольствия. Что-то волшебное сверкнуло в воздухе. Она подумала, что это, может быть, надежда.

— Вы испортите прическу, миледи, и платье, — предупредила ее домоправительница. — Никто в здравом уме не поедет на ужин в такую погоду. Жаль, конечно, что все угощение пропадет напрасно.

Элетея не обратила на ее слова никакого внимания. Она с восторгом смотрела на одетого в темное всадника, только что появившегося из леса. Гейбриел прекрасен до невозможности, и он здесь. Он сдержал слово. Она сбежала по ступеням навстречу ему и прижала руку к губам, когда увидела комья грязи на его черных ботфортах и на подбитом шелком плаще.

Он усмехнулся, спешил рядом с ней. Кто-то из грумов бросился по траве принять у него лошадь.

— Давно пора починить этот мост, — сказал он. — Придется мне крепко поговорить с владельцем.

— Боже мой, — сказала она сочувственно, опустив руку. — Вы испортили свою прекрасную одежду.

— Вы тоже промокнете.

Хотя было ясно, что Элетея будет выглядеть элегантно в любом платье. Или без платья. Он представил себе, как дождь стекает по ее нагому телу, как ему предложат согреть ее своими руками, своими губами, и у него дух захватило. Наверное, он может поцеловать ее, не рискуя, что их увидят.

— Гейбриел!

Он откашлялся.

— Да?

— Есть ли какая-либо причина, обязывающая нас стоять здесь? — спросила она, улыбнувшись мимолетной улыбкой, как будто намекавшей на то, что она догадывается, о чем он думает.

Нет. Вряд ли. Элетея чистосердечна, она принадлежит к тем невинным девушкам, которые всегда оставляют право на сомнения мужчинам, подобным Гейбриелу, мужчинам, которые этого не заслуживают.

— Мы ждем вашего брата? — спросил он, посмотрев на дом.

Она улыбнулась:

— Брат к нам не присоединится, к сожалению. Он посылает свои извинения. И он помнит вас.

Гейбриел скорчил гримасу. Можно себе представить, что именно помнит о нем лорд Рексем, — все, что не делает ему чести, все эти драки в школе, все его проделки. Чем больше граф будет думать о тех днях, увы, тем менее он будет склонен поощрять Элетею приглашать к себе Гейбриела.

Она закусила губу, с трудом сдерживая смех.

— Войдите же. Викерс, камердинер брата, дома. — Она взяла его за руку и повернулась. — Он вас почистит. Он к этому привык. И если вы хотите остаться... — Она замолчала и вдруг отпустила его руку. — Вы выросли в деревне. Вряд ли я могу сказать вам что-нибудь, чего вы сами не знаете.

Он улыбнулся:

— Я не возражаю. Наверное, я забыл все, что знал. Моя жизнь здесь была...

— Не очень-то приятной? Это я помню. Но теперь все изменилось.

Он провел пальцем в перчатке по ее щеке.

— Вы промокнете.

— Я не возражаю, — сказала она тихим голосом.

— Я тоже. — Он провел пальцем по дорожке, проделанной каплей дождя от ее шеи к плечу. — Можно поужинать здесь, если хотите. Единственное, чего нам будет не хватать, — это свечей.

— Ах, Гейбриел, — она покачала головой, словно очнулась, — у меня есть большое подозрение, что для солдата вы в душе слишком поэт.

— Вы шутите.

— Вы не умеете выслушивать похвалы?

— Не знаю. Возможно, настанет день, когда я заслужу и похвалу.

— Пойдемте, — сказала она. — Я слышу, по дороге едет экипаж.

— Вы действительно пригласили других гостей?

Она удивленно взглянула на него:

— А вы полагали, что будете единственным?

Улыбка пробежала по его твердому загорелому лицу.

— Я бы не возражал.

Она объяснила ему, как пройти в комнату брата, позвала Вickersа и ушла к себе поправить прическу. Естественно, ее волосы жили своей жизнью, завиваясь необузданно во все стороны и не слушаясь расчески. Она никогда не видела Гейбриела в вечернем костюме, но от его темной элегантности у нее дух захватило, и она решила, что должна выглядеть как можно лучше. Она принялась звонить горничной, потом стала рассматривать свою мокрую фигуру в зеркале.

— Вот во что, — сказала она с отвращением, — превращается молодая женщина, которая слишком много времени проводит с лошадьми. Господи, ты только посмотри на это платье. Только полная дураха станет стоять под дождем в светло-зеленом шелке. На самом деле скандальная личность в нашем приходе — я, а не Гейбриел.

Придется переодеться, и поскорее. Она слышала, что внизу раздаются голоса, ее приглашенные гости презрели дождь, чтобы отужинать у нее. Она не должна по крайней мере выглядеть как девчонка-сорванец.

Элетя достала из гардероба легкое вечернее платье из газа лимонного цвета и завела руку за спину, чтобы расстегнуть замочек. Дверь позади нее отворилась. Она пробормотала:

— Я как раз хотела позвонить вам, Джоан. У меня три минуты, чтобы привести себя в приличный вид, и если вы поможете мне с этими крючками...

— Я сделаю это за две минуты.

Она в потрясении повернулась и уставилась в смеющиеся синие глаза Гейбриела. Его подстриженные черные волосы были причесаны до блеска, плащ был снят, грязь счищена с приталенного фрака и облегающих панталон. Гейбриел дьявольски красивый, каким она никогда его не видела. А на что она похожа? Полуодетая растрепанная с волосами, подобными копне сена.

Но что он делает в ее комнате? И почему она не велит ему немедленно выйти?

— Позвольте мне, — сказал он.

— Позволить вам что?

— Привести вас в приличный вид. — Пыл в его взгляде предупредил ее, что думает он в основном не о приличном виде, и он укрепил ее в этом подозрении, добавив: — Хотя будь я проклят, если я видел более привлекательное зрелище, чем вы сейчас.

Ее охватил порыв порочного волнения. Он был великолепен, надменен, забавен... и наедине с ней в ее спальне.

Она сказала:

— Вам вообще не полагается меня видеть.

— У вас не найдется чулка, чтобы я мог завязать себе глаза? — спросил он, но блеск в его синих глазах не соответствовал этому вежливому интересу.

— Чулка?

— Я стараюсь, Элетя, быть джентльменом.

Она никогда не слышала столь нелепого заявления. И пока она стояла, полностью парализованная, он протянул руку к ее спине и умелыми движениями расстегнул крючки на платье.

Она подавила всплеск негодования.

— Гейбриел Боскасл, — сказала она еле слышно, отчего голос ее прозвучал как у глупой

девчонки, которая приветствует своего поклонника, впервые появившись в свете, — джентльмены так себя не ведут.

Он небрежно пожал плечами:

— Я же сказал только, что я стараюсь, а не что мне это удастся.

— Ну так приложите больше стараний. — Она оглянулась, ища глазами шаль, чтобы укрыть либо себя, либо его красивое, смеющееся лицо. — Ступайте вниз и выпейте бренди.

— Принести и вам тоже?

— Нет. Ступайте познакомьтесь с теми, кто приехал.

— А достаточно ли прилично я выгляжу для вашего вечера? — спросил он с мальчишеской усмешкой, явно предназначенной для того, чтобы обезоружить Элетею.

Под длинным приталенным фраком на нем была надета нарядная муслиновая рубашка.

Она вздохнула.

Он притворился огорченным:

— Мне никогда не шли рюши и оборки.

— Вы находитесь в моей спальне!

— Я, видимо, заблудился. — Он легко провел рукой по ее полуголому плечу. — А может быть, у меня безошибочное чутье.

— У вас чутье дьявола, — пробормотала она.

— Дорогая, — с упреком сказал он, — разве так разговаривают с гостем?

— Дверь у вас за спиной. — Она изящно вздрогнула. Его пальцы у нее на плече сеяли смуту. — Неужели туалетный столик и кровать говорят о том, что здесь столовая?

Он рассеянно огляделся.

— Нет, если вдуматься. — Он привлек ее к себе. — Но должен признаться, что вы разожгли во мне аппетит так, как ничто еще не разжигало его на банкетах. — Голос его стал глубже. — Это ваша кровать?

Она вздохнула, стараясь не думать о том, на что он намекает, стараясь не вообразить себя лежащей под ним на кровати и его сильное тело на ней.

— Да.

Он помолчал.

— Где вы спите?

— Кажется, это очевидно.

— Прямо под этим окном? — спросил он, глядя мимо нее.

— Вам нужно описать крышу? Карнизы?

— Я могу видеть вашу комнату из моей.

— Откуда вы знаете, что вам видно мою комнату? — спросила она не подумав.

Усмешка искривила его губы.

— Гейбриел, — шепотом сказала она, — вы находитесь в доме моего брата, и стало быть...

— Мне нравится, когда у вас распущены волосы, — тихо сказал он. — Я и не думал, что они такие длинные и блестящие. Почему бы вам не носить их распущенными почаще? Так вы похожи на какую-то итальянскую принцессу с картины.

— Леди в наше время должна соблюдать некоторые правила приличий, — с трудом произнесла она. — А джентльмен сегодня не...

— ...пользуется своими преимуществами?

И он тут же ими воспользовался, потершись своей выбритой щекой о ее щеку, а потом

завладел ее губами в крепком, настойчивом поцелуе. А потом в еще одном, пока ее губы не стали мягкими от его ласкового натиска. Рука обвила ее талию, привлекая к его телу, и Элетея покорилась его опасной силе.

Опасной? Без сомнения.

Но как огонь среди зимы, жар, исходивший от него, манил ее. И если она сама уже пылает, разве это не лучше холодного одиночества минувшего года?

Всепокоряющий жар его губ на ее устах. Конечно, зима не может длиться вечно.

— Гейбриел...

Элетея раскрыла губы — она хотела возразить ему, но тут он глубоко просунул язык ей в рот. Его лицо расплылось в свете свечей. И она, ускользящая, колеблющаяся, оказалась между тьмой и светом, между капитуляцией и сопротивлением.

— Я проехал верхом от Лондона под дождем, чтобы быть здесь, — прошептал он.

— К ужину, — напомнила она нетвердым голосом.

— Прошу прощения. — Он провел губами по ее щеке. — Ничего не могу с собой поделатъ. Вы так красивы и чисты, и...

Она озадаченно покачала головой:

— Тогда почему я целуюсь с вами?

Он провел кончиками пальцев по ее бедру.

— Потому что я опасный и порочный искуситель невинности, и я всегда был таким. — Он замолчал, глаза его сверкнули. — Хотите, чтобы я помог вам снять платье?

— Что? — спросила она, хихикнув, словно ослышалась.

— Я знаю, что это неприлично, но раз я здесь, я могу вполне доказать, что способен оказать вам помощь. Я терпеть не могу быть бесполезным.

Элетея положила руку на его крепкую грудь, удивляясь, почему его голос вызывает у нее трепет, тогда как он должен был бы заставить ее бежать. Прилично. Неприлично. Когда-то мотивы ее поведения были очень четкими. Она знала точно, за кого ей следует выйти замуж, с кем дружить, кому доверять. Теперь эта четкая картина была испорчена. Она не может опереться в своих суждениях на прошлое.

И она не может стать той, какой была в свои райские годы, хотя сомневалась, что способна стать такой, какой неизбежно хотел бы видеть ее мужчина вроде Гейбриела. Падшая она женщина или нет, без любви она не может предаться жизни, состоящей из наслаждений.

Элетея прерывисто вздохнула. Он уже расстегнул крючки на ее платье. И пока она блуждала в мыслях, пребывая в его объятиях, он почти развязал тесемки ее сорочки на одном плече.

Порочный, предприимчивый мужчина. Возможно, она и не звала его соблазнять себя, но все ли она сделала, чтобы обескуражить его?

— Гейбриел! — строго сказала она.

Его прекрасно вылепленные губы ущипнули кончики ее грудей. Она изумленно ахнула, ее колени начали подгибаться. Ощущения, запретные и восхитительные, обрушились на нее. Соски у нее затвердели. Где-то в недрах тела собрался пульсирующий жар. Она еще несколько мгновений наслаждалась этим странным удовольствием.

— Дьявол, Гейбриел, — прошептала она, чувствуя, что его руки поддерживают ее. — Я пригласила вас сюда не для этого.

Они попятились, опустили на стул рядом с гардеробом, его расставленные ноги

поддерживали ее. Она подняла руку, искрение намереваясь оттолкнуть его. Но вместо этого она обняла его за плечи жестом; который говорил больше о капитуляции, чем об уверенности в себе.

Эти тонкости языка он понимал очень хорошо.

— Прощу прощения, — пробормотал он, глаза его лихорадочно сияли ярким синим цветом.

— Да?

Он на миг поднял глаза от ее расстегнутого лифа.

— Не будь вы леди в истинном смысле этого слова, самой порядочной из тех, кто когда-либо встречался в моей жалкой жизни, я бы...

Она наложила палец ему на губы.

— Надеюсь, происходящее не является образцом вашей сдержанности.

— Верьте мне, Элетея. Ради вас я заковал в кандалы свои желания и проглотил ключ.

— Вы стали человеком без принципов.

— Вы считаете, я могу измениться?

— Не ко времени ужина. — Она неловко протянула руку за спину, чтобы застегнуть корсет. — Боже мой! Как же я объясню то, что вышла к своим гостям так поздно и едва могу...

Его рот расплылся в циничной улыбке.

— Кажется, вам трудно дышать. Хотите, я распушу шнуровку побольше?

— Если я не могу дышать нормально, это никак не связано с тугой шнуровкой.

— Вот как. — От его чувственного голоса по спине у нее пробежала дрожь. — В таком случае могу ли я допустить, что тому есть еще одно, единственное объяснение?

Она легко покачала головой. Ей вовсе не хотелось признавать, что ему удалось распушить нечто большее, чем ее корсет. И если она не возьмется за ум, окажется, что она совершенно никуда не годится во всех отношениях.

— Знаете ли вы, почему леди так туго шнуруются? — спросил он, продолжая зашнуровывать ее короткий корсет, застегивать ее платье. — Это не для того, чтобы сделать ваши прекрасные формы еще красивее. Это для того, чтобы держать на расстоянии таких повес, как я.

Она отвела глаза и ответила еле слышно:

— Но худших из них это, однако, не останавливает. Странный ответ.

Настало неловкое молчание — он раздумывал, что она хотела этим сказать. Если бы он не был так занят попыткой обуздать свои распутные инстинкты, он спросил бы у нее. Но он был человеком слабым, плотским и совершенно захваченным ее невероятной привлекательностью. Ему нужен был любой повод для продолжения. У Гейбриела был кое-какой опыт обращения с невинными девушками.

Более опытен он был в темных наслаждениях.

«Я видел, как эта леди наносила визит миссис Уотсон поздно вечером».

Но Гейбриел мог бы поклясться чем угодно, что она невинна. Элетея, вероятно, никогда не слышала о миссис Уотсон, но даже если и слышала, она слишком хорошо воспитана, чтобы признаться в этом.

— Слышите, кто-то идет, — тревожно шепнула она.

Он этого не слышал. Или, может быть, и слышал, но надеялся, что она не обратит на это внимания. Он был мучительно возбужден. Он не мог скрыть этого от нее. Сквозь слои

одежды его мужское естество уперлось в нее, говоря об откровенном желании. Если он не вернет свое умение обуздать себя, он... он готов на все, если она одарит его своими милостями, пригласит его в свою постель.

Их взгляды встретились.

— Может ли быть такое, что вы хотите меня так же, как я — вас?

Ее едва заметное колебание подействовало на него обнадеживающе.

— Прошу вас, Гейбриел, — сказала она, ее темные глаза были полны чувством, — не нужно смущать нас обоих, ведь я пригласила своих друзей, чтобы познакомить их с вами. Я отзывалась о вас хорошо. Не дайте мне почувствовать себя обманувшейся.

— Значит, позже? — спросил он мгновение спустя. — Не успокоите ли вы меня, по крайней мере сказав, что я не рассердил вас? Не пообещаете ли вы...

Она невольно рассмеялась:

— Я ничего не стану обещать вам, кроме ужина и вечера, проведенного в сельских развлечениях. И я не сержусь.

— Достаточно справедливо. — Он отодвинулся, лицо у него было довольное. — У меня нет выбора, кроме как вести себя хорошо и продемонстрировать гостям свои хорошие манеры.

— На меньшее я и не согласна.

Ей казалось немного подозрительным то, с какой легкостью он согласился. Разве негодяи его толка не славятся своим умением уговаривать и соблазнять? И действительно — когда он позволил ей встать, она заметила смутную улыбку, сжавшую его губы.

— Не забывайте только о военных хитростях и ложных отступлениях, — насмешливо бросил он.

— Что вы имеете в виду? — спросила она, и сердце у нее забилося сильно и неровно. Наверное, ей лучше не знать этого.

Он встал. Вид у него был столь же великолепный, сколь у нее — наоборот.

— Сейчас я уйду. Если я встречу кого-нибудь в холле, просто скажу, что заблудился в темноте.

Гейбриел вышел из ее комнаты совершенно ошеломленный. Он действительно чувствовал себя заблудившимся, а все стрелки компаса указывала ему на Элетею.

Впервые в жизни он отступил, не завершив соблазнения, потому что эта женщина была для него желанна и ему не было все равно, что она подумает о нем потом. Элетея была вплетена в его прошлое всегда, насколько он мог помнить. Она была единственной женщиной, об обладании которой он всегда мечтал. Если бы она знала, о чем он думает, когда целует ее, как ему нестерпимо хочется добиться ее, она была бы довольна и история с хлыстом могла бы повториться.

На верхней лестничной площадке он остановился. Ни одного гостя не было видно. Опасность разоблачения ему не грозила. Но вот опасность, исходящая от него самого, — другое дело. Все его тело пульсировало от примитивного желания. Он не знал, переживет ли он ужин, не выдав себя. Будет странно, если он весь вечер просидит скрестив ноги. Не отсюда ли произошел обычай класть на колени салфетку?

— Сэр, — раздался взволнованный молодой мужской голос, — что-нибудь случилось?

Гейбриел посмотрел вниз на младшего лакея, появившегося у подножия лестницы.

— Спасибо, все в порядке.

Жаль, он не смог убедить ее в том, что он уже не тот мятежный мальчик у позорного столба, которого она помнит. К сожалению, он не уверен, что особенно изменился с тех пор. Очевидно, она не слышала, что он чуть не убил своего отчима за неделю до того, как этот отвратительный мерзавец распрощался с жизнью, убитый в трактирной драке. Туда ему и дорога. Гейбриел знал, что рано или поздно он прикончит Джона за жестокое обращение, которому тот несколько лет подвергал его мать.

А вот Элетея изменилась, и он никак не мог понять, в чем именно.

Она по-прежнему волновала его. И ему казалось, что он ее волнует.

Но Гейбриел начал замечать в ней время от времени некий цинизм, которого не ожидал. Да, она потеряла свою истинную любовь, человека, которого выбрали для нее ее родители, который охранял бы ее от скотов вроде Гейбриела, имея на то все основания.

Ему не хотелось верить, что грусть, которую он замечал в ней, была вызвана скорбью по ее первому избраннику. Ему не хотелось верить, что она принадлежит к тем женщинам, которые любят только один раз в жизни. Но другого объяснения он не находил.

Старшая кузина Элетеи, леди Мириам Понтсби, симпатичная кумушка сорока лет, остановила Элетею перед тем, как та вошла в парадную столовую. Леди Понтсби не была приглашена официально. Но эта обожаемая всеми родственница обладала нюхом ищейки и за версту чуяла, чем пахнут новости, носящиеся в воздухе. Услышав, что ее кузина пригласила к себе одного из знаменитых членов семьи Боскасл, она протащилась сама и протащила своего мужа в скрипучей карете все пять дождливых миль, которые лежали между ее домом и домом графа.

Леди Понтсби слегка вздрогнула, когда лакей снял с нее мокрый плащ.

— Я приехала так скоро, как только смогла, Элетея, когда услышала, кто будет у вас почетным гостем. Негодяй Боскасл и игрок. А вашего дорогого брата нет дома, чтобы охранять вас. Почему вы не дали мне знать раньше?

Элетея с нежностью улыбнулась своей низкорослой пухлой кузине.

— Я думаю, что мне вряд, ли что-нибудь угрожает. Здесь викарий и его жена. И не было никакой нужды вас тревожить.

— А ваш брат уже сделал предложение Эмили? — спросила Мириам.

— Думаю, он все еще собирается с духом.

— Уже прошел год! — воскликнула Мириам. — Чего же он ждет?

Мириам с трудом удержалась от желания задать тот же вопрос и своей молодой кузине. Будучи дамой с практическим складом ума, она считала, что женщина не делает ошибку, когда вступает не во вполне совершенный брак, но делает серьезную ошибку, если вообще не вступает в брак. Положение Элетеи вызывало у нее тревогу. Не вдова, не старая дева, не совсем свежа для брачного рынка, она представляла собой проблему, потому что положение ее не соответствовало правилам высшего света.

Какое невезенье — нареченный Элетеи нашел свою смерть на поле битвы! Воспитанные люди не могут обсуждать вульгарные подробности кончины Джереми, вовсе не героические. Его не стало, к несчастью, и этого ничто не может изменить.

Но что делать с леди, которую он оставил? Мириам решительно не знала, что делать. Элетея проводила время, катаясь верхом и ухаживая за животными на ферме, вместо того чтобы искать нового мужа. Не важно, что она в трауре. Никто в Хелбурне не соблюдает все глупые установления общества.

А теперь ее хорошенькая молодая кузина по воле непостижимой судьбы пригласила за свой стол одного из Боскаслов. Неужели Элетея уже очарована? Со времени смерти Джереми она не выказывала никакого интереса к другим мужчинам, и даже раньше, насколько могла припомнить Мириам. Что на нее нашло, почему она решила пригласить члена лондонской семьи, известной своими выходками, к себе домой, когда Робин в отъезде?

Мириам, не теряя ни единого мгновения, поспешила в Хелбурн, чтобы осуществлять надзор за этим непонятным делом. Наименьшее, что она могла сделать, — это исполнить свой родственный долг и убедиться, что ее кузину с разбитым сердцем не вовлекли в незаконные отношения с сэром Гейбриелом — человеком, обладающим совершенно непристойным очарованием.

— Я понимаю ваше желание, дорогая, оказать гостеприимство соседу, — продолжала

Мириам, в то время как в сопровождении ее мужа они направлялись в столовую. — Но что, если он собирается превратить Хелбурн в одну из тех деревушек, где мужчины обольщают не желающих того — или желающих — девиц и устраивают оргии каждое полнолуние?

Элетея и лорд Понтсби обменялись улыбками.

— В одиночку? — пробормотал лорд Понтсби.

— Я думаю, там, откуда он явился, есть и другие негодяи, — сказала Мириам. — В этой семье их более чем предостаточно.

Элетея подняла брови.

— А вы знаете, что мы с ним родились на расстоянии меньше одной мили друг от друга? И что его...

— Добрые люди из нашего прихода, включая вас, Элетея, придут в смятение, если выглянут в окно однажды лунной ночью и увидят, как знатные мужчины гонятся за нагими леди вверх и вниз по холму.

— Не лучше ли подождать и заняться этой проблемой, когда она возникнет? — Элетея закусила губу, — Хотя, осмелюсь заметить, это будет менее волнующее зрелище, чем зрелище сквайра Хиггинса, бегущего в костюме Адама за своей насадкой.

Мириам побледнела.

— Ваша добрая матушка, глядя на меня из своей небесной обители, должно быть, пеняет мне за то, что я небрежно исполняла свой долг по отношению к вам.

Элетея остановилась в дверях. Будучи человеком, не слишком соблюдающим формальности, она оставила на лакея обязанность усаживать тех гостей, что приехали раньше.

Но она никак не ожидала, что все, кого она пригласила на ужин, и те немногие, кого она не приглашала, решатся отправиться к ней в дождь и отведать ее угощение, И вот пожалуйста, у нее полон дом гостей. Уилкинзу уже пришлось принести с полдюжины стульев из музыкальной комнаты.

Главная приманка двигалась позади нее — широкоплечий человек с шевелюрой и душой, темными, как ночь, человек, который не только внес сумятицу в голову хозяйки дома, но также, вне всяких сомнений, выбил из колеи ее пять гостей, вдруг насторожившихся.

«Нет, шесть», — молча поправилась она, когда Мириам повернулась к Гейбриелу с грозным выражением на лице, которое тут же сменилось изумлением.

Честно говоря, при виде сэра Гейбриела во плоти ее кузина была столь ошарашена, что Элетея почти пожалела о своей недавней резкости.

— Мириам, — она толкнула кузину локтем, — это же Боскасл, негодяй, игрок. Вы не забыли?

— Я верю не всему, о чем мне сообщают сплетники, — тихо ответила Мириам, со вздохом прижавшись к двери, когда Гейбриел поклонился.

— Сударыня, — проговорил он голосом, в котором звучала скрытая ирония, — я не имел удовольствия...

Мириам смятенно посмотрела на Элетею.

— Одна из лучших фамилий Англии, — прошептала Мириам краешком рта. — Прошу вас, не падайте в обморок и не портите вечер. Теперь я вижу в вашем будущем перспективу, которой я никак не ожидала. Мои недавние замечания порождены незнанием, и я в этом признаюсь.

Элетея крепко взяла кузину за руку и сказала, понизив голос:

— Вспомните о порочных знатных мужчинах, Мириам. Представьте себя обнаженную, за которой гонятся и которая попадает в объятия этого негодяя.

Затянутая в перчатку рука Мириам, дрожа, упала на плечо Элетей.

— Что, если общество неверно судит о нем? — прошептала она с задумчивой улыбкой. — Есть ли у нас доказательства, что он негодяй? Должны ли мы опуститься до скандала и порочить тех, кто будет в высшей степени нам полезен?

Гейбриел адресовал Элетее простодушную улыбку.

— Я сделал что-то не так?

Она отвела глаза, прежде чем виноватый румянец выдал ее.

— Я очень надеюсь, сэр Гейбриел, что вам понравится простая деревенская еда. Хорошо зажаренный ростбиф и пудинг.

Несколько мгновений он смотрел на нее с беспечным видом, а потом предложил руку.

— На этой еде я вырос.

— И это не причинило вам вреда, судя по вашему виду, — сказала леди Понтсби, двинувшись следом со своим мужем.

Элетей еле слышно вздохнула и изобразила на лице улыбку, когда они с Гейбриелом приготовились разойтись и занять свои места. А когда кузина оглянулась на нее с лукавой улыбкой, она притворилась, что ничего не заметила, и сказала:

— Сэр Гейбриел со времен своей юности обедал за множеством столов. Но я очень надеюсь, что наше деревенское гостеприимство не наскучит ему.

Он галантно улыбнулся:

— Мне достаточно просто мирного вечера, чтобы не скучать.

Элетей раскрыла губы:

— Я напомню вам об этом, когда вы начнете засыпать.

— В одной комнате с вами? — спросил он, усмехнувшись порочной усмешкой. — Ваше присутствие способно поднять мертвеца из могилы.

Она покачала головой:

— Не вздумайте сказать что-нибудь подобное за столом.

— Почему же?

— О-о-о... Вы просто сидите, сэр Гейбриел, ужинайте и будьте приятным гостем.

Он улыбнулся еще шире:

— Я согласен, если вы будете прекрасной хозяйкой.

Элетея молчала, а Гейбриел занял место между вдовствующей баронессой и лордом Понтсби, и баронесса сразу же втянула его в разговор:

— Предыдущий владелец Хелбурн-Холла собирался построить грот там, в дубовой роще. Он обратился за составлением плана к иностранному архитектору.

Дубовая роща? Гейбриел взял суповую ложку, стремясь казаться респектабельным, в то же время отчаянно напрягая мозги. Ему страшно хотелось произвести хорошее впечатление. Но где, черт побери, в его владениях находится эта дубовая роща?

— Э-э-э... — сказал он, пытаясь поймать взгляд Элетей, — дубовая роща. Неплохое место для грота, да?

Серебряноволосая баронесса казалась мило смущенной.

— Мы так поняли, что ваш предшественник намеревался использовать это сооружение, чтобы завлекать туда молодых женщин... я думаю, вы понимаете.

Гейбриел опустил ложку. Оказавшись среди гостей, он и двух слов не связал. Почему же, черт возьми, его тут же стали обвинять в том, что он соблазняет девственниц? Он снова посмотрел через стол, ища помощи в глазах Элетей. Притворившись, что понятия не имеет о его трудном положении, она смутно улыбнулась ему, продолжая намазывать масло на хлеб. Он слегка кашлянул.

— Ну, по мнению древних друидов, дубовая роща — это священный приют для...

Он не знал, для чего именно. Но вспомнил, как он и его братья иногда вставали летом на восходе солнца, чтобы посмотреть, как деревенские девушки собираются вместе встречать рассвет. Но если там и были какие-то дубы, никто из мальчишек не замечал их и не интересовался ими.

— Вы несколько высоки ростом для друида, не так ли? — Баронесса решила продолжить разговор после некоторого молчания. — Достаточно темноволосы, но слишком высоки.

Он поймал довольный взгляд Элетей.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Не думаю, что сэр Гейбриел готов признаться в своей склонности к язычеству, леди Бримвелл.

— А в чем он склонен признаться? — шутливо сказал преподобный Питер Брайант. — Говорите, сэр Гейбриел. Мне доводилось исповедовать прихожан во всевозможных грехах.

Элетея покачала головой:

— Только не за моим столом. Если хотите, можете поговорить с моим гостем в любое другое время.

— Я хочу сказать, — продолжал Гейбриел, почувствовав, что можно и вправду хорошо проводить время, не играя в карты, не объедаясь деликатесами и не беря на душу множество иных грехов, — что деревья красивы, а соращение невинных дев — нет.

Никак нельзя сказать, что сэра Гейбриела как-то особенно интересовала проблема невинных дев. И коль скоро Господь Бог разит насмерть преступников или лицемеров, он, Гейбриел, без промедления должен быть сражен ударом молнии прямо сквозь крышу. Он выжидающе посмотрел вверх. К счастью, никакого божественного возмездия не последовало. Возможно, Господь приберет свое отмщение на то время, когда Гейбриел

меньше всего будет этого ожидать.

Игрок до мозга костей, не способный устоять перед возможностью рискнуть, он добавил вполне серьезно:

— Пока я остаюсь в Хелбурне, никаких гротов с дурными целями выстроено не будет. Хватит и обычной спальни.

— И надолго ли вы здесь задержитесь, сэр Гейбриел? — спросила Элетея, постукивая пальцами по ножке своего бокала.

Будь он проклят, если он это знает. На языке у него вертелся ответ: «Решение зависит от вас». Но ведь он уже решил выставить Хелбурн на торги и вернуться в Лондон, не так ли?

Он ответил:

— Я уверен, что надоем вам всем еще до того, как уеду.

Он уклонился от четкого ответа, но был уверен, что Элетею он не обманул, Она осторожно переменяла тему разговора и подняла голову, когда подали главное блюдо. Гейбриелу следовало порадоваться, что она освободила его от необходимости солгать.

Но он пытался понять, почему она вообще выказывает к нему интерес. Ради прежних времен? Потому что в сердце у нее живет сочувствие к отбившимся от рук мальчишкам? Она не из тех леди, надеялся он, которые верят, что искривленную натуру можно выпрямить несколькими ласковыми усилиями.

Разговор перешел с негодяев, губящих молодых женщин, на сельское хозяйство. Гейбриел рассуждал об этом так, будто у него не было ни малейшего интереса к жатве, к судьбе деревенских ремесленников и к предстоящей на Михайлов день ярмарке рабочей силы; ему советовали купить гусей до того, как все хорошие будут распроданы, — как будто он знает, что делать с этими гусями.

Наконец, подкрепившись вином, сыром и засахаренными орехами и фруктами, гости перешли, в музыкальную комнату, чтобы поиграть в «Ударь тапочкой». Гейбриел стоял плечом к плечу с Элетеей до конца — это было единственное, что он мог сделать, чтобы снова не опозориться. И наконец перевел дух, когда ему предложили сыграть в вист.

Он и викарий сидели напротив Элетей и миссис Брайант. Когда тринадцать карт были сданы, ему пришлось приложить немало сил, чтобы удержаться от снисходительной улыбки. Несправедливо было бы играть с этими любителями в полную силу — но вдруг некоторое время спустя миссис Брайант взяла взятку, заставив его забыть о снисхождении и отнестись к игре внимательнее.

Он проиграл.

— Мы выиграли у лондонского игрока, — гордо сказала миссис Брайант. — Вы можете в такое поверить, Элетея?

Элетея притворно нахмурилась:

— А ведь нам должно быть стыдно за то, что мы поощряем его страсть к игре. По крайней мере, как мне кажется, нам не следует хвастаться тем, что мы выиграли хотя бы шиллинг у того, чье увлечение мы сами же осуждаем.

— А мы пообещаем, что в следующий раз повысим ставки, — весело откликнулся викарий, вставая и собираясь уходить.

— А будет ли он, следующий раз? — небрежно поинтересовался Гейбриел, когда они с Элетеей вышли из парадной двери в сырую ночь.

— Мы вам не наскучили? — удивленно спросила она. — Вы действительно придете еще?

— Только если я желанный гость. Так ли это?

Она безыскусно улыбнулась ему, что обострило мучительное желание, которое он подавлял несколько часов.

— Да, — ответила она, и в глазах ее сверкнуло озорство. — Мы поиграем в другие игры. Вам нравится игра «Спрячь наперсток»?

Он посмотрел на нее, охваченный внезапным желанием поцеловать ее в шею и ниже, в кремовую кожу, наполовину скрытую локонами.

— А не могли бы мы сыграть одни?

— Не думаю, что это очень забавно.

Он не сводил с нее глаз.

— А я думаю, что смогу вас удивить.

— Посмотрим, — осторожно ответила она.

— Это звучит многообещающе.

— В следующий раз я привезу с собой своих двух старших сестер, — сказала миссис Брайант, стоя позади них и дожидаясь, когда ей подадут плащ. — Они не поверят, что я обыграла сэра Гейбриела.

— Вы позволили ей выиграть? — тихо спросила Элетей.

— Нет, — ответил он одновременно с Кэролайн.

— Но я подозреваю, — сказал Гейбриел, притворяясь рассерженным, — что миссис Брайант — опытный шулер.

Миссис Брайант расправила плечи.

— Вы можете это доказать?

Гейбриел усмехнулся:

— Не исключено. Я буду внимательней следить за вами в следующий раз — знаете, все эти крапленые карты и тайные знаки... Дайте-ка подумать. Вы действительно кашлянули несколько раз, и мы ни разу не проверяли колоду на предмет крапа.

Вид у нее был довольный.

— Вы собираетесь вызвать меня на дуэль чести, если меня поймают?

— Какое будет оружие?

— Стихи из Библии, — сказала она с задорной улыбкой.

— В таком случае полагаю, — беспомощно рассмеялся он, — что меня обвели вокруг пальца, выманив пожертвования в пользу прихода.

— Не думайте о пожертвованиях, — успокоила его миссис Брайант. — Будет достаточно, если мы снова встретимся за столом, чтобы дать вам возможность исправить свою ошибку.

Гейбриел ничуть не сомневался, что она говорит о картах, а не об искуплении грехов. Проблема же заключалась в том — в чем он с трудом признался себе, — что общество Элетей способно заглушить в нем страсть к игре, но явно не ослабляло в нем другие порывы.

Потому что, наконец покинув ее общество, он понял, что среди всех удовольствий в прошлом и настоящем, из всех выигранных им пари ничто не может сравниться с радостью быть приглашенным в ее общество и купаться в ее смехе.

Элетея пробежала через выгон по мокрой траве и смотрела, как Гейбриел удаляется легким галопом в туман. Какое прекрасное зрелище! Весь вечер после любовной интерлюдии в спальне он держался джентльменом, любезным с ее друзьями. Но при этом она понимала, что не все благородные люди остаются благородными в темноте. И Гейбриел скорее всего решил, что ее сопротивление слишком старомодно по сравнению с поведением тех леди, которых он знает в Лондоне.

Все понимали, кто он, но все же он понравился всем в Хелбурне, и все хотели, чтобы слухи о нем оказались ложными. И больше всех этого хотелось Элетее.

Он напомнил ей, что она все еще с удовольствием слушает незлобивый смех, что хотя Джереми и взял ее силой, проявив невероятную жестокость, она может оправиться.

Гейбриел доказал, что она все еще способна не только испытывать желание, но также страдать от всех, связанных с этим, неосторожных надежд. Учитывая его лондонскую репутацию первоклассного любовника, она понимала, что он точно знает, как пробудить скрытые страсти.

Но чтобы он мог влюбить ее в себя, хотя ей хорошо известно, что он собой представляет, — ну нет, она не поддастся.

Она не желает пасть ради еще одного истинно любящего принца, после того как предыдущий превратился в короля жаб прямо на ее глазах. Это было ее первым жестоким разочарованием.

Нет. Это не совсем так. Она знала Гейбриела до того, как ее познакомили с Джереми на местных крестинах. И будет справедливо даровать Гейбриелу сомнительное отличие быть первым мальчиком, который принес ей жестокое разочарование. Потому что он глубоко ранил ее чувства, когда она рискнула вызвать гнев у своих родителей, чтобы помочь ему, стоявшему у позорного столба.

Никто прежде не отказывался от ее добрых жестов, и к тому же столь грубо. Ее всегда хвалили за способность сочувствовать другому. Но то была гордыня — полагать, что сочувственных слов молодой девушки будет достаточно, чтобы исправить такого юношу, как Гейбриел.

И вероятно, будет еще большей гордыней полагать, что женщина может сбить его с того пути, который он выбрал.

Так в последние недели лета установился некий ритуал. Каждую пятницу вечером вне зависимости от того, была ли погода хорошая или плохая, в сельском доме графа Рексема давали легкий званый ужин для местных джентри. Когда граф Робин не мог оказать честь своим гостям, хозяйкой была его сестра Элетея. Мало кто отказывался посетить эти оживленные собрания, потому что они, как правило, сопровождались шаловливой забавой — вызывать сэра Гейбриела на карточную игру и заявлять потом, что кто-то из деревенских жителей обыграл профессионального игрока.

В промежутках между этими вечерами он изобретал один повод за другим, чтобы встретить Элетею во время ее ежедневных прогулок верхом, пока она не перестала подшучивать над ним, говоря, что ее это удивляет, а он перестал искать оправдания. Дважды он сопровождал ее и миссис Брайант в поездках по приходу. Но поклялся не участвовать в этих делах после того, как одна старая вдова, которую они посетили, сообщила Элетее, что некогда школьный учитель застал Гейбриела за писанием грубых стишков на латыни.

Всю дорогу домой она смеялась над этим. Смеялась и миссис Брайант.

— Это был не я, — настаивал он. — Это был мой брат Колин. У него есть талант.

— К проказам? — предположила Элетея; ленты у нее на капоре танцевали вокруг белой шеи.

Она неудобно сидела рядом с миссис Брайант, правившей своей двуколкой, точно фригийская богиня плодородия Кибела — повозкой, в которую были запряжены львы.

Гейбриел ехал рядом с ними на своем андалусце, наслаждаясь этим зрелищем. Он и в детстве не владел латынью настолько, чтобы кропать на ней стишки, да и теперь не преуспел бы в этом. Его не беспокоило, что она над ним посмеивается. Ему нравилось быть с ней, слышать ее голос. Но когда их взгляды встречались, ему казалось, что по спине его проводят чем-то острым. И он не знал, выдержит ли эту муку.

Гейбриел отвел глаза и стал смотреть на лес.

— Вы приедете к чаю? — беспечно спросила миссис Брайант.

Гейбриел прищурился. Ему показалось, что он видит какую-то фигуру между деревьев, столь смутную, что она казалась ему отражением его собственного прошлого. К чаю? Он не хотел чаю, но он будет его пить.

К концу пятого званого ужина — каждый из этих ужинов заканчивался позже предыдущего — Гейбриел не мог заставить себя уехать домой. Граф Рексем отправился с визитом к родителям молодой леди, на которой собирался жениться. Леди и лорд Понтсби уехали рано, жалуясь друг на друга и на сильный насморк.

Гейбриел вежливо откланялся.

Но, будучи в глубине души человеком невежливым, он кружил вокруг дома до тех пор, пока не убедился, что все гости разъехались. И тогда он вернулся. Элетея подошла к двери, неся кашемировую шаль леди Понтсби.

— Я знала, что вы вернетесь за...

— За вами? — Он бросил взгляд на дорожную шаль и поджал губы. — Это не в моем стиле. Все эти узоры и бахрома. Я скорее...

— Негодяй? — Она сложила руки на груди, а он, не дожидаясь приглашения, вошел в

холл и закрыл дверь, ведущую в тихую ночь. — Или взломщик? Гейбриел, я действительно спрашиваю себя, чем вы занимались все эти годы...

Он прошел рядом с ней по холлу, под геральдическими щитами, и его шаги заглушались топотом прислуги, которая сновала взад-вперед, унося со стола посуду и гася восковые свечи, освещавшие столовую и гостиную.

— Я передумал насчет десерта.

Она покачала головой, едва удерживаясь от улыбки.

— Вы вернулись слишком поздно.

— И мне ничего не достанется?

— Полагаю, еще осталось немного бренди и кекса...

— Я не этого хочу, — сказал он с прямотой, от которой она широко раскрыла глаза.

— Не знаю, что вам ответить, Гейбриел, — сказала она, помолчав. — Конечно, я — скучное общество по сравнению с дамами, которых вы знали в Лондоне.

Он грустно усмехнулся:

— Вы шутите. Известно ли вам, какие это пустоголовые женщины?

— Не все они пустоголовые. Некоторые очень умны.

Гейбриел нахмурился:

— Ни одна из моих знакомых не умеет играть в «Ударь тапочкой».

— Вряд ли это можно считать интеллектуальным досугом.

Его глаза насмешливо сверкнули.

— Ни одна из них никогда не могла обыграть меня в вист.

— Вы нам поддаетесь, Гейбриел.

Он помолчал, стал играть на ее сочувствии:

— Вы хотя бы немного представляете себе, как одиноко в Лондоне такому человеку, как я?

Ее ответ застал его врасплох:

— Не более одиноко, чем мне здесь.

Он уставился на нее, поняв, в чем она призналась.

— Я не могу его заменить, да?

— Я никогда не стану сравнивать вас с ним, — сказала она пугающе свирепым голосом.

Он выпрямился. Когда же он научится держать рот на замке? Теперь он испортил их шуточный разговор, вспомнив о другом человеке.

— Прошу прощения. Я знаю, как глубоко вы любили...

— Я не любила.

— Что?

Она не любила Джереми? Неужели она говорит серьезно? Конечно, нет.

Элетя повернулась, явно смущенная. Он подумал, что она не решается произнести чтимое ею имя Джереми вслух, боясь какого-то эмоционального срыва. Хотя он и был недоволен тем, что ее горе так глубоко и она ищет утешения, соблазняя картежника, — такое у него сложилось мнение, — он все же не был сильно обескуражен и не собирался отказываться от того, что судьба давала ему в руки.

Он привлек ее к себе и поцеловал в затылок. Она задрожала, но не отстранилась. Кровь в нем закипела от предвкушения будущих наслаждений.

«Что бы я ни сделал, пожалуйста, не дай мне упустить этот шанс». Потому что как бы отчаянно он ни хотел ее, она по-прежнему оставалась его милой девочкой со смелым

сердцем — девочкой из тех, самых мучительных дней его прошлого. Он предпочтет умереть, прежде чем навлечет на нее позор.

Он медленно привлек ее ближе к себе, стиснул руки у нее под грудью, заглушив в себе стон наслаждения. Все его чувства обострились. Это было восхитительно. Ему нравилось, как она прижалась к нему, словно между ними было что-то большее, чем просто желание.

— Предупреждаю вас, — шепнул он ей в шею, — не приглашайте меня в вашу постель ради шутки.

— Вы хотите меня, Гейбриел? — прошептала она, медленно поворачиваясь в кольцо его рук, пока не оказалась к нему лицом, на котором блуждала какая-то неопределенная улыбка.

— Вы — самое глубокое мое желание.

Она вздохнула:

— Как красиво!

Он поцеловал уголки ее рта и обнял крепче.

— На вас производят впечатление красивые слова?

— Нет.

— Так я и думал.

Она на миг опустила глаза.

— А вы хотите произвести на меня впечатление?

— Я хочу этого сильнее, чем того, чтобы взошло солнце.

Элетея рассмеялась и снова подняла глаза.

— Глупые красивые слова. Но... его уже нет.

Он не знал, что сказать на это. Она явно погрузилась в размышления, заговорив о человеке, за которого должна была выйти замуж. Но ведь она сказала, что не любила его. Он отбросил локоны, падающие ей на лицо.

— Можно мне остаться?

Элетея внимательно всматривалась в его жесткое, мрачное лицо.

— В последний месяц вы показали себя славным мальчиком.

Гейбриел улыбнулся через силу:

— Мы с вами знаем почему.

— Я никак не думала, что вам понравятся наши простые удовольствия.

— Разве человек не может измениться?

— Наверное, может — кое в чем.

Она-то его хорошо знала. Но знает ли он ее? Не знает, но хочет узнать. Он взял ее за руку:

— Проводите меня в комнату.

— Только не в спальню. Горничная спит в соседней комнате. Наверху есть моя личная гостиная, где я читаю.

Он не собирался спорить. Ее рука казалась нежной и крепкой, и он не понимал, зачем она ведет его в комнату, знал только то, что не хочет увлечь ее ни в одно из известных ему темных мест.

Он пошел за ней наверх по боковой лестнице. Элетея сказала, что ей одиноко. Не ищет ли он слабых мест в ее обороне? Прошло больше года со дня смерти Джереми, а она до сих пор не может заставить себя произнести его имя. В прошлом Гейбриелу никогда не приходилось планировать свои романы. Всегда и всюду у него находилось для этого прекрасное время и прекрасное место.

А ныне он гибнет, не находя выхода.

Маленькая освещенная огнем камина гостиная была, судя по всему, ее личным убежищем. Книга, письма, корзинка с вязаньем. Место покоя и размышлений.

— Наверное, вам не следовало приглашать меня сюда, Элетея. Я знаю, что не могу заменить то, на что вы когда-то надеялись.

Она закрыла дверь, глаза ее сверкали от гнева.

— Откуда вам это известно?

Гейбриел покачал головой. Да простит его Бог, но он не хотел воспользоваться женщиной, настолько погруженной в горе, что ради мгновенного утешения она способна предложить себя какому-то распутнику. Но если он может заставить ее забыть о своей боли — и пусть утром она станет его презирать, — он не устоит.

— Я никогда не был святым, — сказал он. — Я возьму вас хотя бы ради того, чтобы облегчить вашу печаль.

Он ждал, что она станет возражать. А когда она промолчала, подвел ее к ложу — в темноте оно казалось чем-то вроде мягкой софы, на которой лежала шаль, подзорная труба и стопка бумаги. Он смахнул все это на пол, и она рассмеялась.

— Элетея, — сказал он и сам начал смеяться, — я сотню раз представлял себе это мгновение в своем воображении...

— Но в более прибранной комнате.

— Это не имеет значения. — Сейчас ничто не имело значения, кроме нее. Он привлек ее к себе и прошептал: — Можно, я вас раздену?

Она снова рассмеялась, на этот раз смех ее прозвучал неуверенно.

— Зачем? Вы же ничего не увидите здесь.

— Я мог бы прикасаться к вам. И я хочу вас ласкать.

Как легко его руки «сняли ее с якоря» и каким правильным казалось ей то, что он освободил ее от стесняющего корсета и рубашки. Он ласкал ее, дал ей время расслабиться, предвкушая дальнейшее. Он стал на колени, чтобы снять с нее чулки, и тут почувствовал, как она встревоженно напряглась.

— Гейбриел.

— Только не передумайте, — пробормотал он, резко поднимая на нее глаза. — Не заставляйте меня остановиться, иначе я умру.

В ее смехе ощущалась дрожь.

— Вы, кажется, полны решимости.

— Так оно и есть.

Он посмотрел на нее, увлеченный красотой ее обнаженного тела. Выступающие темные соски груди, округлый живот, пышные бедра. Она застенчиво улыбнулась, и у него перехватило дыхание.

Гейбриел улыбнулся в ответ:

— Я бы подумал, что это сон, если бы требования моего тела не говорили о другом.

— Я перестала верить в сны. — Она легко провела пальцами по его коротким черным волосам. — И не верила до тех пор, пока вы не вернулись.

Этим вечером он получил от нее столько намеков. Она открывала ему себя так тонко, что это должен был бы понять проницательный человек. А он не понял. Единственным оправданием ему могло служить лишь то, что желание лишало его возможности прислушиваться к чему бы то ни было, кроме его основных инстинктов. Завтра будет день, и

можно будет поразмышлять над нюансами. Он мог только следовать за ней и справляться со своим желанием.

Он поцеловал ее лодыжку и мягкую впадинку под коленом. Потом встал, снял фрак и шейную косынку, расстегнул рубашку и панталоны.

— Вы никогда мне этого не простите, — грустно сказал Гейбриел, снимая сапоги.

Когда он повернулся к ней, обнажив свое сердце и тело, она молчала. Но кажется, ее не оттолкнули его шрамы и откровенное возбуждение. Ему оставалось только надеяться, что она считает его хотя бы вполнину таким же желанным, какой он считает ее.

— Откуда вы знаете, что я не прошу? — сказала она наконец. — Разве вы вообще меня знаете?

Он сел рядом с ней.

— Я хочу узнать. — Он погладил ее по лицу и обвил рукой ее шею.

— Я не та, какой была, — прошептала Элетя.

— Вы гораздо лучше, — прошептал Гейбриел и наклонился, чтобы поцеловать ее.

Будь на ее месте другая женщина, он приписал бы ее замечания ложной скромности и желанию подразнить. Но он хотел ее слишком сильно, чтобы раздумывать над тем, что она скажет. Будучи надменным дураком, он полагал, что обладает монополией на сердечную боль. Он воспринимал только то, что говорит ему внешность, да еще то, что мир наносил ему один удар за другим, а Элетя оставалась незапятнанной, совершенной молодой леди, безгрешной и милосердной. Каковой ей и полагается быть.

— Единственное, что я знаю, — сказал он, — это то, что я не покину вас, пока вы моя, и не погублю.

— А разве не это полагается делать повесам? — спросила она, на этот раз действительно подразнивая его.

— Не всегда. — Он провел пальцем по ее шее, грудям, животу, ниже, пока она не задрожала. Но она не отодвинулась. Он чувствовал под своей рукой биение ее сердца. — Некоторые из нас просто губят сами себя.

— А вы думаете, что те, кому вы дороги, не страдают от этого? — спросила она и задохнулась, потому что его палец проник в ее ножны.

Ее тело напряглось, но не от сопротивления, а от отчаянного желания. А потом раскрылось, медленно тая.

Его голос стал грубым.

— Значит ли это, что я вам дорог?

Она двигала бедрами, жаждая большего.

— Разве это не понятно?

— Вы избрали меня?

Она заглушила стон. Что бы он ни делал с ней, этого осторожного проникновения было достаточно, но ей хотелось большего. Но откуда он это знает, коль она сама этого не понимает?

Его рука замерла. Она попыталась сжать бедра, перевести дух.

— Очень жаль, — сказал он; голос у него был низкий, неотразимый. — Я должен был уехать тогда, но... если бы я не уехал, разве от этого что-нибудь изменилось бы?

— Да. Наверное... да.

— То есть?

— Тогда... тогда меня не обручили бы с... ним.

Что она пытается ему сказать? Что ее утрата так глубока, что она предпочла бы вообще никогда не любить Джереми?

— Был ли рядом с Хазлеттом другой мужчина? — спросил он медленно, затаив дыхание, с почти не бьющимся сердцем.

Она обвила рукой его шею. Тронула выпуклый шрам.

— Вы вернулись сюда сегодня, чтобы выяснить историю Хелбурна или чтобы ласкать меня? — весело спросила она.

Он прижал ее к софе.

— Я был бы дураком, если бы отказался от такого предложения, потому что в вашем присутствии я почти ничего не соображаю.

— Его уже нет, Гейбриел, — сказала она призрачным шепотом. И тихо добавила: — Мне бы хотелось, чтобы его никогда не существовало.

— Вы уверены, что этого хотите?

— Нет. Но все равно — сделайте это. Чего я хочу — так это забыть.

Она видела на его лице удивление и надеялась, что он не попросит объяснений. Она сказала правду. С Гейбриелом она забывала те периоды своей жизни, которые казались ей отвратительными. И что бы ни произошло между ними сейчас — это ее выбор. Да. Сегодня ночью она сделает выбор.

Она спрятала лицо в изгиб его крепкого плеча. От него слегка пахло мускусом и одеколоном. Как чудесно! Кожа у него была горячая, под щитом силы переплелись мускулы и сухожилия. Как соблазнительно дать ему волю над собой! Оттаять. И — зима кончится.

— Когда мы соединимся, — сказал он, целуя ее в голову, — будут определенные последствия, с которыми нам придется столкнуться.

— Вы говорите о зачатии?

Когда это она стала так откровенна в житейских делах? В зеркале времени, она осталась невинной, нетронутой. Или это он не усвоил какие-то более глубокие уроки жизни? Искренен ли он с ней? А она?

— Да, — сказал он, сглотнув, — Эту возможность мы должны учесть.

— У вас есть дети, Гейбриел?

— Нет. Я...

Что он мог сказать? Что был человеком, который уклонялся от обязательств судьбы, вероятно вполне заслуженной? Он не всегда был осторожен. Но теперь все то, что он прежде презирал, вдруг оказалось важным.

— Вы всегда хотели меня? — прошептала она. — Я знаю, что когда-то вам нравилось на меня смотреть. Я никогда не понимала, что это значит. О чем вы думали?

— Я не уверен, что вообще думал в те дни. Возможно, я хотел того, чего не мог иметь. — Он прижался лицом к ее грудям, вдыхая ее запах. — Я никогда не проигрывал, если решал не проигрывать.

— Я не выигрыш для победителя, Гейбриел, — сказала она с легким возмущением.

— Конечно, но если бы вы им были, что я должен был бы сделать, чтобы получить вас? — Он поднял голову, улыбка его была чарующей. — Всю жизнь я ради выживания полагался на хитрости и силу. Другого образа жизни я не знаю.

— А хотели бы узнать?

— А вы хотите мне помочь?

Она рассмеялась:

— Я всегда думала, что вы вполне способны со всем справиться сами.

— Потому что я сбивал с ног всякого, кто становился на моем пути?

— Вы забыли о вашем отчине. Это было с вашей стороны смело.

Он сглотнул. Ему было стыдно, что она знает об этом.

— На меня в нашей деревне никогда не смотрели как на белого рыцаря.

Ее глаза блеснули озорством.

— Некоторых леди привлекает темнота.

— Я никогда не считал вас такой.

— Вы не хотите меня, Гейбриел? — спросила она прерывающимся голосом.

— Хочу. Но не на одну ночь.

— Разве это не запрещено кодексом правил?

— А вы не могли бы думать обо мне в каких-нибудь иных терминах? — с раздражением сказал он.

— Я бы хотела просить вас об этом же.

— Вы всегда были в моих глазах совершенством.

— Но я вовсе не совершенство. И если это единственная причина, по которой вы меня хотите, значит, вы обманулись.

— Вы скоро будете думать иначе.

— О, Гейбриел, вы не понимаете!

Он закрыл глаза.

— Я не хочу причинить вам боль.

— Тогда не покидайте меня.

Как мог он покинуть ее? Его тело впитывало ее жар, ее зов. Его дыхание трепетало на ее губах. Он приподнялся над ней. Он уже тысячи раз брал ее в своем воображении. Представлял ее под собой, когда другие женщины разделяли с ним ложе.

Он сказал себе, что потом будет время обсудить то, что обременяет ее душу. Ему не хотелось предоставлять ей ни мгновения на раздумье и отступление. Все его инстинкты требовали утвердить их связь.

«Не дай ей передумать. Не дай ей понять, насколько я ей не подхожу. Конечно, я не заслуживаю женщины такой чистой и совершенной, но, клянусь, я никогда больше ничего не попрошу в моей жизни, если мне дадут возможность любить ее».

— Вы смотрите на меня так же, как смотрели тогда, — прошептала она, широко раскрыв глаза. — О чем вы думаете теперь?

— О том, что я никогда не видел более красивой женщины. — Он поцеловал ее, его рука запуталась в ее волосах.

Элетя застонала. От этого раскованного выражения поощрения глубокие волны наслаждения пробежали от его плеч к ногам. Элетя, нагая, раскрывалась ему навстречу, готовая подарить ему блаженство. Соблазнительная чувственность ее тела гипнотизировала его.

Он заключил ее в объятия, выгнул спину, не отводя взгляда от ее глаз. Вопреки тому, что о нем говорили, у него не было опыта обращения с девственницами. Но он понимал, что первый раз может оказаться не таким приятным для нее, как для него.

Когда она была готова, он проник в нее настолько глубоко, насколько осмелился.

Она несколько раз резко вздохнула. Для него не было ничего более страшного, чем необходимость остановиться; не мог он вообразить и более желанной участи, чем

проникнуть в нее.

Он целовал ее веки, лицо.

— Мне кажется, я всегда был вашим.

— Гейбриел... — Она выдохнула его имя, ее пальцы сжали его плечи. — Вы хотите меня?

— Прошу вас, — хрипло сказал он.

— Мы горим от страсти или от любви? — прошептала она.

— А разве не может быть, что и от того и от другого? Разве нет?

— Да, хотя я не понимаю...

Он не дал ей договорить, додумать свой ответ. В этот миг его не очень волновало, о чем она думает.

— Расскажите потом, — пробормотал он. — Возьмите меня в себя целиком...

Она застонала, и это разбило цепи его самоконтроля. Он вошел в нее целиком. Потрясающее наслаждение пронзило его сердце. Самые сладкие из его фантазий осуществились. Он забыл обо всем.

Она выгнулась под ним. Хотя его тело напряглось в ответ, он сжал зубы и замедлил скорость. Это ее первый раз. Будут еще ночи совместных чувственных исследований. Он узнает, что ей нравится, и посвятит ее в тайну своих желаний. Конечно, он найдет место получше этой старой софы, такое же крепкое, каким, к счастью, оказалась она.

Он слышал прерывистый шепот словно издалека, очень издалека.

— Я ждала, когда ты вернешься.

— Я здесь.

— Сделай так, чтобы я забыла, Гейбриел.

Когда Джереми Хазлетт изнасиловал ее, Элетея не осознала, что он разрушил невинность ее сердца, а не способность любить. Плотская жажда, которую пробудил в ней Гейбриел и которую он продолжал утолять, одновременно привела ее в смятение и в волнение. Она была убеждена, что никто другой не смог бы пробудить в ней страсть.

В то время как такой же акт, или, точнее, его дикая пародия, вызвал у нее только отвращение, теперь она почувствовала, как к ней вернулись ее естественные желания с такой силой, что она не могла не подчиниться им. Он был ее первым возлюбленным, ее единственной любовью. А для человека, без сомнения, весьма опытного в грехе, в нем всегда присутствовала доблесть, уравнивающая его темную сторону. Она наслаждалась каждым ощущением, приятным и неловким, которое он вызывал в ней, пока под конец не отдалась ему полностью.

Он помог ей миновать стыд, заставил ее не только подчиниться, но и признать свой голод. Мужественный, он заставил чувствовать ее не только живой и сильной, но и боящейся показать то, чего она жаждет. Он требовал. Она подчинялась, едва осознав момент, когда его крупное тело перестало двигаться. Она знала только — и в ее собственном неожиданном взрыве наслаждения, в ее освобождении, — что дрожь его плеч, жар глубоко у нее внутри от его семени означали, что он достиг пика. А в тот момент, когда она испугалась, что всему этому есть только одна причина — похоть, он, не теряя времени, заверил ее в обратном.

— Вы самая желанная и единственная женщина, которая когда-либо действительно вызывала у меня желание, — сказал он, подняв голову.

— Вот как? — прошептала она, поглаживая пальцем глубокую складку на его щеке.

— Я помню, когда вы впервые коснулись моего лица.

— Теперь вы стали куда более привлекательным.

Гейбриел потянул темный локон, который упал ей на грудь.

— И вы тоже.

— Я думаю...

— Мои лондонские кузены захотят познакомиться с вами.

— Ваши кузены?

— Моя родня.

Она сделала нерешительную попытку сесть, мысли об их наготы, которая все-таки смущала ее, вдруг обратились на другое — на тот скрытый смысл, который могло иметь предложение встретиться с его пользующимися дурной репутацией родственниками-мужчинами, и не в качестве его соседки, не в качестве начавшей выезжать в свет барышни, но в качестве его любовницы.

— Они обвинят нас в том, что мы поддались порыву.

Гейбриел поднял брови. Он был горячий, полный уверенности, готовый сразиться с целым светом, чтобы произвести на нее впечатление.

— Семь лет нельзя назвать порывом.

Элетея проницательно посмотрела на него:

— Нельзя сказать, что все это время мы ухаживали друг за другом.

Он усмехнулся:

— Нет, именно ухаживали.

Его игривость была заразительна, и все же тайна, стоявшая между ними, омрачала ее сердце. Если бы он знал, если бы предполагал... Изменились бы его чувства к ней? Ей казалось невыносимым разрушить эту близость, но близость не выживет без доверия, а доверие основывается на правдивости.

Придется признаться. Но как, когда? Станет ли он смотреть на нее иначе или по-прежнему желать ее, как теперь? Она посмотрела на его мрачное сардоническое лицо.

— Семь лет, — снова сказал он.

— Мы не общались! — воскликнула она.

— Нет, Элетея. Мы общались.

Она была уверена в своей правоте, потому что помнила все. Она видела его всего лишь один раз с тех юных лет — в Лондоне, флиртующего в парке, — хотя он ее и не заметил. Может быть, она и помахала бы ему рукой, но батальон его дам-обожательниц совершенно обескуражил ее. Однако она часто изучала газеты, ища сообщений, касающихся его, пока с горечью не поняла, что он выполнил предсказание ее родителей о его порочности.

— Не помню, чтобы вы писали мне или сделали какую-то попытку меня увидеть, — сказала она, нахмурившись.

— Я спрашивал о вас у Джереми всякий раз, когда видел его.

Она отвела глаза.

— Он никогда не говорил мне об этом.

Гейбриел поцеловал ее голое плечо.

— Возможно, он хотел оградить вас от деревенской отравы. И если я вас не видел, вы так часто присутствовали в моих мыслях, как будто мы по-прежнему знаем друг друга. — Он замолчал и спросил вкрадчиво: — А вы когда-нибудь думали обо мне?

— Конечно, думала, — сказала она без колебаний.

— Я тоже мечтал о вас.

Она повернула голову и задумчиво улыбнулась.

— Напрасно за все эти годы вы не сказали мне об этом.

Он протянул руку к их разбросанной одежде.

— Вы были обручены с другим. Вы вините меня за это?

— Нет.

Винила она другого и только жалела, что Гейбриел заработал слишком дурную репутацию, чтобы заявить о своих чувствах к ней. Но откуда ему было знать? Даже теперь он знал только то, во что она позволила верить всем остальным. Что она любила своего нареченного, что Джереми не только умер как герой, но жил как герой. Никто не хотел думать, что изысканный джентльмен, человек с безукоризненными манерами и незапятнанной родословной мог обесчестить девушку, которую, по его словам, он обожал.

Но в эту ночь ей был нужен Гейбриел, чтобы поддержать ее, чтобы изгнать воспоминания о ее позоре. Выбрав его, она словно бросила вызов призрак человека, который обещал защищать ее.

Если бы только она осмелилась быть честной с ним.

Они медленно оделись, останавливаясь, чтобы помочь друг другу и поцеловаться. Элетее следовало бы плакать и думать о раскаянии. Но единственное, что она могла сделать, — это не просить его остаться. Вверит ли он ей свое сердце? Не было никаких гарантий, что он не говорил все это в порыве страсти, никакой уверенности в том, что завтра он не будет сожалеть о своих словах. Но теперь у нее была по крайней мере надежда, и она

была порочно счастлива.

Она доверила Гейбриелу свое тело. И она будет честной. Конечно, от своих дам полусвета он слышал и более неприятные истории.

Его хриплый голос отвлек ее. Он встал, подняв ее. Сердце у нее замерло от его дерзкой усмешки.

— Я забыл одну вещь. — Он вынул из кармана фрака конверт из дорогой веленовой бумаги: — Я собирался отдать это сегодня, лично вам. Это приглашение.

— Мне? — удивленно спросила она. — Это от кого же? — Последний год она отклоняла все светские приглашения, так что в конце концов ее вообще перестали приглашать куда-либо. — Вы хотите отдать это мне?

— Только если вы обещаете, что пойдете со мной.

— Пойду с вами, искунитель? — Она протянула руку к запечатанному посланию и оказалась прижатой к его крепкой груди.

Его темные глаза дразнили ее, жарко манили.

— Это всего лишь приглашение на ежегодный бал, который мой кузен Грейсон дает в честь своего дня рождения. И если я не позволю вам поехать прямо сейчас, я буду здесь к дате этого бала.

Она улыбнулась, глядя в его затененное лицо. Элетя все еще чувствовала его в себе, ощущала его наслаждение от обладания ею.

— В Лондоне, — сказал он, отдавая ей приглашение, — на балу я буду вами хвастать.

— Думаю, вы не будете возражать, если я возьму с собой либо мою кузину, либо брата, чтобы они сопровождали меня.

Он наклонился и поцеловал ее.

— Даже если вы возьмете с собой всю деревню, мы с вами будем вместе.

На долю мгновения в голове у Гейбриела мелькнула мысль о том, что во время их ласк он не лишил ее девственности. Нет, он не часто соблазнял девственниц и не кричал «аллилуйя», когда его любовница теряла девственность. Сексуальные наслаждения окутаны мифом и тайной. Он понимал инстинктивно, что доставляет женщине наслаждение, и не занимался изучением этой темы.

Считалось, что молодые леди могут повредить некие деликатные ткани во время быстрой езды верхом. Все знали, что Элетя — страстная наездница. И насколько он заметил, он причинил ей неприятные ощущения, но она не стала об этом говорить. Ему хотелось думать, что она была полностью захвачена страстью и всякая боль, причиненная им, сразу же забывалась.

С другой стороны, он никогда не забудет этого и никогда уже не сможет быть таким, каким был. И ему не терпелось услышать, что скажут его лондонские кузены, когда он сообщит им, что полюбил Элетю Кларидж и что она — да, он знает, что без любви она не отдалась бы никому, — тоже любит его.

Элетея оставалась в постели дольше обычного, прислушиваясь вполуха к суете слуг внизу. Ей ведь не приснилось то, что было, не так ли? Жаркое падение, его страсть. Она перевернулась на живот, обняв подушку. Медленно к ней приходило осознание глубокого пробуждения ее плоти, нежности, которая позволила Гейбриелу показать все его умение.

Она ощущала себя в полном смысле слова женщиной, отдавшейся женщиной.

Взятой. Соблазненной, Падшей в прямом смысле слова. Все эти неприятные слова люди произносят всегда приглушенными голосами, если вообще произносят. Гейбриел осуществил все это в самом порочном смысле.

— Леди Элетея! — окликнул ее из-за двери знакомый женский голос. — Вы нездоровы?

Она вздохнула, снова упав в постель. Она понимала, что нужно что-то делать. Как всегда.

— Нет, Джоан. Что-нибудь нужно?

— Я подумала, что вы не успеете толком позавтракать, если вам к десяти часам нужно успеть на собрание.

— На собрание?

— Наверное, я что-то напутала. Я думала...

Элетея пулей вылетела из постели. Как же могла она забыть? Она ведь патронесса ежегодного бала, который устраивают в Хелбурне, персоне, которой надлежит заботиться об ужинах и принимать важнейшие решения, например, следует ли дамскому комитету купить новое фортепьяно или настелить гладкие полы в танцевальном зале, чтобы туфельки гостей не запинались в разгар кадрили.

А сегодня она обещала осмотреть гостиную, где леди пьют чай перед танцами. Ее брат внес значительную сумму, которую она могла потратить по собственному желанию на занавеси или стулья. В прошлом году сиденье старинного дубового диванчика провалилось под матерью викария, и она оказалась на полу.

Элетея быстро закончила утренний туалет, а перчатки натягивала уже по дороге в дом собраний, куда ее повез Уилкинз. Там еще никого не было, кроме старого сторожа, жившего неподалеку. Надо попросить его сварить чаю, у нее еще есть время отдышаться.

Но стоило ей подойти к двери маленькой гостиной наверху, как она услышала дребезжанье чашек на подносе.

— Мистер Карсон, — сказала она, — как вы внимательны. Откуда вам известно, что сегодня утром я буду так спешить, что не успею выпить чаю? Я проспала.

— Не нужно извиняться, — протяжно проговорил в дверях глубокий голос. — Я сам провел очень бурную ночь. Полагаю, ночь, проведенная вами, не потребовала от вас чрезмерных усилий.

— Гейбриел! — Она круто повернулась и рассмеялась, увидев, как он идет к ней с подносом, на котором располагались чайник и сдобные лепешки. — Я понятия не имела, что у вас есть хозяйственные таланты. Какой приятный сюрприз!

Он нахмурился.

— Не могли бы вы выглядеть не такой красивой, пока у меня не освободятся руки? Боюсь, я уроню поднос, и вы усомнитесь в моих хозяйственных талантах. — И в доказательство этого он поставил свою ношу на столик между ними, при этом чашки

предостерегающе задрезжали на блюдечках. — Вот. — Он усмехнулся. — Теперь руки у меня свободны. А вы по-прежнему красивы.

Элетя покачала головой — нельзя выразить, как она была рада видеть его.

— Откуда вы узнали, что я здесь?

— Я приехал к вам, судя по всему, сразу же после вашего отъезда и поинтересовался у домоправительницы, где вы. Она дала мне необходимые сведения и еще один мешок муки.

— Я не заметила, чтобы кто-то ехал за мной.

— Я обогнал вас. И принес вам чаю. Я могу быть хорошим мальчиком, если постараюсь.

Но ночью он вовсе не был хорошим мальчиком. Как и она. Проницательная улыбка, мелькнувшая на его губах; напомнила ей о том, как чудесно им было вдвоем.

Она сглотнула, не сводя с него глаз. Ее бесшабашный любовник. Его короткие черные волосы растрепал ветер. Его темно-серый редингот и удобные штаны цвета буйволиной кожи так греховно облегали его сильные формы, что ей внезапно захотелось опуститься в кресло.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Так вы не хотите чаю?

— Пока нет, благодарю вас. — Она улыбнулась, — Удивительно, что мистер Карсон позволил вам отнести поднос. Он не многих жалует.

Гейбриел обошел вокруг стола.

— Когда-то он работал у моего отца. — На мгновение в его лице мелькнуло что-то детское. — А вас он жалует — что ничуть меня не удивляет.

— Он любит подавать мне чай. Не понимаю, почему он не пришел вместе с вами.

Гейбриел с бесхитростным видом пожал плечами.

— Я отослал его с маленьким поручением.

— Каким поручением? — скептически спросила она.

— Купить в деревне сыру.

— Сыру?

— Да, у меня кончилась ветчина.

Она от изумления всплеснула руками.

— Чего не скажешь о вашей дерзости.

Он медленно окинул ее взглядом, отчего нервы ее напряглись от жаркого предчувствия.

— Но почему вы здесь одна? — спросил он.

Она заставила себя отойти на несколько шагов к окну.

— Я должна осмотреть занавеси на предмет моли и плесени. — Хотя из-за присутствия в комнате Гейбриела она не была уверена, что сумеет отличить одно от другого.

— Какое волнующее занятие! — Он шагнул к ней. — Могу я вам помочь?

Элетя прищурилась. Она ничуть не верила в невинность его галантных намерений. Искорки в его глазах говорили об опасности. Хорошо воспитанная женщина насторожилась бы. А та, у которой наклонности скорее порочные, впала бы в соблазн.

Она явно принадлежала к тем, кто впадает в соблазн.

Гейбриел шел к ней, и в конце концов он прижал ее к подоконнику.

Она выжидающе затаила дыхание.

— Ну и о чем вы думаете?

Он посмотрел на нее с нескрываемым удовлетворением.

— Я думаю о том, что вы попались, — отступить вам больше некуда.

— Занавеси, Гейбриел. Занавеси.

Он прищурился, потом бросил равнодушный взгляд на выцветшие занавески, висевшие по обе стороны от них.

— Да. Изъедены молью. Покрыты плесенью. Разве мы это уже не выяснили?

Он нежно поцеловал ее в губы, все еще опираясь руками о простенки. Сердце у нее забилося.

— Я хотела сказать, что...

— ...что вы собираетесь выйти за меня замуж, — проговорил он, просунув язык в ее раскрытые губы. — Тогда мы сможем разговаривать о занавесях сколько вам угодно.

Жар близости вспыхнул между ними, и кровь у нее закипела. Как легко его короткий поцелуй вывел ее из равновесия.

— Выйти за вас замуж? — Она едва могла дышать. — Однако там, где есть занавеси, — с трудом продолжала она, — там есть и окно. Если вы этого не заметили, учтите, что нас видно из каждой проезжающей кареты.

— Я понимаю вашу озабоченность, — пробормотал он. — Сделайте мне одолжение, дорогая. Повернитесь.

— Что... — Она сама не поняла, почему она подчинилась, но она подчинилась. — И что теперь?

Его горячие губы скользнули по ее затылку.

— Не двигайтесь.

— Почему же?

— Прошу вас. Просто сделайте мне приятное одолжение. Вы наблюдаете какое-либо движение за окном?

— Нет. Только непосредственно позади себя.

Гейбриел рассмеялся.

Она смотрела на сильную руку, обхватившую ее стан. Каким мужественным казалось даже его запястье, даже загорелая кожа, которая так чувственно оттенялась белоснежными манжетами его рукава! Она вспомнила его руки на своем теле прошлой ночью. Ласковые, но беспощадные. Элетя вздрогнула и закрыла глаза, ожидая в восхитительном предвкушении, что...

— Ваш ответ, — сказал он. — Я жду с нетерпением.

Она повернулась, подняла глаза.

— Мой ответ — да.

Его твердый рот изогнулся в улыбке.

— Страсть, — сказал он, наклоняя голову, чтобы еще раз поцеловать ее. — И любовь.

Она вздохнула в предвкушении. Но едва их губы соприкоснулись, Гейбриел поднял голову и тихо выбранился.

— Окно.

Она снова вздохнула:

— Вы правы — это может подождать.

— На дороге стоит экипаж, — сказал он. — Я думал, вы наблюдаете.

Элетя оглянулась с досадой.

— Он принадлежит кузинам Шрусбери. Трем замужним женщинам, обожающим раздувать скандалы из ничего.

Гейбриел рассмеялся.

— Ну что ж, я здесь только для того, чтобы подать вам чай.

В тишине раздалось громкое цоканье трех пар каблучков на старой лестнице, ведущей в зал для собраний. Элетея в ужасе уставилась на дверь. Половина Хелбурна уже поняла, что она пригласила Гейбриела на ужин не только ради его умения играть в карты. А вторая половина очень скоро поймет.

— Нам придется обвенчаться в Лондоне, — торопливо сказал он, поняв ее. — Мои двоюродные братья будут настаивать на свадьбе с участием всей семьи. И на званом вечере, где мы объявим о нашей помолвке.

— Вы так серьезны.

— А вы нет?

Стук каблучков стал громче. Он задумчиво огляделся:

— Хотите, я спрячусь за занавесками?

— Как будто это не покажется еще более подозрительным. С таким же успехом вы могли бы вылить этот...

Дверь отворилась. В тишине явственно прошелестел женский шепот:

— В последнее время леди Элетея явно не очень-то оплакивает Джереми.

— А вы как бы поступили? — спросила самая молодая из кузин. — Боскасл порочно красив.

— И красиво порочен, насколько я понимаю, — со вздохом сказала старшая.

— Какой контраст с лордом Джереми! — сказала средняя, когда они вошли в комнату. — Он был такой любезный.

Потом все трое посмотрели на красиво-порочный предмет их обсуждений. Тот поклонился.

— Разрешите, я принесу еще чаю, чтобы смочить эти неугомонные языки? — проговорил он с улыбкой, от которой, как по собственному опыту знала Элетея, из голов сестер сразу вылетели все мысли.

— Мы сожалеем, Элетея, — сказала старшая из кузин. — Мы не знали, что сэр Гейбриел здесь...

— Он пришел мне помочь, — поспешно сказала Элетея. — Помогает снимать занавеси.

— И разливает чай, — добавил он.

Элетея и остальные женщины внимательно посмотрели на него. Ее не удивило, что сравнение с ее покойным женихом оказалось в его пользу. Но хотя их замечания втайне ей и понравились и хотя, ей не терпелось объявить, что он принадлежит ей, их шепотки все-таки омрачили ее настроение.

Джереми по-прежнему оставался угрозой ее счастью. Ее позор был глубже, чем она думала.

Всю долгую поездку в Лондон в карете Элетея притворялась спящей; она была слишком поглощена мыслями о Гейбриеле, о предстоящем вечере, чтобы поддерживать разговор. Ее кузина, леди Понтсби, и брат Робин переговаривались шепотом о том, какой у нее в последнее время тревожный вид и как полезно будет для нее снова появиться в высшем обществе, к которому она принадлежит по праву рождения. Они не подозревали, что она с Гейбриелом несколько дней встречались наедине и что ее тревога имеет причины, о которых она не сообщила. Ее брат все еще не преодолел предубеждений касательно Гейбриела, в то время как она была так беспомощно влюблена в этого человека, что не могла спать по ночам, потому что, глядя в окно, не сводила глаз с его дома.

— Ей одиноко, — сказала леди Понтсби озабоченно. — Она настолько отдалилась от общества, что непременно останется старой девой. И хотя сэр Гейбриел и оказался очаровательным гостем, нельзя не задаваться вопросом, как долго он здесь пробудет.

— Ей нужно время, чтобы изжить горе, — тихо заметил Робин. — С тех пор как его не стало, она сама не своя.

— Вздор. Ей нужен муж. Должна вам сказать, что я никогда не считала Хазлетта особенным.

— А мне казалось, вы его обожаете, — удивленно возразил Робин.

— Я просто притворялась ради Элетей, — призналась леди Понтсби. — Откровенно говоря, я считала его ограниченным молодым человеком, вечно помыкающим своими родными.

Элетея с трудом подавила вздох. Она не знала, удастся ли ей притворяться спящей всю дорогу и не выдать себя при встрече с Гейбриелом на вечере у его двоюродного брата. Скоро всем все будет известно.

— Господь небесный! — воскликнула леди Понтсби с таким неподдельным ужасом, что Элетее больше уже нельзя было притворяться. — Разбойники! Защитите нас, Робин!

Элетея открыла глаза. Действительно, она отчетливо слышала топот конских копыт. Но широкоплечий всадник в темном плаще, скакавший теперь рядом с ними, к ее восторгу, оказался Гейбриелом.

— Друзья мои, — сказал он, поднеся ко лбу руку в кожаной перчатке, — позвольте мне сопровождать вас. Сейчас, — его глаза блеснули, хотя он старался не смотреть прямо на Элетею, — опасные времена для путешественников.

— Они опасны для каждого, — пробормотала Элетея, снова откидываясь на подушки.

Ее брат некоторое время внимательно смотрел на нее.

— Воистину. Полагаю, что нас окружают опасности, о которых я и не подозревал.

Прием в честь дня рождения distinguished Грейсона Боскасла, пятого маркиза Седжкрофта, был мероприятием, от которого не могли отказаться сливки сливок высшего общества. Некоторая часть бомонда уже вернулась с моря или из деревни на малый сезон.

Трудно было вообразить более интересный способ снова погрузиться в лондонскую жизнь, чем получить приглашение в великолепный особняк Грейсона из красного кирпича, некогда бывший — хотя об этом и не говорилось — домом висельников. Теперь же его близость к Гайд-парку придавала ему несомненную элегантность.

Погонщики скота, направляющиеся на рынок, и любопытные горожане глазели на происходящее через главные ворота с гербом маркиза, охраняемые несколькими лакеями в пудренных париках и ливреях. А главный лакей маркиза, многоопытный Уид, надзирал за всем происходящим внутри, в его обязанности входило попечение обо всех мелочах, начиная со снабжения шампанским певцов из итальянской оперы и кончая сыном и наследником Грейсона лордом Роуаном, игравшим в прятки среди мраморных колонн в коридоре.

Ко времени приезда Элетеи большая часть гостей уже перешла из многочисленных гостиных в боковой павильон, а оттуда разбрелась по парку под приятной сенью высоких платанов и среди классических статуй из выщербленного мрамора.

Гейбриела видно не было.

— Ну, кто же может найти своего любимого друга в такой модной толпе? — не подумав, пробормотала она, обращаясь к кузине.

Леди Понтсби улыбнулась в знак согласия, но она была настолько ослеплена парадом аристократов, шествующих мимо, что не обратила особого внимания на слова Элетеи.

— Если мажордом не объявит о его появлении, его нельзя будет найти.

— Уже, судя по всему, объявили о прибытии половины Лондона, — сказала Элетея. — Но все же было бы приятно увидеть...

— Как приятно видеть вас здесь! — послышался у них за спиной глубокий насмешливый голос. — Надеюсь, ваша поездка была настолько приятной, насколько это позволяют наши сельские дороги.

Элетея сдержала счастливую улыбку и медленно повернулась к своему темному рыцарю:

— Как будто вы не следовали за нами через все заставы, сэр Гейбриел.

— И это было очень галантно с вашей стороны, — сказала леди Понтсби. — В такие опасные времена у леди не может быть слишком много сопровождающих.

Гейбриел добродушно улыбнулся. Но прежде чем та успела продолжить, он устремил взгляд на ее кузину. Все это время он расхаживал взад-вперед, ожидая, когда же Уид объявит о ее прибытии. И теперь он пожирал ее глазами. Свои темные вьющиеся волосы она зачесала назад и завязала свободным узлом, который ему страшно хотелось распустить и рассыпать волосы по ее прекрасному телу. Ему не верилось, что он покорила эту женщину.

Гейбриелу хотелось сообщить об этом всему свету, или по крайней мере своей родне, и в то же время держать это в тайне. Нельзя ли увести ее в какое-нибудь укромное место и снова испытать с ней жаркую близость? Не может быть, чтобы дом его брата не насмотрелся на своем веку на всевозможные любовные свидания, в том числе и скандальные.

Он смотрел на Элетею до тех пор, пока она укоризненно не подняла брови. К счастью, леди Понтсби, кажется, не поняла, что ему хочется одного — остаться наедине с ее двоюродной сестрой. К концу вечера или как только он сможет собрать всех Боскаслов в одной комнате, у него будет возможность объявить, что она принадлежит ему. До той поры ему предстоит томиться и держаться так, словно его интересуют все присутствующие, кроме той единственной женщины, которая может одним небрежным взглядом разгадать его душу и покарать его или возвысить. Не существует другого человека, ради которого он без малейших сожалений отказался бы от своей прежней жизни.

Он насытился грехом. Теперь ему нужна только она, и если они будут каждый вечер в деревне играть в вист, а потом он будет укладывать ее в постель, иного счастья ему не нужно.

— Вы ведь не возражаете, не так ли? — спросила леди Понтсби, повысив голос.

Гейбриел покачал головой:

— Не возражаю против чего?

Она внимательно посмотрела на него и задумчиво улыбнулась.

— Если я оставлю вас вдвоем на пару минут, чтобы поболтать с лордом и леди Фарнсуорт. Я сто лет с ними не виделась. Робин вон там, с отцом Эмили. Не мешайте им, хорошо? Я надеюсь, что сегодня именно тот день, которого мы ждали.

Он пожал плечами, пытаясь не выдать, как он рад такому предложению:

— Надеюсь, пару минут мы продержимся.

— Прекрасно. Желаю хорошо провести время.

Гейбриел предложил Элетее руку:

— Не хотите ли пройтись со мной?

— Могу ли я вам доверять? — спросила она, как будто не было очевидно, что не существует человека, которому она могла бы доверять больше.

— Конечно, нет. Но ваша кузина велела вам хорошо провести время. И кстати, я по вам соскучился.

Озорной блеск в его глазах манил ее.

— Куда мы идем?

Он снова пожал своими широкими и крепкими плечами:

— Туда-сюда.

— А почему именно?

— О, потому и посему.

Она рассмеялась:

— В таком случае, мне кажется, нельзя, чтобы нас видели гуляющими под руку.

Его дьявольская усмешка родила в ее сердце восхитительный круговорот чувств.

— Как хотите. Я вынужден напомнить вам, что сегодня это перестанет иметь значение.

Наша родня узнает, что мы обручились.

— Но это еще не означает, что мы можем предаться...

— Тому и сему? — Он повел ее по бесконечному коридору с высокими колоннами, явно не обращая внимания на зовущие взгляды дам, которые узнавали его и ждали, что он их узнает.

— Кажется, у вас целая толпа поклонниц, — сухо сказала она, украдкой глянув на его твердый точеный профиль.

— Разве?

— Да. Вы не заметили?

Он оглянулся:

— Где?

— Они были... — Она замолчала, удивленно оглядевшись.

Пока она размышляла о том ажиотаже, который был вызван его появлением, он увел ее в другой коридор и ввел в гостиную, обогреваемую углями, тлеющими в камине. В одном углу стояло обитое ярко-синим шелком кресло. На столике розового дерева стояла корзинка с заморскими фруктами и бутылка искристого вина.

— Мы не можем войти сюда. Эта комната явно предназначена для...

— Для членов семьи. — Он провел ее в комнату и запер за собой дверь. — Вы будете скоро членом семьи, пользующейся самой дурной славой в Лондоне.

— Как вы можете быть уверены, что они с легкостью отнесутся к нашей помолвке?

Он провел ее в центр комнаты. От улыбки, изогнувшей его точеные губы, сердце у нее забилось.

— Если они приняли меня в свой круг, они, конечно же, радостно встретят и вас как мою жену.

Она направилась к камину. Он осторожно стал слева, в его синих глазах играла радость.

— Почему мне кажется, что мы с вами играем в «Свои соседи»? — спросила она

хмурясь.

Он покачал головой и сделал еще один неторопливый шаг к ней.

— А вы предпочитаете какую-то другую игру?

Она твердо кивнула. Неужели кресло двинулось к ней? Она заметила в другом конце комнаты карточный столик. Карты. Это должно его отвлечь.

— Вист — это прекрасно. Давайте сыграем...

— А как насчет джокера? — спросил он, расстегивая свой фрак темно-серого цвета.

— У вас красивый жилет, Гейбриел, — сказала она, когда он осторожно взял ее за руку, — он... вы сказали — джокер? Это такая карточная игра?

— Разве вы еще не играли в нее? — Внезапно они оказались у самого края кресла. Он прижался к ней губами, и колени у нее подогнулись. — Господи, — пробормотал он. — Не кружится ли у вас голова? Не помочь ли вам ослабить шнуровку?

— Да. Нет. Нет... не нужно... не...

Он наклонился над ней и целовал до тех пор, пока она не забыла, что хотела сказать. Его мускулистый торс и бедра мешали ее попыткам отодвинуть его. Когда она пришла в себя, обрела способность дышать и смотреть на него, она обнаружила, как прерывисто бьется ее собственное сердце и какой темной страстью пылает его лицо.

— Я не знаю, когда у нас будет снова возможность побыть наедине. Как только Боскаслы поймут, что вы будете членом их семьи, они будут приглашать вас всюду.

— Я даже еще не знакома с большей частью членов вашей семьи, — прошептала она.

Его взгляд переместился с ее рта на мелкие бантики, которыми была завязана шнуровка на ее лифе и на пышных рукавах из розового шелка.

— А разве мы не собираемся стать семьей?

Она откинулась назад, голос у нее прерывался.

— Такими темпами мы очень скоро создадим свою собственную семью.

Он сбросил свой приталенный фрак движением плеч. Чтобы отвлечься, она взяла его и аккуратно положила на покатый подлокотник красного дерева. Приятный слабый запах одеколona, исходивший от фрака, дразнил ее чувства, и она медленно подняла глаза. Гейбриел выглядел великолепно в своей плиссированной батистовой сорочке, жилете цвета слоновой кости и облегающих панталонах, подчеркивающих его мужественность. Неудивительно, что все эти дамы глазели на него в надежде привлечь его внимание. Он был полон опасной элегантности, обещаний порочных наслаждений, которые заставляют женщину забыть об осторожности и приличиях. Но при всей своей откровенной сексуальности, он выказал к ней больше заботливости, чем человек, которого выбрали для нее родители. Однако она не должна позволить ему соблазнить себя на вечере у его двоюродного брата.

— Я думаю... — она начала подниматься, — в коридоре кто-то есть.

Он провел пальцем по ее подбородку, потом медленно опустил его в глубокую впадинку между ее грудями. Она скользнула обратно в кресло, побежденная, не в силах вспомнить, почему ей хотелось встать.

— Не имеет значения. Дверь заперта.

Дыхание у нее пресеклось, когда он стал ласкать ее пышные груди. Жаркие мурашки волнения побежали по ее спине. Она пошевелилась, охваченная беспокойством.

— Я подумала... у вас даже нет при себе колоды карт, Гейбриел, — сказала она с легким возмущением.

Глаза у него сверкнули.

— Для этой игры карты не требуются. Она называется «Джокер Боскасл».

— Обманщик, — сказала она; тяжесть его тела, вытянутого на ней, лишала ее сил. —

Такой игры не существует. Вы ее выдумали.

Плутоватая усмешка мелькнула у него на лице. Он опустил голову и запечатлел жаркий поцелуй на ее декольте.

— Не выдумал. — Он слегка подул на ее грудь. Наслаждение охватило ее. — Это действительно салонная игра. Для двоих.

— Где один из игроков — салонная горничная? — спросила она, спина у нее ныла, ее тело ждало большего.

Он помолчал, глядя ей в глаза.

— Дайте подумать. Это новый вариант игры — вариант Боскаслов.

Ее грудь ныла от его возбуждающих поцелуев. Она понимала, что играет ему на руку.

— Игра в джокера без всяких карт?

— Это скорее ловкость рук. — Он отодвинулся с выражением совершенной серьезности. — Иллюзия, — задумчиво сказал он, проводя рукой по ее скрещенным лодыжкам.

Она очарованно устремила взгляд на его пальцы, пока они не исчезли под ее платьем.

— Очень убедительная иллюзия, — сказала она, закрывая глаза в невольном удовольствии. — Что я должна сделать, чтобы выиграть?

Он пожал левым плечом. Тем временем его рука скользнула поверх ее чулка, потом по подвязке.

— Выигрывает самая быстрая рука.

Она протянула руку к его запястью перед тем, как полностью утратить всякое соображение. Он слишком хорошо умел обезоружить ее; жар, разгорающийся внутри ее живота, вскоре зальет все ее тело, если он и дальше будет прикасаться к ней.

— Самая быстрая рука выигрывает? И это все?

Он снова поднял на нее глаза, в них разгоралось желание.

— Требуется еще немного мастерства. Хотите, я научу вас этой игре?

Ее тело хотело его.

— Я умру, если нас застанут.

— Я умру, если не возьму вас. — Он коленом раздвинул ей ноги. Она прижалась к валику с бахромой, отпустила его запястье и коснулась нижних пуговиц на его жилете.

Гейбриел сузил глаза.

— Вы ведь не раздеваете меня, да?

— Господи, конечно, нет. Это иллюзия.

Гейбриел бросил смутный взгляд на ее расслабленное тело. Темные кончики ее грудей торчали через край лифа. Он почувствовал, что кровь у него медленно горит, сердце гулко стучит при виде того, как она пробуждается к чувственной жизни. Она закрыла глаза, но ее тело отзывалось на самую легкую ласку.

— Правила этой игры, Гейбриел? — пробормотала она, смачивая губы языком.

Он поднял на ней платье до самой талии.

— Обычно я выдумываю их по ходу игры.

Элетея вздохнула:

— Я так и думала.

— Вы можете делать то же самое. Откройте глаза.

Она послушалась.

Гейбриел коснулся пальцем ее жемчужины и стал описывать им круги, пока она не начала прерывисто дышать. Почувствовав, что она больше не может вынести напряжения, он глубже погрузил палец в ее ножны. Она тихонько застонала от возбуждения, и это обострило его ненасытный голод.

Она закусила губу. Он знал, что она близка к пику. Он придвинулся ближе, чтобы насладиться мгновением, когда она содрогнется. Она схватилась за его рубашку и вытащила ее из-под ремня. Плоть его пришла в полную готовность. Но он хотел подождать, пока она не кончит. Расслабленная Элетея была самым лучшим, возбуждающим средством для него.

И он играл, чтобы выиграть.

— Гейбриел, — простонала она, — мне кажется... эта игра...

— Да, — пробормотал он, с трудом скрывая улыбку.

— Мне кажется, вы жульничаете.

Он весело рассмеялся:

— Разве это важно, если мы оба выиграем?

Она пробежала пальцами по застёжке его панталон. Он так крепко сжал челюсти, что зубы у него скрипнули. Дымка вожделения застила ему глаза. Элетея была так близко... Он ускорил движения пальцев, и бедра у нее стали извиваться.

Она снова испустила стон, потом ее рука легла на его пенис. Он содрогнулся, ощутив, что ее тело пульсирует от наслаждения. И медленно убрал пальцы.

Он откинул голову назад, сделал несколько длинных вдохов, чтобы пригасить пламя в крови.

— Я выиграл, — прошептал он, — хотя сердце у меня стучит с такой силой...

Элетея резко выпрямилась:

— Это не сердце, Гейбриел. Это стучат в дверь.

Он оглянулся, ничуть не обеспокоенный.

— Нет, это не так. И она заперта.

— Стук доносится не от этой двери, он доносится вон оттуда — от камина...

Прежде чем она успела указать на узкое отверстие в массивном готическом камине, Гейбриел поднял на ней лиф, опустил платье, надел фрак и встал на ноги. Но он забыл заправить рубашку в панталоны, что и сделал, заметив отчаянные жесты Элетей.

Он также забыл, что в доме маркиза есть множество потайных переходов и скрытых лазов, которыми пользовались скорее дети Боскаслов для шалостей, чем взрослые — для каких-либо непредвиденных случаев.

Теперь он имел дело с шалуном в лице своего темноволосого кузена лорда Дрейка Боскасла.

— Вот ты где, Гейбриел, — любезно проговорил Дрейк, сдувая с плеча пыль и появляясь из мрачного отверстия. — И леди Элетея. Приятно познакомиться.

Она любезно улыбнулась, хотя руки у нее дрожали, и она положила их на колени.

— Мне тоже очень приятно, милорд.

— Почему ты не постучал? — грубо спросил Гейбриел.

— Но я стучал. И мне никто не ответил. Вы играли в «Джокера Боскасла»? — предположил он с вкрадчивой улыбкой.

Элетея встала, не обращая внимания на довольную усмешку, которую послал ей

Гейбриел.

— Невежливо с нашей стороны, что мы удалились от общества.

— Я бы не сказал, что это невежливо, — возразил Дрейк, бросив многозначительный взгляд на валик, упавший с кресла. — Честно говоря, я и сам не очень-то люблю все эти большие приемы и всегда ухожу при первой же возможности.

Гейбриел кашлянул.

— И ты прокрался сюда потому, что предпочитаешь наше общество?

В глазах Дрейка блеснула добродушная усмешка.

— На самом деле я пришел потому, что вашего общества ищут разные люди из числа гостей, и решил, что вряд ли вам хочется, чтобы они пришли к некоему неизбежному выводу. Мне надоело выдумывать причины вашего внезапного исчезновения.

Элетя поднесла руку к глазам:

— Боже мой, как стыдно!

— Ничего страшного, — проговорил Дрейк с утешающей улыбкой. — Наша семья привыкла к таким... моментам.

Она опустила руку.

— Мой брат и тетка будут искать меня. Мне нужно идти, Гейбриел.

— Но не через эту дверь, — сказал Дрейк, положив руку ей на плечо и направляя ее к камину. — Эта дорога ведет в укромный коридор, из которого можно пройти во многие комнаты. Вы не солжете, если скажете, что заблудились.

Она насмешливо глянула на Гейбриела:

— Воистину так.

— Не волнуйтесь, — сказал он улыбаясь. — К ночи все станет известно.

Он стал между нею и Дрейком, глядя в темнеющее отверстие.

— Она не сможет одна пройти через этот тоннель. Там грязно и...

Дрейк поднял руку:

— Все в порядке. Ее ждет Уид, он ее проводит.

Гейбриел бросил на Дрейка долгий тяжелый взгляд:

— Ты обо всем подумал, да?

Дрейк улыбнулся:

— Неужели ты полагаешь, что сам я никогда не играл в «Джокера Боскасла»?

Несколько минут Элетея рассматривала средневековые итальянские шпалеры, прежде чем решила, что можно, ничего не опасаясь, идти дальше. Но, присоединившись наконец к большинству гостей в парке, она обнаружила, что ее отнюдь не хватились.

Ее кухня общалась со старыми друзьями. Ее брат со своей возлюбленной то появлялись, то исчезали среди других танцующих на покатоj лужайке. Гейбриел, очевидно, тоже вернулся к гостям.

Поскольку Элетее хотелось подумать, она двинулась в глубь парка по укромным дорожкам, охраняемым стоящими там классическими статуями.

«К ночи все станет известно».

Гейбриел хотел сказать, что будет объявлено об их помолвке. Но это значит, что настало время открыть ему правду. Как? Как она ему скажет? Не ждала ли она слишком долго этого момента?

— Элетея! — послышалось из-за фонтана, изображающего трех парок — богинь судьбы. — Вы одна? Если не одна, не оборачивайтесь.

Она остановилась на усыпанной гравием дорожке и, медленно повернувшись, увидела, как из-за фонтана появилась рыжеволосая женщина, одетая в белое шелковое платье, — миссис Одри Уотсон, куртизанка, всем известная хозяйка борделя и одна из самых восхитительных дам лондонского полусвета. Элетея не видела ее с той ночи, когда Одри постаралась по-женски утешить ее в горе. Эта дама была настолько связана с ее мучениями, что Элетея старалась думать о ней как можно меньше.

И даже теперь при воспоминании об их разговоре Элетею охватило отвращение. Тогда Одри без промедления увезла ее с вечера в своей карете и привела в свои личные апартаменты в доме на Брутон-стрит. Она помнила, что именно Одри дала ей стакан вина и драгоценное время, чтобы прийти в себя. В порыве отчаяния, глотая слезы и бордо, Элетея тогда предложила свои услуги в качестве куртизанки.

Одри только улыбнулась и дала ей еще несколько минут, чтобы успокоиться.

— Вы — красивая молодая женщина, Элетея, — сказала она наконец. — Я не сомневаюсь, что вы хорошо зарабатывали бы в качестве шлюхи.

— В качестве...

— Но, — добавила Одри, — я не думаю, что вы подходите для моего заведения. Вы просто слишком трагично настроены. Ни один мужчина не захочет платить, чтобы проводить время в обществе такой мрачно настроенной партнерши.

— Я не понимала, что это так важно.

— Дорогая, вас лишили девственности и иллюзий. Дамы, которые работают у меня, не смотрят на свои занятия как на наказание. Быть профессиональной куртизанкой — это привилегия.

— Привилегия? — слабым голосом переспросила она.

— Вы бы пользовались определенной свободой. А выйдя замуж за этого вашего кобеля, вы до конца дней своих должны будете разделять с ним ложе и терпеть от него дурное обращение.

— Тогда что же мне делать? — прошептала она. — Что мне теперь делать?

— Ждать.

— Чего?

— У меня есть предчувствие, что все это само собой разрешится со временем. Как — не знаю..

Элетея кивнула в смятении и неуверенности. Она приняла совет Одри — и ждала. Оглядываясь назад, она понимала, как ей помогло, что ее выслушала тогда женщина с большим опытом.

— Простите, — сказала она теперь, увидев предостерегающую улыбку Одри, — я не знаю...

— Вы вообще меня не знаете, — сказала Одри, покачав головой. — Мы — просто две леди на вечере, случайно встретившиеся в саду.

Элетея испустила вздох.

— Если маркиз счел возможным пригласить вас на этот вечер, сударыня, я не стану делать вид, что не обращаю на вас внимания.

— Смело сказано, — насмешливо ответила Одри. — Седжкрофт, однако, выше всех упреков и никому, кроме себя, не обязан доставлять удовольствие. — Она окинула Элетею взглядом знатока: — Мне приятно видеть вас не в таком отчаянии, как в ту ночь, когда мы познакомились. Это верно, что вы заинтересовали Гейбриела Боскасла?

В этот момент внимание Элетей привлекли чьи-то приближающиеся шаги. Она встревоженно обернулась и продолжила только после того, как услышала, что этот кто-то пошел по другой из множества дорожек парка.

— Мы с сэром Гейбриелом — соседи, — ответила она наконец, подозревая, что такой ответ не сможет обмануть женщину, обладающую опытом миссис Уотсон.

Одри рассмеялась:

— Вот уж кого я никак не могла бы вообразить деревенским фермером.

— У деревни есть свои привлекательные черты, — сказала Элетея, выдав себя улыбкой.

— И вы — одна из них, — заметила Одри, добродушно вздыхая. — Желаю вам обоим самого лучшего. Еще недавно я думала, что Гейбриел станет нашим постоянным посетителем. Теперь я понимаю, что — кое-кто стал причиной его таинственного исчезновения из нашего заведения.

Элетея оглянулась и понизила голос:

— Вы ведь ему не скажете? Я не уверена, что когда разговаривала с вами в ту ночь, была в своем уме. Я не представляю себе, что он сделает, если узнает правду.

— Я обещала, что оправдаю ваше доверие, — тихо ответила Одри. — Вряд ли бы я заслужила свою репутацию, если бы не умела держать язык за зубами.

— Очень надеюсь, что вам можно доверять.

Одри с упреком посмотрела на нее:

— В этом мире я доверяю очень немногим людям. Но я удостоена чести считать семью Боскасл своими друзьями. Я вас не предаю.

— Благодарю вас.

Одри кивнула снисходительно:

— Может показаться странным, что куртизанка гордится умением хранить тайны, но интимные дела — это мой бизнес.

— Понимаю, — пробормотала Элетея, хотя упоминание о прошлой связи Гейбриела с домом миссис Уотсон не ускользнуло от ее внимания.

Вряд ли он ходил туда ради советов или утешения — во всяком случае, не такого

утешения, в каком несчастная Элетея нуждалась в ту злосчастную ночь. Какой бы услужливой ни была миссис Уотсон, Элетея очень порадовалась бы, если бы ни ей самой, ни Гейбриелу больше никогда не пришлось прибегать к ее услугам.

— Я не знаю, как рассказать ему, — призналась она.

— Вы думаете, что правда изменит его чувства?

— Я не...

— Тсс. — Одри резко повернулась к фонтану. — Кто-то идет. Для вас будет полезней не обращать на меня внимания, пока нас не познакомят официально. Если только вы не предпочтете не знакомиться со мной вообще.

Элетея выпрямилась.

— Теперь я знаю, миссис Уотсон, что не те, кого хулит общество, чаще всего заслуживают порицания. Если мы еще встретимся, я сочту за честь быть вам представленной.

Гейбриел смотрел в сад, стоя в позе удивленной задумчивости. Он направился было прямо к брату Элетеи, чтобы сообщить ему о своем намерении жениться на ней, но граф был занят собственными сердечными делами. Гейбриел решил подождать с полчаса или около того и принял предложение Дрейка пройтись по парку. Естественно, он надеялся повстречать там Элетею. И он увидел ее. Но все вышло не так, как он ожидал.

Конечно же, Дрейк слышал столько же из этого проклятого разговора между Элетеей и миссис Уотсон, сколько и он сам. И можно не сомневаться, что его кузен пришел к такому же неизбежному и единственному выводу, что и он.

Беседа между Элетеей и миссис Уотсон, хотя и была недолгой, задела его за живое. Разговор шел об их прежних отношениях и скорее о тайной связи, чем о случайном знакомстве. За бесчисленными карточными столами он научился легко читать по лицам скрытые чувства людей и не мог не заметить их здесь.

И если в сердце Гейбриела еще теплилась слабая надежда на то, что он превратно истолковал этот разговор, то явная попытка его кузена ослабить удар разбила и эту надежду.

— Да, вечера у моего брата — это бесконечный источник скандалов и развлечений.

Гейбриел покачал головой. Скрытая под оцепенением боль усилилась.

— Не нужно ничего говорить. Никому из нас нет нужды уточнять то, что и без того очевидно.

Они вернулись на лужайку, где празднество было в разгаре. Некоторое время оба молчали.

— Знаешь, то, что мы слышали, не обязательно говорит о каком-то обмане со стороны Элетеи, — заметил наконец Дрейк. — По крайней мере не о тех безднах, о которых ты думаешь.

— Ты надеешься убедить меня, что она познакомилась с Одри Уотсон во время контрданса?

— Чем больше я думаю об этом, — продолжал Дрейк, — тем больше нахожу возможных объяснений, которые не говорят о вине с ее стороны.

— Мне ужасно хочется прибить кого-то, Дрейк. В данный момент я с удовольствием совершил бы самоубийство. Прошу тебя, больше не оскорбляй меня просьбами отрицать то, что мы оба слышали.

— Прошу прощения.

— Будь ты на моем месте, ты поверил бы, что она совершенно невинна? — язвительно спросил Гейбриел.

Дрейк бросил на него настороженный взгляд.

— Быть может, и нет. Но опять-таки, я никогда не считался самым уравновешенным человеком в нашей семье.

Что верно, то верно. Дрейк был известен своими мрачными настроениями, которые его недавняя женитьба, кажется, ослабила, если не победила вообще. Они с Гейбриелом когда-то часто ссорились, между ними было соперничество, которое неожиданно переросло в товарищеские отношения.

— А с кем из Боскаслов, — подумал вслух Гейбриел, — меня сравнивают чаще всего?

Дрейк рассмеялся с сочувствием:

— Если ты настаиваешь на драке, нам придется отправиться к Джексону. Если мы испортим день рождения Грейсона, Джейн головы с нас снимет.

Из-за изгороди появился молодой человек с копной желтых волос. Когда он узнал двоюродных братьев Боскасл, лицо у него посветлело.

— Вот вы где, Гейбриел. Я вас везде искал.

Гейбриел хмуро глянул и на второго человека, вышедшего из-за изгороди на дорожку. То были братья-близнецы Мортлок, Эрнест и Эрвин, — эта парочка слыла несомненной и самой тяжелой обузой для общества. Богатые, хрупкого сложения, с невинными лицами, они считались постоянными участниками самых сомнительных развлечений в Лондоне. Гейбриел искренне удивлялся, как это еще никто не убил их.

— Что вам нужно? — холодно спросил он.

— Моя мерзкая половина и я только что почували жирного голубка, который сегодня устроился на ночлег на Пиккадилли. Он готов рискнуть и способен проиграть очень много денег.

Дрейк с отвращением вздохнул.

— А вы получили соответствующее приглашение на сегодня?

— Так вы пойдете, Гейбриел? — спросил Эрвин. — Вас уже почти месяц нигде не видно.

Дрейк тихонько выругался.

— Придется вам отправиться по притонам без него. Он свое отыграл.

— Прошу прощения, — Гейбриел послал ему оскорбительную усмешку, — я еще даже не начинал играть.

Дрейк уставился на кузена:

— Как, по-твоему, я объясню твое исчезновение некоей леди, когда она спросит, куда ты делся?

— Она знает, кто я такой. — Гейбриел пожал плечами и отошел на несколько шагов. — Сомневаюсь, что она удивится, когда обнаружит, где я предпочел провести остаток дня.

Он смотрел сквозь изгородь, которая разделяла его дорожку и ту, которая вела к фонтану, где стояла Элетея. Он посмотрел на нее, и грудь у него стеснилась.

Элетея внезапно обернулась и посмотрела в сторону Гейбриела.

Он никак не мог представить себе ее в борделе.

Но ведь до этого времени он и не мог представить себе ее обнаженной и пылкой, в его объятиях.

Он закрыл глаза. Какая ирония! И он еще беспокоился, что опозорил ее.

Гейбриел смирился с неприятным фактом — что она любила до него кого-то. А теперь — какова бы ни была правда, он должен узнать ее. Он никогда не оказывался в дураках из-за женщины.

Наверное, уже поздно уничтожать то, что он испытывает к ней. Но дальше он пойдет с открытыми глазами.

Элетея лакомилась пирожным с лимонным мармеладом и сплетничала с двоюродной сестрой Гейбриела Хлоей, виконтессой Стрэтфилд, и ее невесткой Элоизой, леди Дрейк Боскасл, бывшей гувернанткой, чья любовь покорила ее распутного мужа. Элетея была удивлена, с какой легкостью жены Боскаслов приняли ее и делились теперь с ней своими секретами. Это вызвало у Элетей горячее желание, чтобы ее поняли и другие женщины, кроме миссис Уотсон, с которыми она могла бы поделиться своей тягостной тайной. Но это было бы отвратительное признание.

И все же ей казалось, что эта семья принадлежит к тем, кому можно доверить свои личные дела и искренние признания. У нее было ощущение, что все сказанное между этими женщинами не будет разглашено.

Правды, конечно, заслуживает Гейбриел. Но по мере того как вечерние тени удлинялись, у Элетей возникла мысль, что ее темный рыцарь исчез. Возможно, ему не хотелось мешать женской болтовне или он разговаривает с ее братом.

Но интуиция нашептывала ей другое.

И когда немного позже к дамскому кружку, который оживился присоединившимися к нему Джейн, маркизой Седжкрофт, и кузиной Элетей леди Понтсби, подошел лорд Дрейк, она ощутила холодное дуновение дурных предчувствий. Оно пробрало ее до костей.

Глаза лорда Дрейка предвещали неприятную, но не неожиданную новость.

— Элетея, — начал он, послав своей жене Элоизе чувственную улыбку и наклоняясь к руке Элетей, — меня попросили кое-что передать вам.

Некоторое время она ничего не слышала, кроме тревожного стука крови в висках. В глазах Дрейка было смущение, которое она не могла бы истолковать неверно.

Она поняла.

Гейбриел бросил ее, и его двоюродный брат, сам бывший повеса, был послан с извинениями. Сколько раз он уже проделывал такое? Со сколькими другими уязвленными в сердце молодыми девушками?

— Куда он пошел? — тихо спросила она.

— Он встретился со старыми друзьями, которые напомнили ему о его прежних обязательствах.

Она почувствовала, как вспышка неприятного жара залила ее лицо.

«Карты, — решила она. — Или другая женщина. А возможно, и то и другое».

Элетея вдруг вспомнила, почему всегда предпочитала спокойную жизнь маскараду лондонского общества. По крайней мере ее лошади и деревенские соседи не бросают ее при первом же соблазне.

— Понятно, — сказала она после неловкого молчания.

— А мне непонятно, — сказала леди Понтсби, озабоченно глядя на Элетею. — Мне казалось, что он намеревался сегодня вечером поговорить с членами наших двух семей наедине, без посторонних. Воистину это должно быть какое-то неотложное обязательство, если он даже не простился как полагается.

— Может быть, он собирается вернуться еще до окончания вечера? — спросила Джейн, внимательно глядя на Дрейка.

Тот кашлянул.

— Не могу знать. Я не догадался спросить у него. Люди, напомнившие ему об этом прежнем обязательстве, появились довольно неожиданно.

Джейн посмотрела на Элетею и успокаивающе улыбнулась. Она сама была дочерью графа, женщиной, которая могла бы стать печально знаменитой, когда бы не вышла за своего негодяя маркиза.

— Вот как? Ну что же, мы и без него хорошо проведем время. Лондон слишком долго был лишен общества Элетеи, и не следует терять время попусту, скучая по Гейбриелу. Вы помните, Элетей, бал, на котором были вы и я, когда некая графиня переделалась мужчиной и вызвала своего мужа на дуэль за то, что он ее не узнал?

Элетей через силу улыбнулась:

— Такое забыть невозможно.

Казалось трудным поверить, что еще недавно Элетей пользовалась определенной известностью в свете. Конечно, она бывала в Лондоне не так часто, как следовало молодой леди, чтобы хорошо себя показать. Но ведь ей не нужно было охотиться за мужем или гулять по Роттен-роуд с сопровождающей дамой в определенное время. Она была помолвлена с прекрасным джентльменом. В свободное время, дома, она ездила верхом по деревенским холмам и находила искреннее удовлетворение в дружбе с соседями. Ее жизнь была распланирована ее родителями.

Было одновременно и неловко, и интересно снова оказаться на светской арене Лондона, хотя она и была безоружна и не имела практики. Она ожидала услышать замечания не только по поводу утраты своего нареченного, но и прочного места в обществе. Ее доброжелатели потрясенно ахнули бы, если бы узнали, насколько она привыкла и к искренним, и к поверхностным выражениям сочувствия. Но она не ожидала, что ее без всяких церемоний бросит человек, который ухитрился поставить ее в такое уязвимое положение. И внимание, которое ей уделяли различные члены его семьи, только подчеркивало еще больше то, что Гейбриел ушел, увлеченный неведомыми греховными делами, не сказав ни слова. Они поняли. Что могли они сказать?

— Я совершенно уверена, что сэр Гейбриел вернется до нашего ухода, — пробормотала леди Понтсби, обменявшись натянутыми улыбками с кузиной Гейбриела Хлоей, жизнерадостной, с волосами цвета воронова крыла, куда более порывистой, чем Джейн.

Хлоя отдала свой полупустой стакан из-под лимонада стоявшему неподалеку лакею.

— Мне все равно, если он и не вернется. Мы найдем вместо него другого повесу. Пойдемте со мной, Элетей. Мы не станем сидеть здесь сиднем, как оставшиеся без кавалеров дамы, когда можно приятно провести время. Мне не по вкусу такое.

Леди Понтсби встала:

— Ведите нас, леди Стрэтфилд.

Элетей неохотно рассмеялась. Сердце у нее болело. Почему он так поступил? Час назад он был в таком радостном настроении. Но ведь он выиграл. Возможно, он с самого начала хотел только этого.

— Сэр Гейбриел не обязан сопровождать меня. Мы всего лишь старые друзья и недавние соседи.

— В таком случае давайте обзаведемся новыми друзьями, — сказала Хлоя с заразительным озорством. — Когда-то вы, Элетей, очень хорошо умели кокетничать. Я завидовала той легкости, с какой вы перелетали от одной компании к другой, не совершая ложных шагов.

— Да, но...

— Но теперь я замужняя женщина, которая ждет ребенка. Я буду радоваться чужим друзьям. Хотя я не жалею на Доминика.

Дамы вздохнули. Хлоя недоносила первого ребенка и сильно переживала из-за этой потери. В ней, всегда сияющей, был какой-то необыкновенный блеск и бьющая через край энергия.

— Я это знаю, — сказала Джейн с ликующей улыбкой. — Я сказала Грейсону только сегодня утром.

— А ваш муж знает? — спросила Элетя, улыбаясь, несмотря на свое огорчение.

Если Гейбриел исчез, решив, что он не годится для женитьбы, не будет ни объявления о помолвке, ни радостных крестин их детей. И если Элетя носит дитя, она будет растить его одна.

Хлоя улыбнулась:

— Он был счастлив, как в раю, узнав о моем положении.

— Рада за вас, — сказала Элетя, стараясь не показывать своей тоски.

— Так вы пойдете со мной? — спросила Хлоя, взяв ее за руку. — Я раскрыла вам мою тайну. А теперь расскажите мне о ваших и помните: ни в чем нельзя отказать беременной женщине — это принесет неудачу.

В конце концов, как она уже узнала, к своему несчастью, Боскаслам не имеет смысла возражать. И хотя Хлоя хотела только скрасить отсутствие Гейбриела, Элетя все глубже чувствовала себя уязвленной. Он ведь предупреждал ее, что он вовсе не так хорош.

И она сама виновата, что предпочла не поверить ему.

Он снова оказался в знакомом мире, погрузился в удовольствия полусвета и все же чувствовал себя чужим здесь. Как это может быть? Его всегда тянули к себе темные притоны, опасности тайной жизни Лондона, неопределенность. Если он может выжить на этих улицах, он сможет пережить что угодно. Со своими спутниками он посетил несколько мест, где раньше был завсегдатаем, немного выпил. Когда-то он находил ночной мир города возбуждающим, придающим жизни ту остроту, которая требовалась ему, чтобы оставаться в живых.

В эту ночь ничто из всего этого не манило его. Ни тайные свидания в Воксхолле, ни романы в театральном ложе, ни разговоры, выношенные в переулках Уэст-Энда. Когда же он изменился? В Ватерлоо? В ту ночь, когда он перешел по тому проклятому мосту и оказался в чем-то гораздо более глубоком, чем река?

Ему хотелось вернуться и все переиграть. Быть может, переиграть всю свою жизнь. Он ничего не добился, кроме скромной военной пенсии и деревенского дома, такого же полуразрушенного, каким он ощущал себя. А что же женщина, которую он хотел так долго, с тех пор как помнил себя?

И он все еще хочет ее, будь проклята эта одержимость! Он жалел, что подслушал, жалел, что ее тихо произнесенные слова не вонзили нож ему в горло. Что, если у нее были серьезные основания общаться с Одри Уотсон?

Он прошел мимо двоих боксеров-призеров, охранявших вход в притон высокого класса. Заведение с крепкими запорами обслуживало знатных людей, которые предпочитали играть в более опасной атмосфере, чем в обычных клубах для джентльменов.

Гейбриел подошел к столу, где играли в старинную азартную игру — в кости, и обрадовался, что по его жилам пробежал порыв предвкушения. Игра в кости с хорошей прибылью. Тот самый голубок, молодой джентльмен, который вывернул ради везенья свой фрак наизнанку, шелковой подкладкой вверх, раскраснелся от портера и ложной бравады.

Гейбриел с горечью улыбнулся через плечо братьям Мортлок:

— Я не могу обирать такого дурака. Он младенец. Его мама разберит меня. Не могу поверить, что я ушел с дня рождения кузена ради этого.

Не говоря уже о женщине, чья обманчивая сладость ежеминутно вторгалась в его голову. Проклятие! Он жил без нее всю жизнь. Разве трудно будет притворяться, что он не нуждается в ней теперь?

— Послушайте, если вы выиграете, вы должны будете подарить что-нибудь ему, — сказал Эрвин Мортлок у него за спиной.

Гейбриел раздраженно посмотрел на него:

— О ком вы говорите?

— О вашем кузене, маркизе. На деньги, выигранные здесь, вы сможете поднести ему подарок. Ведь мы все обязательно вернемся на бал позже.

— Можете и мне купить подарок, — добавил с ухмылкой его брат.

Лакей в черном переднике подошел к ним и поклонился:

— Сэр Гейбриел, меня попросили пригласить вас вниз для приватной игры.

Гейбриел оправил манжеты.

— Кто пригласил?

— Барон Госфилд, сэр.

Гейбриел мялся. Нижние комнаты притона сохранялись для любителей более крупных ставок. Он знал Госфилда поверхностно, и барон ему не нравился.

— Каково его предложение? — спросил он.

— Ломбер, сэр.

— Идите, Боскасл, — поторопил его Эрвин. — Это ваша игра.

Везет, в карты — не везет в любви. Он никогда не думал доказывать или опровергать эту максиму. Понятия о любви для него значили мало. Он всегда играл, чтобы проиграть в любовных делах. А сердечная близость всегда была дверью, стучаться в которую он отказывался.

Он спустился по винтовой лестнице в мрачные глубины, где находились особые помещения притона. Впервые с тех пор, как он подошел к столу, покрытому зеленым сукном, и оценил противника, он испытал мгновение неуверенности. Но этот момент прошел. Ему предоставили еще один шанс испытать себя.

Везет в карты — не везет в любви.

Он сел в кресло, которое ему пододвинули, и расслабился. Госфилд посмотрел на него оценивающе. Кровь по жилам Гейбриела побежала быстрее. Он узнал вызов, скрытый под маской приятных черт лица.

— Это ваша игра, — снова сказан Эрвин, почувствовав напряжение между двумя игроками. — Вы всегда выигрываете.

Он тоже так считал, делая ставку в очередной азартной игре. Он никогда не держал пари на собачьих или петушиных боях, считая, что рисковать жизнями беспомощных животных — это трусливое мошенничество. Но к своей собственной жизни и благополучию он всегда относился с некоторой беспечностью. А сегодня ночью и вовсе с полным безразличием.

Всего тремя часами позже наверху лондонского особняка брата Элетея в своей комнате укладывала вещи, собираясь вернуться домой. Брат остался на вечере у Грейсонов с леди Понтсби и собирался пробыть там до рассвета.

Сославшись на головную боль — что не было полной выдумкой, — она вернулась в дом на Кэвендиш-сквер, не желая притворяться, что ей весело. Она не видела смысла из-за своих личных трудностей портить настроение родным, оказавшимся в Лондоне.

Семейство Боскасл делало все, чтобы загладить поведение Гейбриела, так что в конце концов она больше не могла ни минуты терпеть их доброту. Равно как ее не очень-то подбодрило обещание общительного хозяина, Грейсона, маркиза Седжкрофта, сделать выговор Гейбриелу, как только он доберется до этого повесы.

А Элетея сама разберется с Гейбриелом, если этот негодяй когда-либо осмелится снова предстать перед ней. Она неплохо умеет стрелять из пистолета. Быть может, она ранит его в ногу или в руку, если он когда-нибудь вернется в деревню.

Но, судя по всему, непохоже, чтобы у нее появился такой шанс. Если Гейбриел мог сбежать с праздника своих родственников и забыть о данном ей обещании, вряд ли она когда-нибудь снова его увидит.

Однажды здесь, в Лондоне, у нее отняли иллюзии, и она была ранена слишком глубоко, чтобы это можно было высказать словами. Но все-таки не так, как теперь. Гейбриел заставил ее смеяться, заставил снова поверить в любовь. И она была в таком оцепенении, что

не могла даже плакать. Она не понимала, неужели все это было только игрой? Она не могла в это поверить.

По крайней мере теперь ей не придется никому раскрывать свою тайну. Слава Богу, она узнала, что собой представляет Гейбриел, прежде чем призналась ему, как, с ней обошелся Джереми.

То, что подсказывало ему его пресыщенное воображение, было, вероятно, куда хуже, чем то, что произошло на самом деле. Насколько он понял, Элетея просила взять ее куртизанкой в заведение миссис Уотсон.

Но в сценах, которые разыгрывались у него в голове, пока он в своем городском экипаже добирался до дома Грейсона и оттуда на Кавендиш-сквер, он представлял себе Элетею, проходящую все стадии падения и разврата. Когда же он наконец добрался до места назначения, у него уже шел дым из ноздрей и за ним стелился след серы и опаленной надежды. А когда он велел своему каменноликому кучеру остановиться, пообещав, что скоро вернется, тот только шелкнул хлыстом по воздуху и направил лошадей к тротуару.

Итак, он узнал, что Элетея действительно знакома с Одри Уотсон, но, оправившись от первого удара, он попытался справиться со своим гневом. Так ли это важно, что Элетея спала с другими мужчинами? Что она решила пустить в ход свои чары, чтобы выжить? Он допускал, что именно таковы были ее мотивы. Можно ли винить Элетею? Нет, к несчастью. Честно говоря, он был бы гнусным лицемером, если бы относился пренебрежительно к такой женщине, как Одри, которая помогала его родне столько раз, что и не сочтешь. Но из этого вовсе не проистекает его согласия на то, чтобы она же помогла Элетее.

Большинство мужчин предпочли бы привести девушку к своим родителям, чтобы получить от них благословение на женитьбу, но у Гейбриела не было родителей, которым он мог бы представить свою избранницу. А его братья, которые никогда даже не пытались сблизиться с ним и которых, вполне возможно, как и родителей, уже нет в живых, никоим образом не могли не одобрить его выбор, — ведь у него не было ни малейшего представления о том, как сообщить им, что он собирается жениться.

Взбегая по ступеням особняка брата Элетей, он с еще большей силой ощутил тот удар, который она нанесла ему, удар, потрясший его до мозга костей. Поскольку слуги даже не позаботились запереть двери, он вбежал в дом, волоча за собой свой черный плащ.

Гейбриел поклялся, что после этого вечера хозяйка дома будет больше остерегаться неприятностей, которые случатся с ней ночью. После этого вечера она будет запирается на все засовы.

Он бросился вверх по лестнице; ярость пронесла его мимо освещенной лунным светом галереи в гостиную; никто не открывал перед ним двери, никто ничего не спросил.

Гейбриел и сам не знал, что может здесь найти. Может быть, его возлюбленная ублажает семерых любовников в семи похотливых позах? Он приготовился ко всему. Вряд ли она сможет причинить ему еще большую боль.

Виновник несчастья Элетей ворвался в дом с грохотом, как мародер. Она сжала зубы и вышла на верхнюю площадку лестницы. Несколько человек из прислуги вышли из своих комнат и смотрели на нее в замешательстве. Элетея подумала, что ее невоспитанные, деревенские знакомые, которых она привела к порогу этого дома, могут сильно напугать добрых людей, оказавшихся из-за нее в столь бедственном положении.

Один из лакеев подал голос:

— Миледи, не сходить ли мне за констеблем?

Она торопливо спустилась вниз, расправив плечи в ожидании столкновения.

— Нет. Я сама все улажу.

— Но...

— Ступайте, пожалуйста.

Все шестеро — два лакея, дворецкий, молодая домоправительница-шотландка и две горничных — молча попятились; молчание их, казалось, говорило о том, что Элетее не уцелеть в столкновении с тем, кто вломился в дом, точно сорвавшийся с цепи дикий зверь.

Но как ни странно, непристойное вторжение Гейбриела придало ей решимости и спокойствия. Да, она разгневана на него. И если он на самом деле сошел с ума, это вполне может объяснить то, почему он бросил ее. Нет, конечно, она ему этого не простит. Но очень может быть, станет посещать его раз в месяц в сумасшедшем доме. А может быть, закончит свои дни в соседней с ним палате.

Она оглянулась, чтобы убедиться, что слуги исчезли, прошла по вестибюлю ему навстречу и сказала:

— Сию же минуту ступайте в гостиную, Гейбриел, пока не появилась ночная стража или мой брат.

Их взгляды встретились, и ее пыл иссяк. Он смотрел на нее смущенно и одновременно вызывающе. Его черный фрак, плащ, батистовая рубашка, жилет — все казалось смятым и пропахло бренди и дымом.

— Что вы можете сказать в свое оправдание? — спросила она, все больше разъярясь от того, как он обошелся с ней в этот вечер, и еще больше от того, что после всего произошедшего он снова вызывал в ней мучительное желание.

Это просто невысказано. Как может она любить человека, который разочаровал и ее, и своих родственников? После того, что она вынесла от того, другого? Или это она сошла с ума? Или любовь — это яд, убивающий рассудок?

Не отвечая, он прошел мимо нее в гостиную. Прошел ленивой, пожалуй, даже оскорбительно изящной, неторопливой походкой кавалерийского офицера. Когда он наконец обернулся, она испуганно ахнула. Под глазом у него был синяк.

— Что с вами случилось? — прошептала она. — Чем вы занимались?

— Я вмешался в драку между братьями Мортлок, — отрывисто сказал он. — Лучше бы я позволил им убить друг друга. Или себя.

Она подняла голову, потому что с улицы донесся стук колес экипажа.

— Господи! Это, кажется, Робин.

Он положил руку ей на плечо и повернул ее к себе лицом.

— Мне все равно, даже если здесь появятся Али-Баба и сорок разбойников вместе с архиепископом Кентерберийским.

— А есть что-то такое, что вам не все равно? — спросила она, не сводя с него глаз.

— Я думаю, это очевидно.

— Сегодня очевидно только то, что вы дурно воспитаны.

— Вы знали это много лет, — возразил он с жесткой улыбкой. — И все-таки вы спали со мной и согласились стать моей женой.

Она вздрогнула.

— Я любила вас многие годы, но не просите меня объяснить, почему люблю и сейчас.

— Да. Я вас не заслуживаю. Но все равно вы мне нужны.

Она ему нужна. Он нужен ей. В этих истинах мало утешения. Как и в ее восхищении тем, что его присутствие было успокаивающим и угрожающим в одно и то же время. Она отдалась Гейбриелу по собственному выбору. А тот, другой, украл ее любовь.

Гейбриел был по крайней мере дьяволом, выбранным ею самостоятельно, и если он увлек ее в мир падения, она пошла за ним по своей воле и могла винить во всем только себя.

Но это не значит, что она согласна пасть еще ниже.

Чем бы ни был Гейбриел — повесой или героем, их жизни переплелись еще до того, как она осознала, к чему может привести такое переплетение.

Что с того, если было потревожено его прошлое? Ее прошлое тоже потревожено, хотя самое унижительное ей удалось скрыть. Она всегда задавалась вопросом, насколько иной могла бы стать жизнь ее и Гейбриела, если бы его отец, Джошуа Боскасл, не умер. Она могла бы быть помолвлена с Гейбриелом с самого начала.

Не слишком ли поздно исправлять историю? Возможно, Гейбриелу предназначено разбить ей сердце. И теперь, когда им наконец дарована возможность быть вместе, разве они чем-нибудь доказали, что они созданы друг для друга?

— Я открою вам одну тайну, Гейбриел, — проговорила она, потому что ей вдруг стало невыносимо и дальше терпеть его угрюмую власть над собой. — Я жалею, что вообще приехала в Лондон.

Он снял свой плащ и швырнул его на кресло.

— Ну а я жалею, что уехал отсюда.

— Вас никто не держит в деревне, — возмущенно сказала она. — Вы можете продать свой дом. Никакого будущего как у сельского хозяина у вас нет. Все, кто жил в Хелбурн-Холле, уезжали. Почему вы пытаетесь казаться лучше их? Не утруждайте себя ответом. Когда ваш отец умер, вы встали на путь самобичевания и жалости к себе.

— Разве это так? Не утруждайте себя ответом. Я согласен. Хелбурн-Холл преследуют призраки, и у него дурная репутация.

Гейбриел направился к ней. Элетея не двигалась.

— То же самое можно сказать о его теперешнем владельце.

Он подошел, и теперь они стояли совсем рядом.

— Если меня кто и преследует, так это вы.

Сердце у нее затрепетало. Она никогда в жизни не видела на человеческом лице такой обнаженной боли. Ее женские инстинкты требовали от нее сделать что-то, что могло бы утешить его, хотя он и поставил в ложное положение сегодня их обоих.

— Вы, верно, одержимы дьяволом, — огорченно сказала она. — Я никогда не видела вас в таком настроении.

— Я никогда еще не бывал в таком настроении, Элетея.

— В таком случае вы не могли бы рассказать мне, что привело вас в такое расположение духа? Когда я оставила вас с вашим кузеном, вы были в прекрасном настроении. Вы... вы были веселы.

Он холодно улыбнулся.

— Продолжайте.

— Что продолжать? — спросила она с нетерпением. — Мы расстались, условившись, что объявим о нашей помолвке. Я пила лимонад с вашими родственниками.

Он смерил ее взглядом.

— А между нашей последней встречей и лимонадом?

Она смущенно покачала головой.

— Я гуляла в саду, Гейбриел.

— В саду радостей земных?

— В саду маркиза, вашего двоюродного брата, — сказала она, как если бы он был очень глуп.

Гейбриел отвел взгляд.

— Вы гуляли одна?

— В саду были другие люди. — Она замялась. — Другие гости.

— Вы гуляли с Одри Уотсон, — сказал Гейбриел, вперив в нее обвиняющий взгляд.

Она тоже уставилась на него, сердце застряло у нее в горле.

— Да.

— Как вы будете защищаться? — тихо спросил он.

— А я должна защищаться?

Он закрыл глаза.

— Я люблю... честолюбивую куртизанку? Если так, скажите мне это сейчас.

Она ответила не сразу. Она была слишком потрясена, чтобы отыскать нужные слова. Неужели он разговаривал с Одри? Неужели он заставил эту женщину — или очаровал ее так, что она нарушила доверие Элетей? Кто сказал ему, что она разговаривала с Одри?

— Именно это и рассказала вам миссис Уотсон? — спросила она, страшась ответа.

— Миссис Уотсон ничего мне не рассказывала. На самом деле я не разговаривал с ней после того, как видел вас вместе. Но я слышал ваш разговор собственными ушами. С Дрейком в качестве свидетеля.

Кровь в ней похолодела.

— Вы подслушивали, Гейбриел, — тихо сказала она. — Вы прятались за кустами, в то время как могли бы сообщить о своем присутствии и удовлетворить ваше любопытство.

Он горько рассмеялся.

— Возможно, я был не готов узнать, что женщина, которую я люблю...

— ...куртизанка, — спокойно сказала она. — Вы сказали это уже. Можете повторить еще.

— Я вас не виню, — быстро проговорил Гейбриел. — Я только спросил... будь все оно проклято, Элетей! Какие выводы должен был я сделать из вашего разговора с ней? Полагаю, что я заслуживаю знать правду.

— Сколько вы выпили, Гейбриел?

— Недостаточно, чтобы держаться подальше от вас.

— Я думаю, вам следует уйти из этого дома, — слабым голосом сказала она.

— И никогда больше не видеть вас? — спросил он в замешательстве. — Разве вы не должны хотя бы объяснить мне все?

Она покачала головой. Какая путаница!

— Должна. Но не тогда, когда вы расстроены и напугали до смерти слуг моего брата.

— Я был вне себя. Вы не были откровенны со мной, не так ли?

— Вы честно хотите узнать, что я чувствую в данный момент, Гейбриел?

— Да. Честность была бы мне приятна.

Она прищурилась.

— Я хочу, чтобы вы ушли. — Голос ее надломился. — Не омрачайте мою... мою жизнь снова.

Он фыркнул:

— Вы говорите так, словно сделали мою жизнь лучше.

Вид у нее стал оскорбленный.

— А разве это не так?

— Нет. — Его губы скривились в жесткой улыбке. — Вы сделали меня несчастным.

Элетея задержала дыхание, стараясь не расплакаться.

— Будь я мужчиной, я вызвала бы вас на дуэль и убила.

— Слишком поздно, — насмешливо сказал он. — Я умер в тот момент, когда увидел вас.

Она задохнулась.

— Я презираю воздух, которым вы дышите.

— Я проклинаю день, когда вас зачали.

Элетея оттолкнула Гейбриела от себя.

— По крайней мере мы знаем, кто наши родители.

— Дайте подумать, — сказал он. — Вы не очень-то похожи на вашего брата.

— А вы знаете, на кого похожи вы? — спросила она с мрачной улыбкой.

Он приблизил к ней лицо.

— Говорите.

— На... проклятого негодяя, вот на кого. А теперь вон отсюда.

— Я не могу так быстро уйти.

— Вы еще здесь?

— Черт побери, Элетея, я пришел сюда не для того, чтобы ссориться.

— И занимаетесь только этим.

Вид у Гейбриела был сиротливый. Она почувствовала, как ее гнев стихает, ей уже хотелось, чтобы Гейбриел обнял ее.

— Разрешите, я приду завтра утром? — тихо спросил он.

— Здесь будет хаос, — сказала она. — Я буду не одна.

— Тогда я провожу вас обратно в деревню. — Он внимательно посмотрел на нее. — Вы изменили мне с другим?

Она рассмеялась, глаза ее наполнились слезами.

— Что вы говорите?

— Вы меня любите?

Элетея закрыла глаза. Гейбриел обхватил ее. Его губы впились в нее, его поцелуй зажег маленькое пламя у нее внутри. Но все равно ей было холодно, она стыдилась, что утаила от него правду, стыдилась самой этой правды.

— Поедемте со мной сейчас, — прошептал он ей на ухо. — Проведите ночь в моем доме, и мы поговорим. Докажите вашу любовь.

— Я уже доказала вам свои чувства, — тихо сказала она. — Вам остается ждать, пока вы не узнаете все, прежде чем решите, нужна ли я вам по-прежнему.

Его дыхание обжигало впадинку на ее шее.

— Вы всегда нужны мне.

— В качестве жены? — спросила Элетея, никак не реагируя на то, что он поцеловал ее в подбородок.

— Разве есть какая-то причина, по которой вы не можете выйти за меня замуж? — Он укусил ее плечо в качестве ласкового наказания. — У вас есть другой муж? — Гейбриел схватил ее за руку и подвел к дивану. — У вас есть какое-то тайное увлечение?

Она отвернулась, но он все еще держал ее за руку и потянул ее вниз, к себе.

— У вас на щеке синяк, — сказала она безнадежно. — И вы... вы были сегодня ночью в

каком-то опасном месте, я не сомневаюсь.

— Возможно.

— Как грубо!

— Вы с самого начала знали, кто я. — Он провел своими мозолистыми пальцами по ее плечу к застегнутому на пуговицы внутреннему шву рукава. — Разве не это вам во мне нравилось, Элетея? На самом деле вопрос в том, кто вы. Кем вы стали?

— Вы способны быть отвратительным, да?

— Это вы тоже знали.

— Нет. Я знала, что люблю вас. Грязного, мрачного, несущегося по дороге саморазрушения. Я стала бы прямо на этой дороге, чтобы спасти вас. Но я никак не думала, что мне предстоит сражаться с вами же.

— Вы собираетесь разочароваться во мне?

Она отвернулась.

— У дома остановилась карета. Это, наверное, мой брат и кузина, обоим мы должны были сказать сегодня, что собираемся пожениться.

— Тогда любите меня, пока они не пришли. — Он провел костяшками пальцев в черной перчатке по ее затылку, спине, ниже.

— Ступайте домой, прошу вас, Гейбриел.

Он зарылся лицом в ее волосы.

— Нет. Я не уйду. Я мог бы раскинуть лагерь в этой комнате до зимы. Вы больше не хотите меня?

В глазах ее мелькнула боль. Ей не нужен еще один человек, который говорит, что любит ее, но при этом испытывает только гнев.

Его губы горели у нее на шее, как угли.

— Я хочу только вас, и я хочу знать правду. Будьте со мной откровенны.

— А если после этого вы меня возненавидите? — в муках прошептала она.

Его грудь сжалась от дурного предчувствия. Какую правду она скрывает? Неужели она предложила себя в качестве куртизанки? Если так, ему придется принять этот неприятный сюрприз. Гейбриел знал, что Элетея любила другого, но других?! Что происходило с ней в тот год, когда все считали, что она в трауре? Он не знал, вынесет ли эту боль. Пусть он лицемер, но он десять лет назад притянул на нее в своих мечтах. Тогда Гейбриел боялся заявить о своем желании. Кто-то опередил его?

— Простите, что я настаиваю на откровенности, — с иронией сказал он. — Я иногда забываю, что нужно быть джентльменом.

Ее глаза сверкнули.

— В наши дни джентльмены почти не требуются.

— Разве я не такой же порядочный, как ваш дорогой покойный Хазлетт? — продолжал он, будучи не в состоянии совладать с собой. — Не он ли выпустил на волю желание, которое охватило нас с вами?

Элетея замерла, и Гейбриел понял, что причинил ей боль, и ему захотелось взять назад свои горькие слова.

— Я не это хотел сказать.

Она отвернулась.

— Разве?

— Черт побери, Элетея, я не могу дать вам уйти, кем бы вы ни были. Прошу вас,

поедемте со мной сегодня.

— Кем бы я ни была? — тихо переспросила она.

— Кем бы вы ни были, я от вас не откажусь.

Она покачала головой, виду нее был оскорбленный.

— Я не буду с вами, когда вы в таком настроении.

На улице раздался стук лошадиных подков. Дверца кареты отворилась и захлопнулась.

Он не отрывал взгляда от ее лица.

— Вы меня любите, Элетея?

— Да, но не спрашивайте меня почему.

— Есть еще кто-нибудь другой?

Она смотрела на него, готовая всерьез расплакаться.

— Нет, глупый вы человек.

— Значит, вы все мне расскажете?

— Да. Это не то, что вы думаете. Одри просто дала мне один совет.

— Совет? Насчет чего?

— Я не могу... я не могу этого сказать.

— Господи, Элетея, что же это такое?

Она покачала головой.

Дверь позади них отворилась.

— Я люблю вас, — сказал он, понизив голос.

И теперь ему придется посмотреть в глаза правде: каким бы ни оказалось ее объяснение, это не изменит его чувств к ней.

Лорд Рексем громко выбранился, когда, возвращаясь с бала, заметил лондонский экипаж Гейбриела у своего дома.

— Есть ли у этого человека вообще какое-то чувство приличия? — воскликнул он, обращаясь к леди Понтсби, которая теперь придерживалась совершенно иного мнения о поведении Гейбриела.

— Не врывайтесь в дом, не сообщив о своем возвращении, — посоветовала она ему, когда они вышли из его большой кареты и вместе поднялись по ступенькам.

— Что вы имеете в виду? — сердито спросил он. — Это мой дом, и, насколько я могу судить, этот повеса и Элетей сейчас одни. Я имею полное право вмешиваться во все...

Лакей открыл дверь, и Робин замолчал.

— Что здесь делает сэр Гейбриел, Баствик? И где моя сестра?

Лакей сконфуженно покачал головой:

— Нас попросили не мешать, милорд.

— Не мешать чему? — осведомилась леди Понтсби, нарочно остановясь в центре вестибюля, чтобы преградить дорогу Робину.

— Вы прекрасно понимаете чему, — возразил тот. — Вряд ли такие вопросы задают лакеям.

— Не знаю. И вы не знаете. Возьмите себя в руки.

— Не мешайте мне. Я должен...

Она повысила голос:

— Что вы должны, Робин? Сэр Гейбриел — истинный джентльмен. Не могу себе представить, чтобы он вел себя недолжным образом там, в той комнате.

Робин бросил на нее сердитый взгляд, исполненный отвращения, и прошел вверх по лестнице в гостиную. Он прекрасно понимал, что леди Понтсби старается предупредить Боскасла и его сестру. Говоря по правде, если Гейбриел и Элетей заняты чем-то неподобающим, у него нет ни малейшего желания войти и застать их во время свидания. Но пришло время положить конец отношениям, которые выходят за границы пристойности.

— Постучите по крайней мере, — попросила леди Понтсби у него за спиной.

— Я здесь не посторонний человек, я у себя дома.

И все же он постучал, но в подтверждение своих слов не стал ждать приглашения. К его невыразимому облегчению, Гейбриел стоял у окна, а Элетей сидела в кресле, прямая как штык.

— Прошу прощения, — неловко сказал он. — Я не знал, что ты не одна, Элетей. Надеюсь, твой гость...

Гейбриел обернулся.

Леди Понтсби широко раскрыла глаза.

— Твой гость... — Робин поперхнулся, глядя на подбитый глаз Гейбриела. — Это Элетей вас так?..

Элетей вскочила с места.

— Какое смехотворное предположение!

Леди Понтсби выступила вперед:

— Ничего страшного, дорогая. Ваш брат не хотел вас обидеть. Просто... откуда у вас

этот противный синяк, сэр Гейбриел, скажите, если можно?

Гейбриел вздохнул:

— Мне не повезло, — я разнимал дерущихся, и в результате мое лицо использовали как буфер между враждующими сторонами.

Лорд Рексем тревожно всматривался в сестру.

— А эта драка, которую вы, судя по вашим словам, прекратили, была ли она причиной того, что вы столь невежливо покинули Элетею сегодня вечером?

— Не совсем.

— В таком случае мне не очень понятно, что произошло сегодня, — заметил лорд Рексем.

Гейбриел многозначительно посмотрел на Элетею:

— Мне тоже.

— В таком случае, сэр, может быть, вы нас покинете, чтобы моя сестра могла изложить свою версию событий.

Гейбриел мялся и смотрел на Элетею, пока она в конце концов не ответила на его пристальный взгляд.

— Возможно, я так и сделаю, — сказал он в конце концов. — Я приду к вам, как только вы вернетесь в деревню.

Это заявление, судя по всему, озадачило лорда Рексема.

— У вас есть ко мне еще какое-то дело, сэр? — напрямик спросил он, заработав сердитые взгляды и от своей сестры, и от леди Понтсби.

Гейбриел снова вздохнул, взял с кресла шляпу и плащ и с торжественным видом направился к двери.

— С вашего разрешения ваша сестра и я собираемся вступить в брак как можно скорее. Я полагаю, ей хочется устроить свадьбу в деревне. Боскаслы, конечно, будут настаивать на другом. Мне же безразлично, где именно будет происходить венчание, но, как мне кажется, маркиз предпочел бы сыграть эту свадьбу в домашней обстановке, в своем доме.

Леди Понтсби ахнула от восторга. Элетея могла бы отреагировать множеством способов — Робин был слишком изумлен, чтобы обращать на нее внимание, несмотря на ее главную роль в этом неожиданном спектакле. Он был почти готов придушить Гейбриела за оскорбления — предполагаемые, если не определенные. Но теперь, когда Боскасл намерен стать его зятем, ему придется проглотить свои претензии и сделать хорошую мину.

— Но... когда это произошло? — спросил он вслед удаляющемуся Гейбриелу.

— Семь лет, четыре месяца и тринадцать дней назад, если говорить точно. — Гейбриел остановился в дверях и мрачно улыбнулся Элетее. — Прибавьте или отнимите пару часов.

Он не понимал, что он делает, понимал только, что причинил ей боль сегодня ночью и продолжал причинять еще большую. Теперь, когда он показал себя полным дураком перед ней и ее родней, он уже не знал, имеют ли на самом деле значение ее отношения с Одри Уотсон.

Сможет ли он любить ее вечно, если она была тайной куртизанкой? Это не могла быть долгая и успешная карьера, и нельзя сказать, что сам он не водился со жрицами любви и не искал прямых приглашений в заведение Одри. Но ведь есть разница: он мужчина.

И опять-таки он раздавал себя безвозмездно. Куртизанка же по крайней мере устанавливает цену своим милостям.

От одной только мысли, что она ложилась с другим мужчиной из любви или денег, ему делалось плохо.

Как он дошел до столь унижительного для мужчины состояния? Он — страдает! Этому не было объяснения. Но он знал, что никогда в жизни не испытывал столь противоречивых чувств. И не мог представить себе ничего такого, от чего ему могло бы стать еще хуже, — пока не увидел, что у экипажа его поджидают трое двоюродных братьев — Хит, Дрейк и Девон Боскасл — трио черноволосых синеглазых дьяволов.

Он нахмурился и сел напротив Девона.

— Я не в настроении обсуждать мои личные...

— Это Элетя так изукрасила твое лицо? — спросил Девон с сочувственной гримасой. — Если так, я бы сказал, что она тебя очень любит.

Гейбриел раздраженно посмотрел на кузена. Его смущало, насколько они — и по внешности, и по манере держаться — похожи один на другого, что было, как он боялся, доказательством мощи рода Боскаслов.

— Разве у вас нет жен, которые ждут вас дома с вашими шерстяными халатами и мисками овсяной каши?

Дрейк рассмеялся:

— У меня такое ощущение, что скоро ты сам присоединишься к этому почтенному клубу.

Скорее, чем думают все. По крайней мере Гейбриел надеялся, что так оно и будет, если только Элетя не сообщает в данный момент Робину, что она передумала. Он удержался и не оглядывался на особняк, пока карета, покачиваясь, не двинулась по улице. Хорошо уже то, что Боскаслы, зная о его безнадежном влечении к Элетее, не выясняют, насколько он околдован ею.

— А вам не приходит в голову, что мои личные дела вас не касаются?

Девон с насмешкой заметил:

— Ты родился в неправильной семье. У нас не существует понятия «личное дело». Каждый грех или скандал мы совместно изучаем и обсуждаем самым внимательным образом.

— Господи, — пробормотал Гейбриел, воздев глаза к небесам так, будто в его жизни уже случалось, что помощь приходила с этой стороны.

Нет. Это не совсем так. Насколько он помнил, молился он дважды в жизни. Один раз, когда у его матери была сильнейшая лихорадка и врач сказал, что она умрет. Она не умерла.

Вторая просьба к Всемогущему была обращена тогда, у позорного столба, когда на площадь выехала карета Элетеи. Он молил Бога, чтобы она его не заметила. Она заметила.

А как насчет того, что он родился в неправильной семье? Он не собирается показывать, что ему приятно быть признанным ею, но это же заставляет его задаваться вопросом — что случилось с его родными, отбившимися от дома братьями? Не важно, сколько раз он сам настойчиво твердил себе, что ему нет дела до исчезнувших братьев, он все равно чувствовал их отсутствие в своей жизни. Есть ли у него племянники и племянницы, которых он никогда не видел? Какая-то часть его души сетовала на эту утрату. Как будто его тело лишилось нескольких частей.

Семья не может излечить все горести, но помогает вынести их.

Хит подался вперед:

— Бодрись, кузен. История твоих грехов не сорвется с наших губ, даже если меня будут пытаться изящные ручки моей сестры Эммы. Она презирает низкие сплетни.

— Но это не гарантирует, что другие не станут говорить о твоём дурном поведении на людях, — поторопился добавить Дрейк.

Девон вытянул свои длинные руки и ноги.

— В действительности это гарантирует, что все преступления, которые ты совершаешь, будут до твоих последних дней подвергаться суду общественного мнения.

Гейбриел посмотрел по очереди на каждого из своих синеглазых кузенов.

— И вы по доброте ваших сердец взяли на себя труд собраться в моем экипаже сегодня ночью, чтобы преподать мне этот никчемный урок?

Хит посмотрел на него:

— Мне бы хотелось отвезти тебя кое-куда.

— А если я скажу, что не желаю ехать на какую-то увеселительную прогулку с твоим семейством?

Хит улыбнулся:

— Полагаю, нам придется переубедить тебя.

Элетея неловко сидела в кресле, пила из кружки снятое молоко, а брат и леди Понтсби расспрашивали ее о поразительном объявлении Гейбриела — об их помолвке.

— Это довольно неожиданно, — проговорил Робин четвертый раз подряд.

Леди Понтсби подняла глаза от журнала мод.

— Они знают друг друга семь лет. Осмелюсь заметить, что если они будут ждать и дальше, нам придется планировать похороны, а не свадьбу.

— Когда состоится брачная церемония? — спросил Робин у сестры.

Она нахмурилась, прихлебывая из кружки и всуе мечтая, что лучше бы в кружке был херес, а не снятое молоко. В эту ночь ей необходим херес, или она вообще не переживет ее.

— Это хороший вопрос.

Леди Понтсби отложила журнал в сторону.

— Церемония состоится в Лондоне? Я так поняла?

— Вам лучше спросить у моего... у Гейбриела, — со вздохом ответила Элетея.

Леди Понтсби с любопытством смотрела на нее.

— Ну что ж, это бросает иной свет на его сегодняшнее поведение. Можно предположить, что у него была серьезная причина уйти с бала. Можно предположить, что он отправился к ювелиру за кольцом для вас.

Ее голос плыл поверх мыслей Элетей, поверх бури, бушевавшей в ней. Она любила его отчаянно, но в данный момент она почти жалела, что не проехала мимо него в тот день, когда он стоял у позорного столба. Ее родители были правы.

Девочкой она решилась сунуться туда, куда не следует. Все попытки отца заставить ее вести себя соответственно своему происхождению оказались бесполезны. Она полюбила юношу, стоявшего у позорного столба, а потом притворилась, что довольна, когда ее обручили с этим безнравственным подлецом Джереми.

Ее родители и Джереми умерли. Она надеется, что их души обрели покой. Потому что она обрела свободу — неожиданную и более ценную, чем было прилично признать. И с этой свободой и неприличностью она обрела также и страдания, о которых толкуют все лучшие люди этого мира. Возможно ли обрести любовь без страданий?

— Вы что-то сказали? — спросила она у кухни со смущенным видом. — Я задумалась.

Леди Понтсби смотрела на нее со снисходительной улыбкой.

— Вполне понятно, дорогая, что вы рассеянны — при таких-то обстоятельствах.

Через четверть часа после того, как это маленькое общество разошлось и Элетея, простившись, отправилась к себе, кухня прокралась к ней в спальню, чтобы продолжить разговор.

— Не знаю, что произошло сегодня, но я вижу, что была какая-то ссора. Я надеюсь, вы с Гейбриелом преодолеете ее.

— Я не уверена, что это возможно, Мириам.

— Вы любите друг друга, и это — главное.

— Но ведь вы не знаете, что произошло, — сказала Элетея.

— Я знаю, что он вернулся ночью и что вы хотели, чтобы он вернулся. Все остальное устроится.

Гейбриел тяжело вздохнул, поняв, что они едут в самый привилегированный бордель на Брутон-стрит. Усиленно охраняемый и пользующийся дурной славой, дом Одри Уотсон привлекал и впускал только самых избранных клиентов из высшего общества и лондонского полусвета.

Наслаждения, которые можно было получить в отдельных кабинетах, обходились в хорошенькую сумму. Для тех мужчин, которые не искали эротических удовольствий, заведение Одри предлагало прекрасный набор вин и блюд, а также разговор и общество талантливых гостей. Художники, поэты и политики часто посещали салон Одри. Гейбриел когда-то жадно пользовался этой привилегией — войти и познать чувственные удовольствия этого дома.

Теперь существовала только одна женщина, которую он желал, а ей здесь было не место. Ее место — рядом с ним, и он должен быть уверен, что ее отношения с Одри не имеют никакого темного смысла.

— Это что, шутка? — спросил он у кузенов.

Дрейк с грустью усмехнулся.

— Насколько я помню, ты однажды привез сюда мою жену, чтобы сыграть со мной шутку.

Гейбриел против воли улыбнулся. Господи, каким испорченным малым он был!

— Но ведь все кончилось хорошо, верно?

— Благодарности от меня не жди, — ответил Дрейк беззлобно.

— Поторопись, Гейбриел. — Хит открыл дверцу. — Мы все, кроме тебя, женаты, и эта наша небольшая экскурсия может попасть в газеты, если мы не поостережемся. Обойди ворота слева. Сторож проводит тебя по потайной лестнице. Одри ждет. Мы заедем за тобой через час.

Через несколько минут Гейбриела провели по внутренней лестнице борделя в личные апартаменты Одри — комнаты, загроможденные надушенными письмами, книгами, двумя пуделями и молодым человеком, которого вывели тем же путем, каким Гейбриел явился на аудиенцию к владелице сераля.

— О, Гейбриел, — пробормотала она, медленно оглядывая его с ног до головы, — любовь придала вам страстный вид, перед которым я просто не могу устоять. Это Элетя съездила вам в глаз?

Он вскинул руки, не отвечая, потом уселся на единственное свободное место в комнате — на кушетке рядом с Одри. Если она полагала, что он будет смущен или станет настаивать на том, чтобы остаться стоять, у него найдется что сказать ей. Он не собирался грубить — он просто был сбит с толку настолько, что его совсем не волновало это приглашение в личные комнаты одной из самых популярных в Лондоне куртизанок.

Она нахмурилась, словно прочла его мысли:

— Ради Бога, Гейбриел, вы не можете хотя бы притвориться, что обращаете на меня внимание?

Его взгляд медленно прошелся по ней, пристальный, оценивающий.

— Простите, — сказал он, тяжело вздыхая.

— Как поживает ваша матушка? — спросила она, беря его за подбородок и поворачивая лицом к свету.

Он отодвинулся.

— Что?

— Синяк темнеет с каждой минутой. Ваша матушка — герцогиня. Мне так хотелось побывать на ее свадьбе. В конце концов, сколько французских герцогов мне суждено встретить в жизни? Вы туда не поехали?

— Я не только не поехал, я ничего не знал — разве моя мать вышла замуж? За французского герцога? — спросил он, и его потрясение было достаточно искренним, чтобы вытеснить из головы все другие горести. Хотя бы на некоторое время. Он откинулся головой на парчовую подушку. — Должен ли я понимать, что вы вызвали меня сюда, чтобы поздравить с замужеством моей матери?

— Должна ли я понимать так, что вы следили за мной сегодня на балу у Грейсона?

— Ну и что с того? Это был бал. И вы разговаривали в саду, а не в исповедальне.

— Это был приватный разговор.

— А я, как будущий муж Элетеи, полагаю необходимым быть в курсе ваших отношений с моей женой.

Она поджала губы, не совсем скрывая улыбку.

— Ваша будущая жена. И она любит вас. Это и было главное, о чем мы разговаривали.

— Мне кажется, что в этом упрощенном объяснении отсутствует большая часть... например, как вы познакомились и по какой причине в прошлом году — и это видели — Элетея была у вас в доме.

Ее глаза сузились.

— Кто это вам сказал?

— Значит, она была у вас.

— Я ничего подобного не утверждаю, — сказала Одри язвительно. — Я говорю только, что она вас любит.

Гейбриел кивнул:

— Да. Но я не могу не задаваться вопросом, скольких мужчин она еще «любила» до меня.

Полуулыбка Одри не подтвердила и не успокоила его опасения.

— Разве это имеет значение? Стала бы она менее желанна вам, если бы была такого сорта женщиной, которых вы еще недавно находили неотразимыми?

Он сжал губы.

— Это другое дело. Я хочу на ней жениться.

— Как сильно? — с любопытством спросила она, наклонив голову набок.

— Настолько сильно, что я никогда в жизни не приду сюда и не посмотрю ни на какую другую женщину.

Она задумчиво усмехнулась:

— Влюбленный Боскасл — это воистину страшная сила. Вы очень сильный, Гейбриел. Полагаю, сегодня ночью мне будет сниться этот разговор. Как это вам, мужчинам из рода Боскаслов, удастся вносить во все столько пыли?

— Скажите мне правду.

— Я уже сказала. Она вас любит. Это очень просто, не так ли?

— Черт побери, Одри. Вы знаете, о чем я спрашиваю, — она приходила сюда работать? Она спала с кем-то из этих мужчин, которых я встречал там, внизу? Или напротив которых я сидел за карточным столом? Я должен знать.

— Тогда спросите у нее.

Он встал, разочарованный, испуганный, — но все же ему нужна была правда.

— Я думаю, вы всегда любили ее, — тихо сказала она, когда он повернулся к ней спиной. — А теперь она возвращает вам вашу любовь. Остается только доказать, что вы — ее герой.

— Ее герой? — Он оглянулся, покачал головой: — Я оставляю вас, мадам, находясь в еще большем замешательстве, чем был, когда вошел сюда.

— Вам совершенно незачем вообще уходить, Гейбриел, — сказала она с обворожительной улыбкой.

Но он ушел еще до того, как она успела что-либо добавить к своим словам.

Гейбриел торопливо спускался по главной лестнице, меньше всего думая о приличиях. То есть о том, чтобы самому придерживаться приличий по крайней мере. Отношения Элетеи с Одри Уотсон оставались тайной, требующей разгадки. Но как заметила Одри, он жил на самом краю приличного общества все время, сколько себя помнил.

Игрок. Негодяй. Вчера по уши в долгах, сегодня с деньгами. Отчим бил его по голове, крича о его бестолковости прямо в ухо так часто, что он частично потерял слух, с одной стороны, и подозревал, что, с другой стороны, его умственным способностям был нанесен ущерб.

Однако он выжил. Благодаря силе воли, унаследованной им от его отца, и упрямству французской крови, унаследованной от матери, ему удалось стать хорошим кавалерийским офицером, непобедимым игроком и составной частью печально знаменитой ветви его семьи.

А Элетея не изгнала его из своей жизни — благословенное чудо, учитывая, что она видела его в худшие моменты его жизни и не отказалась от него, по причинам, которых он никогда не мог понять. Он любил ее. И кто бы не любил ее, находясь в здравом уме? Что она в нем нашла? Он был человек подозрительный, неискренний, порывистый и вдобавок в шрамах.

Гейбриел знал только одно: когда его сбивали с ног, он поднимался, часто шатаясь, оцепеневший и онемевший, но иначе он не мог. В тот день, когда он не сможет поднять свое закаленное в боях тело с земли, — он умрет. Жизнь нападала на него. Он в ответ нападал на нее и на самого себя. Он никогда не стремился быть героем, возможно, кроме тех моментов, которые касались Элетеи, и если она считает его храбрецом, ну что же, он хорошо постарался, чтобы одурачить ее, вот и все.

Гейбриел спустился по лестнице в холл на нижнем этаже, глядя на картины, которые призывали его к тому, что теперь можно назвать его прошлой жизнью. Куртизанки выставляли напоказ утонченную красоту; их искусство считалось в Лондоне легендарным. Гейбриел узнал выдающегося члена военного министерства, секретаря Ост-Индской компании и какого-то виконта, который прославился как художник-портретист. Затем он услышал, как кто-то зовет его по имени; он остановился в нерешительности, и одетая в темное женщина появилась из-за буфета, подняв бокал бренди в знак приветствия.

— Время к полуночи, Золушка. Я должен вернуться домой.

Они с Дрейком прошли к двери вместе в дружелюбном молчании, а там чопорный дворецкий миссис Уотсон поклонился им и щелкнул костлявыми пальцами. Появились два лакея с факелами, чтобы осветить им дорогу до экипажа.

— Могу ли я помочь вам чем-либо, чтобы ваша дорога домой была более приятной, лорд Дрейк... сэръ Гейбриел? — спросил дворецкий, также крепко заведенный, как континентальные часы.

Дрейк быстро прошел мимо него.

— Мы завершили ночь. Если я могу дать...

Гейбриел взглянул на только что прибывшего гостя, который задержался на нижней ступеньке, и его взгляд мгновенно стал жестко-презрительным. Он остановился, в то время как Дрейк продолжал свой путь к карете. Человек в вечернем плаще на леопардовой

подкладке узнал его и криво улыбнулся:

— А, сэръ Гейбриел, вижу, мы опять встретились — и опять в доме блудницы.

Дрейк повернулся, его красивое лицо потемнело.

— Прошу прощения, сэръ? Вы обратились к моему кузену?

Легкое движение Дрейка послужило каким-то знаком. Еще мгновение — и его братья Хит и Девон Боскаслы присоединились к нему на тротуаре, их кучер и два лакея стали позади в нескольких шагах. Гейбриел посмотрел на зловещие дубинки, которые держали в руках его кузены, потом твердо покачал головой.

Это было его сражение.

— Лорд Хазлетт, — холодно сказал он, — я и вправду очень надеялся, что мы с вами снова встретимся. Между нами осталось кое-что недоговоренное.

Гай смотрел мимо него в освещенный свечами холл борделя. У него было жесткое лицо человека, обладающего привилегиями, привыкшего использовать других, человека, который действительно уверен, что имеет право делать то, что ему заблагорассудится. Теперь, когда он стоял перед сэром Гейбриелом Боскаслем и его двоюродными братьями, он, казалось, предполагал, что они разделяют его пренебрежительное отношение к женщинам и ко всему миру вообще.

— Гейбриел, — сказал он с покровительственной улыбкой, — мы с вами джентльмены, которые имеют общую слабость. Я допустил бы небрежность, если бы не сообщил вам, что Элетея Кларидж ничем не лучше девушек из заведения миссис Уотсон.

Гейбриел видел, как Девон шагнул вперед, словно желая защитить его. Он сделал резкий жест, и его кузен отступил.

— Что вы имеете в виду, Хазлетт? — спокойно спросил он.

Гай огляделся, словно только сейчас заметил, что они с Гейбриелом не одни.

— Неужели вы околдованы, ею, друг мой? Она того не стоит. Мой брат собирался жениться на ней, и он уже вскрыл ее для вас. Я уверен, вы оцените тот факт, что вам не придется почать очередную девственницу. Я полагаю, поначалу она оказала сопротивление.

Если он и сказал что-то еще, Гейбриел этого не услышал, потому что в голове у него взревела кровь. Он шагнул вперед, сжав кулаки. Почувствовал, как кто-то — Дрейк или Девон — положил руку ему на плечо, пытаясь остановить. Но он не собирался останавливаться. Он понимал, что они только хотят помочь ему. Но он всю жизнь сам воевал за себя.

Однако, честно говоря, он никогда еще не дрался за то, что значило для него так много, разве только за мать. Такой страсти он не испытывал даже в битве при Ватерлоо.

Гейбриел ударил Гая прямо под подбородок и с удовольствием услышал, как хрустнули кости. Наверное, он разбил себе костяшки пальцев, но ничего не почувствовал. Стон боли, который издал Гай, означал, что у того по меньшей мере сломана челюсть, а это не даст ему возможности раскрыть рот пару месяцев.

— Пошли, Гейбриел, — дружески сказал Дрейк через плечо. — Нехорошо творить беззаконие прямо перед свадьбой. Подожди недельку-другую.

Гейбриел выпрямился с намерением потребовать, чтобы его кузен убирался прочь и не лез в чужие дела, но тут Гай вдруг подскочил к нему и ударил в глаз.

Под правым веком Гейбриела вспыхнули яркие искры, он наткнулся спиной на крепкую фигуру Дрейка, и тот толкнул его обратно к Гаю, пробормотав при этом:

— Дай ему от меня как следует по яйцам. Это был грязный удар. Ударить человека,

когда он отвернулся. Будь я на твоём месте...

Эти слова поощрения упали на благодатную почву нарастающего гнева. Гейбриел, парализованный пульсирующей болью в глазу, не обращая внимания на куски окровавленной кожи, висящей на его костяшках, еще раз ударил Гая. И еще раз. Он наносил удары, пока Хазлетт наконец не откинулся назад и не рухнул на ступеньки, не делая больше попыток подняться.

Понадобилось мгновение, пока до Гейбриела дошло, что именно сказал Гай. Теперь темное измышление распространилось у него в голове как тень. «Он уже вскрыл ее для вас». Мужчинам свойственно грубо шутить по поводу секса. Братья делятся тайными своими победами, преувеличивая свои подвиги, чтобы другим было завидно. Половина таких разговоров — всего лишь чепуха и напыщенное хвастовство, цель которых преувеличить собственную мужественность.

Но насмешка Гая намекала на жестокость и насилие. И теперь внезапно Гай понял — или ему показалось, что он понял, — почему Элетея не любит произносить имя Джереми. Почему она упрекала Гейбриела за то, что он вернулся слишком поздно.

«Сделайте так, чтобы я забыла, Гейбриел».

Забыть о чем?

Его не было там, чтобы защитить ее. Она была унижена так глубоко, что не могла признаться в этом никому. Он был идиотом, он не помог ей быть откровенной после пережитого унижения. Он все сделал плохо, без размышлений, без чести.

Но еще не поздно. Пусть он и Элетея разбиты на части, но они принадлежат друг другу и всегда принадлежали. Вместе они образуют целое существо.

Теперь он понял, что сегодня своими ревнивыми упреками причинил ей боль вместо того, чтобы уловить то, чего не сказали она и Одри. Гейбриел сглотнул появившуюся в горле горечь. Он предстал перед ней в образе, ничем не лучшем, чем образ того ублюдка, который ранил ее.

— Гейбриел, Гейбриел. — Кто-то сзади схватил его за плечи. — Пойдем в карету. Ты высказал свою точку зрения очень красноречиво. Посмотри на меня, кузен. Сколько пальцев я поднял?

Он развернулся не задерживаясь, чтобы понять, на кого он нападает.

Мускулистое предплечье преградило дорогу удару, который он собирался нанести. Он качнулся назад, обрел равновесие и посмотрел на указательный палец кузена Девона, которым тот водил у него под носом.

— Ты получил сильный удар по голове, Гейбриел. Сколько пальцев я поднял?

С презрительным фырканьем Гейбриел отвел в сторону руку кузена:

— Ты меня не одурачишь. Ты машешь перед моей физиономией вовсе не пальцем. Это твой причиндал, и весьма тощенький. Я бы постыдился показывать его на людях.

Девон рассмеялся:

— Ни к чему прибегать к личным оскорблениям. Пошли.

— Но я еще не закончил.

Девон взглянул на тело в плаще, распростертое в полубессознательном состоянии на ступенях крыльца Одри. Два лакея уже были рядом, готовые унести Гая, чтобы его не было видно прохожим. Такое зрелище может показаться великосветским гостям просто оскорбительным.

Из дома вышел младший дворецкий, бросил одобрителный взгляд на Боскаслов, потом

сказал лакею:

— Отнесите эту особу на свалку. Миссис Уотсон не желает, чтобы его впускали в дом или чтобы он пачкал ее вход. Нам нужно поддерживать свою репутацию.

Гейбриел повернулся к трем мужчинам, стоящим полукругом. Он грустно улыбнулся. Никто еще, за исключением Элетеи Кларидж, не вставал на его защиту так решительно. Гейбриел даже подумал, что не заслуживает такой преданности.

Черт, он хорошо постарался, доказывая, какой он негодяй, а теперь должен сделать последний выбор — либо доказать тем, кто любит его, что он хороший человек, либо доказать, что он бездарь, как утверждал его отчим.

Хит положил руку ему на плечо:

— Мы возвращаемся на бал. Ты с нами?

— На бал?

— У Грейсона день рождения, — сказал Дрейк, прислоняясь к дверце кареты. — Ты помнишь — задумано, что члены семьи и близкие друзья соберутся, когда все остальные уйдут?

Гейбриел устало улыбнулся:

— Я ценю приглашение и в любой другой раз счел бы за честь отпраздновать совершеннолетие Грейсона.

— Но? — спросил Девон, усмехаясь так, точно у него не было никаких забот в жизни. — Еще одна карточная игра?

Гейбриел покачал головой:

— Нет. Я должен вернуться домой.

Дрейк отошел от кареты.

— Домой, в пустой лондонский особняк? — насмешливо спросил он.

Гейбриел ничего не ответил. Не было смысла пытаться лгать своим двоюродным братьям, людям, которые раньше распутничали так же, как и он, но теперь изменили образ жизни. Они видели его насквозь, и не стоило притворяться, что ему все равно. Он любит, он собирается начать самую крупную азартную игру в своей жизни.

— Я еду домой, в Хелбурн-Холл, — сказал он.

Хит кивнул:

— Хорошо, подкинь нас по дороге к Грейсону. Там мы выпьем за тебя.

Три дня подряд шел дождь. В старый тис, который рос над рекой, попала молния, и он упал на мост, ведущий к Хелбурн-Холлу. Несколько отважных деревенских мальчиков и пара девочек уже придумали забаву — переходить по нему на другой берег.

Луговину залило, травы выросли за ночь и теперь доходили человеку до пояса. В лунном свете каменные стены, отделявшие поместье Элетеи от Хелбурн-Холла, обернулись медленно перемещающимся сырым туманом. Воистину осень не за горами, предсказывали фермеры. Их жены тревожились, но не смели говорить вслух о том, что иные из самых дерзких душ усопших рискнут подпасть под вечное проклятие, не вернувшись к местам упокоения, после того как посетят своих любимых накануне Дня всех святых. Дьявол всегда берет то, что ему причитается. И любовь не послужит им оправданием.

Элетея предпринимала долгие прогулки под дождем, притворяясь, что не смотрит то и дело на дорогу в надежде, не появится ли там некий темный рыцарь. Не признавалась она и в том, что смотрит из окна по ночам, чтобы подсчитать, не горит ли больше, чем обычно, свечей в окнах со средниками в доме Гейбриела. Ее брат заметил, что было бы безрассудно отправиться в путь в такую погоду и что Гейбриел просил ее руки и сдержит свое слово.

Но она знала, что Гейбриел не принадлежит к тем людям, которых буря может остановить, коль скоро они решили совершить то, что хотят. Месячные у нее наступили, и она сказала себе, как это удачно — что он не оставил ее с ребенком в утробе. Ведь даже повеса не захочет взять испорченную собственность.

Он полюбил леди Элетею, чистую и безупречную. И если его расстроило то, что он видел, как она разговаривает с Одри Уотсон, даже представить себе невозможно, что случится, если она признается, что он — не первый познавший ее тело.

Но она обещала ему сказать правду. Вернется ли он, чтобы она могла сдержать свое слово?

На четвертое утро после ее возвращения домой небо очистилось и радуга выгнулась над холмами. Она надела старое платье из серо-зеленого муслина и поношенные полусапожки и стала убирать из конюшни грязное сено. Конюхи работали рядом, поглядывая, как она управляется с вилами. Если они и предполагали, что она хочет проткнуть некоего джентльмена, у них хватало ума не вмешиваться; а в том, что леди Элетея трудится на конюшне, не было для них ничего необычного.

Поздним вечером, доведя себя до изнеможения визитами, которые могли бы и подождать, она уселась в горячую поясную ванну и оделась к ужину, а потом передумала и растянулась на кровати, открыв окна. Она удивилась, что уснула, ведь на душе у нее была такая тяжесть. Но несмотря ни на что, даже сквозь сон она слышала стук копыт, звучащий все ближе и ближе, пока...

Элетея села, дрожа больше от предчувствий, чем от холода, а земля у нее под окнами гремела в одном ритме с ее бьющимся сердцем. Кто-то въехал верхом в ее сад.

Она спрыгнула с кровати и поспешила взглянуть, кто он, этот всадник, властно вторгшийся в их сад, гарцующий среди клочковатых гераней и амарантов, уцелевших после недавней бури. Он сидел на самом великолепном из всех коней, каких она видела в жизни, — сером арабском скакуне. Жидкий лунный свет подчеркивал гордо выгнутую шею животного и лоснящийся круп и освещал его всадника — он сам был таким же

великолепным животным.

Ей страшно хотелось увидеть их обоих ближе, и когда она вновь обрела дыхание, чтобы окликнуть Гейбриела, он привстал в стременах и перемахнул без всяких усилий через южную стену, так что у нее замерло сердце.

— Вы позер! — тихо воскликнула Элетея и увидела, как он слегка обернулся и помахал ей рукой, изображая галантного кавалера.

Он проехал легким галопом в сторону холмов, потом повернулся с легкостью, которой она позавидовала.

— Только не сломай шею этому великолепному животному, да и себе тоже, — прошептала она, отворачиваясь от окна.

Элетея сбегала вниз по лестнице в темноту и в сад, наполовину уверенная, что и всадник, и этот чистокровный конь снова исчезнут. Но Гейбриел ждал ее у стены, все еще сидя верхом на мускулистом арабе, который изящно поднял голову при ее неуклюжем появлении.

— Вы не одеты для прогулки верхом, — заметил Гейбриел, окинув ее взглядом, таким властным и тоскующим, что она чуть было не забыла, что поклялась жить без него.

Да, она не могла жить без него. Боль, которую причинил ей Джереми, — ничто по сравнению с болью, которую ей пришлось бы пережить, если бы Гейбриел не вернулся. Потому что ему она отдала себя по доброй воле, зная, что она теряет как женщина.

Гейбриел вернулся совсем не как джентльмен, но как темная неуправляемая сила, которую он всегда представлял собой, что было хорошо, поскольку и она считала себя скорее цыганкой, чем леди. Мятежный мальчик, который, как предсказывали ее родители, уведет ее с дороги всех добродетелей, почитаемых высшим обществом, если она не поостережется.

— Вы знаете, который теперь час? — спросила она.

Гейбриел усмехнулся:

— Нет. Разве слишком поздно, чтобы поехать покататься верхом?

Сердце у нее ныло от счастья при виде его, хотя ей ничего не стоило стереть с его лица эту греховную улыбку.

— В такой час? Вы сошли с ума. Только безумец...

— Или безумно влюбленный...

— ...может мчаться галопом на таком... таком красивом коне.

— Он вам нравится. Хорошо. Это вам подарок к свадьбе. Мои кузены посоветовали купить вам бриллианты. Я уверил их, что вы предпочтете хорошую лошадь.

— Уверены в себе, да? — с вызовом спросила она, подняв к нему лицо.

— Вовсе нет. Но я хотел бы быть уверен в вас. — Он протянул руку в перчатке и схватил ее за запястье. Колени у нее подломились, но дух оставался крепким, несломленным. — Поедьте со мной.

Она рассмеялась, неопределенно и восторженно.

— Если нас кто-нибудь увидит...

— ...он убедится, что слухи о том, что я похищаю девушек, правдивы. — Гейбриел наклонился и усадил ее перед собой.

Их тела очень удобно подошли друг другу на неоседланной спине жеребца.

Она повернулась к Гейбриелу, он обхватил ее руками, и смех ее замер.

— Я обещала вам, что скажу правду, когда мы в следующий раз будем вместе.

— Не нужно ни о чем волноваться, Элетея.

— Нет. Вы давно хотели ту девушку, какой я была.

— Я хочу вас такой, какая вы теперь, — спокойно сказал он.

— Вот как? Я не чиста. Я погибшая, обесчещенная — вся невинность, которую вы считаете такой очаровательной, погибла.

— Элетея.

— Когда-то я была чистой, теперь нет. Когда мы ласкали друг друга, я уже не была девственна.

Он поцеловал ее в шею.

— Я знаю.

Элетея оттолкнула его руку.

— Нет, вы не знаете. Вы не можете... разве только Одри вам рассказала? О, она действительно вам рассказала. — Голос ее дрогнул.

Гейбриел вздохнул. Воздух обжег ему легкие, чистый воздух, без примесей копоти или запаха мыловарни. Он не даст ей уйти, хотя она и извивалась, чтобы вырваться.

— Одри ничего мне не говорила.

Она выгнула шею, чтобы посмотреть на него.

— Значит, вы не знаете. Вы не понимаете, что произошло.

— Понимаю. Я встретил в Лондоне лорда Хазлетта после того, как вы уехали из дома вашего брата.

Элетея замерла и побледнела.

— Гай рассказал, что сделал его брат?

Гнев сжал ему горло, и он сглотнул. Жаль, что Джереми мертв, иначе он убил бы его. Жаль, что он не убил Гая, когда у него была такая возможность. Жаль, что у него не хватило духу остаться в Хелбурне, чтобы не заставлять ее снова страдать.

— Проклятие! — воскликнул он грубо. — Я желал вас не из-за вашей чистоты.

— Да? — Она опустила голову ему на плечо. Ее темные локоны упали ему на колени. — Вы говорите это не в первый раз.

Он кашлянул.

— Только потому, что я считал, что вам понравится, что я... ну, что я не влекусь к нечистоте, как утверждает моя репутация.

— Одри была добра ко мне в ту ночь, когда это случилось.

Ему стало тошно, стыдно при воспоминании о тех выводах, которые он сделал.

— Жаль, я не знал этого.

— Я не могла вам сказать, — проговорила она, легонько вздохнув.

— Почему же?

— Вы смотрели на меня так, словно я всю жизнь стояла на пьедестале.

Он крепко обнял ее и пришпорил коня. Араб стал на дыбы.

— Вы видели меня когда-то у позорного столба, и если я тогда поставил вас на пьедестал, то ничто из случившегося с вами не способно умалить вас в моих глазах.

Элетея затаила дыхание, когда Гейбриел почти втащил ее наверх по потрескивающей лестнице Хелбурн-Холла.

— Что это было? Что-то пролетело у меня над головой! — шепотом спросила она.

— Я ничего не видел. — Гейбриел рассмеялся. — Это могла быть летучая мышь или пуля. Нет, это была не пуля. Все слуги к этому часу напиваются и крепко спят.

— Летучие мыши? — переспросила она, и голос ее эхом отдался от стен. — А я-то думала, что это только слухи. Я знала, что это не дом, а позорище, но — летучие мыши...

— Владелец, насколько мне известно, еще хуже. — Он увлек ее к балюстраде, его крепкое тело возвышалось над ней. — Я бы сказал, что и ему, и его дому очень нужна хозяйка.

Его возбужденная плоть упиралась в нее сквозь штаны из оленьей кожи. Ее охватило неожиданное желание исследовать тайны его мужского тела. Элетея выдохнула и обвила рукой его шею, а он поднял ее на руки.

— Я бы сказала, что хозяйке потребуется хороший запас щелочного мыла, лестница и несколько пар крепких рук.

Улыбка медленно расплылась по его лицу.

— У хозяина есть пара крепких рук, но они собираются ласкать вас сегодня ночью. Мы можем перейти в конюшни, если вам хочется поваляться по-деревенски. Там теперь все так же выскоблено, как утесы в Дувре.

— И так же холодно, полагаю, — сказала она, и голос ее на миг прервался при мысли о его руках на ней.

Гейбриел преодолел остальные ступени, неся ее на руках, пинком ноги распахнул дверь в спальню, бедно обставленную — огромная дубовая кровать, стол с поцарапанной опускающейся столешницей и умывальный столик в углу. Высокие со средниками окна были открыты ночному ветру, точно как и у нее в комнате.

Он уложил ее на свою не приготовленную к ночи кровать, и она задрожала, а потом зарылась в подушку, хранившую его запах. Его твердое лицо волновало ее. Элетея дрожала при мысли о том, что она подчинится его самым порочным желаниям. Во что она превратилась? Не важно. Она принадлежит ему.

— Я по-прежнему слежу за вами из окна, — пробормотал он, стягивая перчатки, чтобы расстегнуть ее платье из муслина цвета зеленого яблока, вышитые нижние юбки и шелковую сорочку. Он сел рядом с ее обнаженным телом, его рука скользнула по ее спине к ягодицам. — Хотя должен признаться — я предпочитаю лицезреть вас отсюда. Вы не возражаете, если я зажгу свечу, чтобы лучше видеть?

Она вынырнула из подушек и схватилась за лацканы его тяжелого шерстяного фрака.

— Нет, возражаю. Вы просто снимите с себя одежду и согрейте меня.

Его глаза потемнели.

— Я сделаю еще лучше.

Она выгнула спину:

— Я очень хочу тебя.

Он припал к ней и целовал ее до тех пор, пока она не стихла под ним со вздохом.

— Я твоя.

И когда его рука скользнула меж ее бедер, она задрожала от предвкушения и приподнялась навстречу его Прикосновениям.

— Гейбриел, ты нужен мне. Мне нужно чувствовать тебя внутри.

— Я ждал всю жизнь, чтобы услышать это.

Гейбриел отодвинулся, чтобы снять с себя рубашку и панталоны, выпрямился на миг, словно понимая, как дразняще выглядит его скульптурное тело.

— Я не могу дышать, когда ты вот так смотришь на меня. Я хочу, чтобы ты потрогала меня.

Элетея рассмеялась и открылась ему охотно, доказывая, что он по праву считал ее своей тогда, давно, когда, будучи упрямой молодой девушкой, она избрала его своим рыцарем.

— Я не стану ждать тебя еще семь лет, Гейбриел.

— И слава Богу, — пробормотал он, — потому что я не думаю, что смогу продержаться и семь минут.

Он поцеловал ее, а потом стал на колени между ее раздвинутыми бедрами и погрузился в ее интимный жар. Она застонала и напряглась, чтобы втянуть его в себя как можно глубже. Но он хотел растянуть ее наслаждение и дразнил ее мелкими уколами, пока она не начала двигаться в медленном возбуждающем ритме. Потом она приподнялась на локтях и сказала:

— Я сделаю все, что ты попросишь.

— Все? — Он поднял брови. — Леди Элетея, я уверен, что сбил вас с пути истинного.

— Разве вы забыли, что я не образец совершенства из вашего прошлого? — прошептала она.

— Вот и прекрасно. Что такому человеку, как я, делать с образцом совершенства?

— И что же ты предлагаешь?

Она закусила губу, опасаясь, что потеряет рассудок.

«Герой с горячей кровью», — подумала она.

Ее тело отвечало не только на его требования, но и на собственные поиски. Он улыбнулся, словно все понимал. Мужчина. Женщина. Гейбриел и Элетея. Почему на это потребовалось столько времени?

— Ты еще зажата, — проговорил он сквозь зубы. — Не думаю, что ты готова к тому, что я хочу сделать.

— Я готова играть.

— Да? Мне нравится играть. — Он медленно вошел в нее, потом вышел, наблюдая, как она старается перевести дух. — И я всегда выигрываю.

— Только не в вист.

— Но сейчас я играю в свою игру.

Элетея с вызовом ответила на его заявку и этим вызовом разбила цепи, которые ее сковывали. Воспитание, унижение, притягивание одинокой судьбы — все это был обман, с которого его рука сорвала покровы. Ей не верилось, что она могла выйти замуж за другого человека, понимая в глубине души, что именно лицо Гейбриела она видела в снах и что именно его жаждала всякий раз, когда проезжала мимо деревенской площади, где он был опозорен — и где украл ее сердце.

А теперь она была в постели с самым испорченным мальчиком Хелбурна. Если все пойдет согласно природе, к этому времени через год она будет бегать с младенцем на руках по деревенской лужайке. Элетея молила даровать ей силы, она провела руками по его спине. Она не могла втянуть его в себя достаточно глубоко; ей никогда не удастся быть слишком

близкой к тому, кого она любила всю жизнь.

Он вошел глубже. Элетя встретила его с радостью, пока не почувствовала, как раскалывается надвое.

Гейбриел проснулся час спустя. Ноги его запутались в простынях, на которых была вышита монограмма предыдущего владельца Хелбурн-Холла. Он долго не шевелился, лежа в несравненном блаженстве. Элетея спала, и он смотрел в серьезном раздумье на ее спину.

Прежде для него это было то самое время, когда он, потихоньку одевшись, ускользнул бы из спальни. Теперь он не ощутил никакого желания уйти, но только острую благодарность за то, что она его не покинула.

— И я не позволю тебе уйти, — тихо сказал он.

— Нет, позволишь, — послышался в дверях сердитый голос.

Гейбриел сел, медленно протянул руку за пистолетом, лежавшим на столике у кровати. Но когда он узнал фигуру, перешагнувшую через порог, опустил руку и положил ее на плечи Элетеи. Она не пошевелилась. Гейбриел прислонился к изголовью кровати, слегка наклонившись, чтобы защитить ее.

— Я предостерегал ее насчет вас, — сказал незваный гость.

Это был тот вор, которого Гейбриел поймал в лесу.

И этот юный мерзавец не только ворвался в спальню Гейбриела, но угрожающе размахивал той самой шпагой, украсть которую ему не удалось в тот раз.

Гейбриел натянул одеяло на плечи Элетеи.

— Все предостерегали ее насчет меня. Как тебя зовут?

— Гейбриел.

Он рассмеялся.

— Кто это дал тебе такое имя?

— Люди из прихода, которые приняли меня, когда я сбежал из сиротского приюта. Они сказали, что я напоминаю им одного человека. — Шпага у него в руке слегка задрожала. — Вы причинили ей боль?

— Нет. С чего ты взял?

— Я видел, как она плакала в лесу на прошлой неделе, а вас здесь не было. А теперь... — он не смотрел на кровать, — вы здесь.

— И она тоже. Я женюсь на ней. Эта шпага, похоже, слишком тяжела. Лучше бы ты положил ее, Гейбриел.

— А она хочет выйти за вас? Гейбриел посмотрел на ее профиль.

— Да. — Он поднял глаза и насмешливо улыбнулся: — А ты собрался драться со мной, если бы я причинил ей боль?

— Нет. Я бы убил вас.

— Отчаянная смелость. Положи мою шпагу.

— Вы уверены, что с ней все в порядке?

— Да, — ответил Гейбриел. — И еще я уверен, что если она проснется и поймет, что ты видел ее здесь, она очень огорчится.

Гость попятился от кровати.

— Оставь шпагу у двери, — сказал Гейбриел, по-прежнему не двигаясь.

Мальчик пожал плечами, но опустил руку и вздохнул с облегчением.

— Ты любишь лошадей? — с любопытством спросил Гейбриел.

— Господи, ну еще бы!

— И ты стал бы драться, чтобы защитить леди Элетею? Почему?

Тот снова пожал плечами:

— Она хорошо ко мне отнеслась. Но я не помешался на ней, если вы на это намекаете.

Гейбриел улыбнулся:

— Я не намекаю. Но мне понадобится новый конюх для ее лошади.

— Того араба, что у вас на конюшне?

— Я подумываю заняться разведением чистокровных лошадей. Если тебя это интересует, приходи завтра ко мне на конюшню.

Тот пылко кивнул.

— И еще, Гейбриел.

— Чего?

— Ты никогда больше не поднимешь на меня оружие, но если кто-то будет угрожать леди Элетее...

— Я знаю, что делать.

Элетея вздохнула и повернула голову.

— Гейбриел, — пробормотала она с улыбкой, — ты что-то сказал?

Он почувствовал желание защитить ее и ощутил телесное томление.

— Мне нужно отвезти вас домой. Уже почти рассвело.

— Обними меня. Я не хочу уезжать.

— Мне тоже не хочется, чтобы вы уезжали, но не стоит опять сердить вашего брата. Завтра с утра я поеду к нему, и мы обо всем договоримся.

— Он не понимает, что произошло между нами, — сказала она.

— Это неудивительно. Но когда мы все вернемся в Лондон, чтобы присоединиться к моей родне и спланировать нашу свадьбу, обещаю, что буду вести себя лучше некуда.

Элетея коснулась его плеча. Она всегда любила сочетание загара и крови Бурбонов на его темном, смуглом лице.

— Как вы думаете, ваша матушка придет?

— Сомневаюсь. Очевидно, она вышла замуж за какого-то герцога.

— Французского герцога?

— Так мне сказали. — Он покачал головой. — Я получаю от нее вести всего два раза в год. Она присылает мне деньги. Я отсыпаю их обратно.

Элетея прижалась к его груди.

— А ваши братья?

— Понятия не имею. — Он посмотрел в окно. — Они живут своей жизнью. Будь я постарше, я мог бы уехать вместе с ними, но... но я не мог оставить мать с отчимом.

— А вы бы вернулись?

— Да, в конце концов, но я ни за что не остался бы здесь, если бы не вы.

— А вы любили бы меня, если бы я стала куртизанкой и работала бы в заведении миссис Уотсон?

Он понял, что рискует разгневать ее, поэтому сказал первое, что пришло в голову, потому что никогда не держался золотой середины, имея дело с женщиной.

— Да. Каждый мужчина хочет иметь куртизанку своей женой, допуская, что она будет только его куртизанкой, и... — Он затолкал ее под себя, пригвоздив к кровати своим тяжелым мускулистым телом. — Я, наверное, обидел вас. Так что я не дам вам встать, пока вы меня не простите.

Элетея изогнула губы в усмешке.

— Я не обиделась. Но возможно, заинтересовалась.

Гейбриел заглянул ей в глаза.

— Я бы женился на вас, даже если бы вы стали прусским гусаром.

Она рассмеялась:

— Это невозможно.

— Мы бы нашли способ, — сказал он, переворачиваясь на бок. — Светает. — Он задумчиво посмотрел на ее колдовское тело, пылающее после ночи, проведенной в его постели. — Давайте оденемся, пока вы снова не соблазнили меня.

— Гейбриел! — Голос у нее был мягкий, задумчивый.

— Да? — Он наклонился и обхватил губами ее сосок.

— Вы разговаривали с кем-то, когда я спала?

— Да. — Он поднял голову. — С Гейбриелом.

Она встала с кровати, и он окинул взглядом ее роскошные груди и бедра. Вся эта атласно-персиковая кожа и чувственная красота принадлежит ему навсегда. Его глаза следили за ее изящными движениями, когда она наклонилась, чтобы поднять с пола чулки. Ее распущенные волосы разметались по кровати, по его ногам.

— Вы разговаривали с самим собой? — спросила она удивленно, подняв глаза и держа в руке нижнюю юбку.

Он замялся, бросив взгляд на шпагу у дверей. Он найдет способ рассказать ей об этом, не признаваясь, что ее юный защитник застал их в постели.

— В некотором смысле. — И отчасти это было правдой, потому что он понимал, что она, возможно, видела в своем найденыше часть его самого, ту часть, которая хотела сразиться с миром. — Я привлек вас только тем, что был испорченным мальчишкой? — небрежным голосом спросил он, натягивая штаны из оленьей кожи.

Элетея откинула волосы с лица; ее карие глаза улыбались.

— Настолько же, насколько я привлекла вас потому, что была совершенной леди.

На следующий день Гейбриел и брат Элетей договорились, что свадьба состоится в Лондоне в Михайлов день. Когда Роберт рассказал об этом леди Понтсби, сидевшей как на иголках в ожидании этого сообщения, та облегченно вздохнула так, что было слышно в соседней комнате, где Элетея писала письма дамам семьи Боскасл, которые отнеслись к ней дружески и которые скоро станут ее родственницами.

— Михайлов день? — пробормотала леди Понтсби. — День, когда Люцифер был низвергнут с небес?

— Если существует какое-нибудь суеверие, по которому в этот день не следует венчаться, прошу вас, не говорите об этом моей сестре.

— Единственная известная мне примета, касающаяся Дня святого Михаила, гласит, что не следует есть ежевику после этого дня, потому что на нее плюнул дьявол.

— Значит, будем надеяться, что если к свадебному завтраку подадут ежевику, наш дьявол будет рядом и скормит ее своей молодой жене.

Всю неделю шла оживленная переписка, письма путешествовали между сэром Гейбриелом, его старыми друзьями и Боскаслами, между графом, его сестрой Элетеей, их друзьями и семейством Боскасл.

— Господи! — воскликнула леди Понтсби, с удовольствием разбирая письма и

маленькие подарки, которые приходили каждый день. — Можно подумать, что она выходит замуж за какое-то учреждение.

— Семья Боскасл и есть учреждение, — сухо заметил Робин. — И при этом пользующееся самой дурной славой.

Договорились, что неделю перед свадьбой они проведут в Лондоне, выполняя светские обязанности и делая покупки для невесты, по поводу которой старшая кузина сетовала, что та одета как деревенская мышка. Элетея отвечала, что у них все равно не будет времени для настоящих примерок. Но, вспомнив небрежную элегантность дам из семьи Боскасл, с которыми встречалась во время поездки в Лондон, она сама внезапно почувствовала себя немодной.

Три первых дня в Лондоне она провела с кузиной и Хлоей, виконтессой Стрэтфилд, которые с неиссякаемой энергией таскали ее от модистки к портнихе, шьющей манто, а оттуда к белошвейке. Вечером четвертого дня она была приглашена к Джейн Боскасл, маркизе Седжкрофт, на домашний вечер.

На то же время Гейбриел был приглашен одним из офицеров полка, в котором он служил, на званый ужин, устроенный с целью оплакать одного из лондонских повес, угодивших в ловушку, расставленную священником.

Званный ужин был устроен в Мейфэре, в доме лорда Тимоти Пауэлла и его любовницы Мерри Рейберн, популярной молодой актрисы из «Друри-Лейн», которая некогда возлагала надежды на то, что сможет объявить Гейбриела своим покровителем. Хотя другие мужчины, богаче и старше, домогались ее, она была опьянена им почти целый год, что слишком долго для честолюбивой куртизанки. Утверждали, что герцог Веллингтон считал себя ее поклонником. Несколько памфлетов, выставленных в витринах лондонского магазина печатной продукции, намекали на настоящую связь между ними. Мерри отрицала эти обвинения, как и сам герцог. Теперь она довольствовалась Тимоти, который не был ни так красив, ни так волнующ, как Гейбриел Боскасл. Он принадлежал к людям, склонным к приключениям, и два раза дрался на дуэлях, защищая ее честь.

Теперь, когда Гейбриел собирался жениться — во что никто не хотел верить, — и жениться на леди, которая, кажется, мало интересовалась амурными забавами высшего общества, надежды покорить его казались Мерри совершенно ничтожными. Однако ей удалось на несколько секунд увлечь его в холл, когда он шел наверх в игорную комнату.

— Мерри? — Казалось, он был неловко удивлен, очутившись наедине с ней. — Я хотел встретиться с Тимоти, — сказал он, и во взгляде его не было никакого намека на то, что когда-то он чуть было не завел с ней роман. — Великолепная вечеринка! Наверное, последняя для меня в качестве холостяка. Я...

Он был так вежлив, так официален по сравнению с тем повесой, которого она знала, что Мерри поняла — она потеряла его навсегда как вероятного покровителя. Но гордость не позволяла ей окончательно снять его со своего крючка. Она утешала себя подозрением, что его мужские инстинкты были повреждены при Ватерлоо. Иначе почему бы такой повеса вдруг оказался приверженцем банальностей, прежде всегда им презираемых? Она считала, что находится в расцвете красоты, и отклонила несколько других предложений до того, как Тимоти выдвинул свои щедрые условия покровительства. Ей говорили, что Гейбриел в постели несравненен. Она хотела заполучить его, хотя бы на один раз. Он был восхитителен, он был опасен, а женщины обожают опасность.

— Вы влюблены, Гейбриел? — тихо спросила она; такая возможность казалась ей тем более интригующей, что сама она вряд ли когда-нибудь испытает подобное бедствие.

Удачливая куртизанка не смеет думать о таких понятиях, даже если она иногда по ошибке может возыметь интерес к одному из своих поклонников. Если Гейбриел действительно влюбился в свою деревенскую леди, Мерри и ее когорте оставалось только удивляться, как это могло произойти и как они упустили возможность уловить его неуловимое сердце. Никто из них не нацеливался на Гейбриела как на вероятного мужа.

Мерри стала прямо у него на пути. Она воплощала собой все мыслимые соблазны. Это была стройная, не больше двадцати одного года, начитанная молодая красавица с пепельными волосами, весь смысл жизни которой заключался в том, чтобы доставлять удовольствие.

— Вот уж никак не думала, что мы лишимся вашего общества, — добавила она, грустно вздохнув. — Вы что, обязаны на ней жениться? — спросила она, как если бы то, что он обрюхатил сестру графа, как-то могло объяснить внезапность венчания.

Он рассмеялся.

— Да, я влюблен, и я обязан на ней жениться, хотя бы по одной той причине, что не могу представить, как буду жить без нее. Ваше любопытство удовлетворено?

Мерри сочла невозможным обидеться на его откровенность.

— Гейбриел, я должна признаться, что мое любопытство скорее уязвлено, чем удовлетворено. Я никогда не представляла себе, что вы способны на постоянные отношения. Он усмехнулся ей в лицо.

— Я и не был на них способен. Я мог бы всю жизнь простоять у позорного столба, дожидаясь, когда она меня освободит.

Мери, наморщила носик.

— Какое ужасное ощущение! Надеюсь, после женитьбы вы не станете относиться к нам платонически. Вы были весьма заманчивым гостем — в качестве игрока.

— Кстати, я как раз иду в игорную комнату. Не хотите ли сопровождать меня? Я уверен, Тимоти скучает без вас.

— Идите без меня. Я не хочу всю ночь дышать сигарным дымом.

Он повернулся. В холле не было лакеев, чтобы проводить заблудившегося гостя.

— Это слева, да?

— Да, — рассеянно ответила она, потому что с низу лестницы ее позвал чей-то голос. — Третья комната от конца — по диагонали от моей спальни, хотя это вас не может интересовать. Дверь открыта. Она всегда открыта для вас.

Гейбриел рассмеялся, а Мерри устремилась вниз, только раз обернувшись на него с многообещающей улыбкой.

— У нас мог быть красивый роман, Гейбриел. Вы никогда не узнаете, что упустили.

Гейбриел покачал головой и снова пошел по холлу, заглянув с удовольствием в роскошно обставленную спальню Мерри: одеяло из атласа цвета янтаря было разложено на ночь. Вино и бокалы стояли на подносе рядом с блюдом с рыхлым белым сыром, бисквитами и пирожными с малиновым кремом.

И все это ничуть не показалось ему соблазнительным.

Выйдя из спальни, он услышал позади легкий звон стекла, за которым последовали приглушенные шаги. Неужели у Мерри есть тайный поклонник, спрятавшийся там? Который теперь вышел из укрытия или вообще не был приглашен? Он мысленно пересчитал количество гостей, с которыми сидел за ужином. Пятеро ушли с Тимоти играть в карты. Остальные остались внизу.

Гейбриел вновь вошел в дверь.

Окно, выходящее на аллею, было открыто, и прохладный ветерок шевелил занавеси. Он затылком почувствовал опасность. Маленький кувшин с каким-то косметическим средством лежал разбитый на полу. Не порыв ли ветра сбил его с туалетного столика? Не похоже, если учесть расстояние от столика до окна.

Он прошел по комнате и посмотрел вниз, в переулок. Там был еще один дом, угловой, в котором находился игорный притон. Он увидел нескольких хорошо одетых мужчин, которые играли на балконе, то были аристократы, которые имели достаточно средств, чтобы играть и часто проигрывать.

Он отвернулся от окна и только тут заметил мужчину в маске, стоявшего в дверях туалетной комнаты, и мужчина этот смотрел на него.

Однако на сегодняшней вечеринке маскарада не предполагалось.

— Вы заблудились, сэр? — спросил у него человек властным голосом.

Гейбриел обогнул кресло. Этот глубокий грудной голос разбудил в нем смутные воспоминания. Неужели это кто-то из Боскаслов, решивший устроить розыгрыш в последнюю ночь его холостяцких походов?

Гейбриел подавил усмешку. Он вполне заслужил, чтобы его карту побили после всех порочных комбинаций, разыгранных им вместе с его кузенами, особенно с Дрейком и Девонем, которые были приглашены на эту вечеринку, но так и не появились. Если он не будет держаться поосторожнее, то скорее всего окажется в повозке с турнепсом, едущей по Пиккадилли, или на какой-нибудь другой вечеринке, на которой будут все женщины и игроки, у которых на него есть зуб.

Мысль о том, что придется вытерпеть еще одну вечеринку, вызвала в нем нетерпеливое желание увидеть Элетею. Его друзья стали бы смеяться, если бы узнали, что он скорее предпочтет играть в вист с ней, чем в фараон с иностранным принцем, которому совершенно наплевать, выиграл ли он или проиграл целое состояние.

Но он выглядел бы никудышным игроком, если бы по крайней мере не притворился, что поддерживает их шалость, хотя и не мог определить, кто этот джентльмен-шутник в маске. А их разговор с Мерри — была ли то часть заранее задуманного плана заманить его в эту комнату?

Он мог только воображать последующие унижения, если бы согласился на ее предложение. Это была одна из грязных шуток, в которых он сам принимал участие прежде.

Гейбриел расслабился и посмотрел на этого человека внимательнее.

Не кузен ли это Девон Боскасл, который в качестве разбойника с большой дороги требовал поцелуев от своих жертв-женщин, что принесло ему короткую, но нескромную известность? Он прищурил глаза.

Нет, это не Девон.

Этот человек был немного шире в плечах, и в нем чувствовалась какая-то странная тайна — как будто он дразнит Гейбриела, призывая узнать его. Похоже, надо заставить его снова заговорить.

— А вы не заблудились, сэр? — спросил Гейбриел, подходя ближе.

— Нет, — удивленно ответил незнакомец. — Но поскольку все считают, что это именно так, я был бы вам очень признателен, если бы вы не извещали их об этом. Полагаю, я могу вам доверять.

Гейбриел пытался определить, чей это голос.

— Вы из тех, кто жаждет меня разыграть?

— Когда-то такое вполне могло случиться, — ответил человек насмешливо.

— Значит, вы Боскасл?

— Да. А вы, насколько я понял, вскоре вступаете в брак.

— Вы приглашены на свадьбу? — небрежным тоном спросил Гейбриел, стараясь не спугнуть этого человека, чтобы он продолжал говорить.

Маска и плащ с капюшоном мешали увидеть лицо, но манеры незваного гостя казались смутно знакомыми.

— Увы, я не смогу там присутствовать.

— Однако теперь вы собираетесь сыграть партию в карты? — с любопытством спросил Гейбриел.

— Если честно — нет. Я собирался уйти.

— Через окно спальни ваших хозяев? Это не говорит о хороших манерах.

— Но я не уверен, что мисс Рейберн сама всегда придерживалась хороших манер. Так говорят.

Гейбриел кивнул, словно был участником этого маскарада.

— Для чего я пришел сюда сегодня? Слишком долго рассказывать. Я очень постараюсь вести себя как мальчик для битья.

За дверью послышались тихие шаги. Человек в маске резко вскинул голову:

— Вы ведь меня не узнали, не так ли?

В голове у Гейбриела появилось некое подозрение. Это не мог быть никто из его кузенов.

— Доминик? — предположил он. — Муж Хлои?

Пока человек мялся, в голове у Гейбриела вновь шевельнулись давно похороненные воспоминания.

— Вы участвуете в розыгрыше? — напрямик спросил он. — Если да, то пора покончить с этим. Я приму свое поражение как мужчина.

Шелест шелковой ткани за дверью мог бы остаться незамеченным мужчинами, менее привыкшими к приключениям в полумраке. Оба они одновременно повернулись и посмотрели туда, откуда доносился звук. Первым желанием Гейбриела было сбежать. Но потом он напомнил себе, что впервые за более чем десять лет не совершил ничего такого, чтобы ему потребовалось бежать или прятаться.

Сегодня он был почетным гостем в этом доме. Присутствие же другого человека в этой комнате еще не объяснено. Возможно, он вовсе не шутник. Возможно, Мерри имеет склонность к джентльменам в масках, рыщущим рядом с ее спальней. Она особа развратная, и только тут он понял, что будет достаточно трудно и неловко объяснять причину, по которой он сам, Гейбриел, оказался здесь.

Ему вовсе не хотелось, чтобы его застигла здесь сама Мерри или — что еще хуже — другой гость, который, ясное дело, решит, что Гейбриел не замыслил ничего хорошего. Через несколько дней он вступает в брак. Элетей ни за что не поверит, что он ни в чем не виноват. И кто станет ее упрекать за это?

— Полагаю, мне следует уйти, — торопливо проговорил Гейбриел. — Наверное, эта леди ищет вас. Откровенно говоря, вас она встретит с радостью. — Он оглянулся на замаскированного гостя, который украдкой скользнул в соседнюю комнату. — Подождите минутку, — пробормотал он. — Не оставляйте меня одного с женщиной, которая претерпела столько неудобств, чтобы пригласить вас в свою постель.

Плечи человека, скрытые плащом, затряслись от смеха.

— В свою постель? — Он запер дверь и повернулся, чтобы открыть окно, выходящее в переулок, запруженный маленькими каретами, повозками и наемными экипажами. — Могу я просить вас об одолжении?

Гейбриел шагнул к нему ближе, фыркнув от удивления. Как он выпутается из этой истории?

— Вы ведь не собираетесь выпрыгнуть?

— Именно что собираюсь. Я с удовольствием поболтал с вами, но боюсь, что нам придется продолжить наш разговор в другое время.

Замок щелкнул под рукой, как будто то была не рука, а фомка или лом. Гейбриел оглянулся и заметил только, что два ящика фанерованного комода не были до конца задвинуты.

— Вы грабитель, — с отвращением сказал он. — Вы не любовник и не шутник Боскасл. Человек снова рассмеялся, попятившись к окну.

— Вероятно, я шучу не те шутки, о которых вы думаете. Приятно было снова повидаться с вами. Сожалею, что не смогу присутствовать на вашей свадьбе. Насколько я помню, ваша невеста очень хороша собой. Мне кажется, вы поступаете правильно.

Гейбриел вытащил из сапога кинжал.

— А мне кажется, что мне не следовало так сердечно разговаривать со взломщиком.

— И это ты, Гейбриел, ты стал моралистом? Хотелось бы мне остаться и выяснить, как такое могло случиться с моим младшим братишкой-грубияном, о котором я всегда вспоминал с такой нежностью. Полагаю, я должен гордиться тобой. Когда-нибудь тебе придется объяснить, как это у тебя получилось.

— Брат! Это ты. Ты!

Дверь отворилась, и какая-то брюнетка, тоже в маске и в костюме времен Елизаветы, осторожно прошла по комнате.

— Где вы, демон? — прошептала она низким голосом. — Я всю ночь следовала за вами.

— Для партнерши голос у нее звучит не очень-то дружелюбно, — насмешливо заметил Гейбриел, прислонившись к стене.

— Не выдавай меня.

— Еще чего. С какой стати мне помогать тебе? Ты никогда ничего не делал для меня.

— Я отплачу за благодеяние. — Белые зубы человека блеснули в знакомой усмешке, и Гейбриел опустил нож.

— Ты негодяй. Ты тот самый жулик из Мейфэра, чьи преступления приписывают мне.

— Рад был увидаться с тобой, Гейбриел.

И фигура в плаще съехала вниз по веревке, которая была прикреплена к подоконнику снаружи, повисела пару секунд в воздухе, а потом приземлилась на повозку с сеном.

Второй человек появился из проулка, вспрыгнул на повозку и тронул с места пару пегих пони. Гейбриел бранился, глядя, как воры исчезают в ночном мраке, и тут почувствовал нечто, уткнувшееся ему в ребра, — это, вне всяких сомнений, было дуло пистолета.

— Подними руки и медленно повернись. Клянусь, я пристрелю тебя, если ты попытаешься выпрыгнуть из окна. И когда это ты успел переодеться?

В шесть часов вечера того же дня — это был четверг — Элетея вышла из особняка своего брата на Кавендиш-сквер и уселась в одну из самых великолепных карет, в каких ей доводилось ездить. Будучи младшей сестрой графа, она скорее сконфузилась, чем пришла в восторг, как бывает с теми, кто привык трястись в почтовых каретах. К тому времени, когда два заботливых лакея усадили ее в экипаж, запряженный шестеркой белых лошадей, ржущих в аристократическом нетерпении, толпа любопытных прохожих собралась на мостовой.

Кто-то вслух высказал предположение, не обзавелся ли маркиз Седжкрофт любовницей.

Она высунула голову из окна и сказала:

— Вообще-то нет. Он верен маркизе.

Среди собравшихся оказалась ее кузина, леди Понтсби, с мужем, которые только что вернулись с лекции. Леди Понтсби одобрительно кивнула Элетее, задрала нос и коротко велела зевакам дать ей пройти. Когда из этого ничего не вышло, высокий, устрашающего вида лакей отошел от кареты, стуча каблуками, и надменно потребовал дать дорогу леди и ее мужу.

— Вы не могли бы сказать, куда меня везут? — спросила Элетея у этого неприятного типа, узнав в нем старшего лакея маркиза, того самого, который вел ее по потайным коридорам в доме своего хозяина.

Он был в парике, длиннонос и проявлял заботливость по отношению к этой молодой красивой леди, которая, как ему сообщили, станет желанным звеном в династии Боскаслов.

Сообщив ей, что его зовут Уид — о чем ей уже было известно, — он добавил, что у него есть брат по имени Тистл, тоже состоящий на службе у Боскаслов, и что не существует ничего, слишком незначительного для них — или для тех, кто ниже их по должности, — чего они не исполнили бы, коль скоро это сможет облегчить жизнь Элетей.

По сему случаю он самым тщательным образом осмотрел просторную карету изнутри, дабы удостовериться в ее удобном устройстве. Очевидно, все соответствовало его понятиям до тех пор, пока его острый взгляд не упал на поношенные синие атласные туфельки Элетей.

Ей показалось, что она услышала, как у него в горле булькнуло, словно он сейчас задохнется. Кровь бросилась ей в лицо. Во всем ее гардеробе не было ни одной туфельки без какого-нибудь пятна, царапины или расшатавшегося каблука.

— Меня везут на встречу с маркизом? — спросила она, и перспектива приватной встречи внезапно встревожила ее, хотя только что она была совершенно спокойна. Не было никаких причин бояться снова, встретиться с Грейсоном, но вся эта суэта говорила о важности встречи и нервировала ее.

— Нет, миледи, — серьезно ответил лакей. — Вы приглашены на легкий ужин к маркизе и другим дамам из семейства Боскасл.

— Боже мой! Я не уверена, что одета подобающим образом для такого случая. — Насколько помнила Элетея, маркиза могла бы позировать для модного журнала.

Уид постучал по крыше с успокаивающей улыбкой.

— Мы кое-куда заедем по дороге, а потом все будет хорошо.

Элетея уютно устроилась под отороченным горностаем покрывалом, предложенным ей для удобства, поняв, что она в хороших руках. Если у этого Уида есть другие родственники, кроме Тистла, какие-нибудь там Данделион, Бурдок или Торн, которые ищут места, она —

если родственники это одобряют — попросит их поступить в услужение к ее мужу. Перспектива вернуться в Хелбурн-Холл при его отвратительном состоянии и растить там детей Гейбриела заставила ее помрачнеть.

Карета двигалась по улицам и вскоре подъехала к какой-то неосвященной лавке. Молодая женщина выглянула из окна кареты и совсем не удивилась, когда в верхнем окне лавки мелькнул свет, и вскоре кто-то позвал Уида. Не прошло и пяти минут, как старший лакей вернулся с двумя коробками, которые он осторожно положил на сиденье напротив Элетей:

— Это знак внимания от леди Седжкрофт.

Карета снова покатила. Элетей смотрела на улицу и вдруг увидела молодого человека, незнакомца, сидящего на мостовой. Он смотрел на нее с благоговением. С того дня, когда она стала свидетельницей унижения Гейбриела у позорного столба, она ни разу не ездила в карете без того, чтобы не вспомнить об этом. Даже когда она была счастливо обручена с другим. Далее когда она знала, что Гейбриел далеко и сражается рядом с ее братом и своими двоюродными братьями.

Возможно, в сердце у нее всегда будет существовать нежная гавань для таких потерянных, испорченных мальчишек и девушек, которые не могли не любить их. И Гейбриел, кажется, разделял это сочувствие, потому что, хотя он не желал признавать, что его натуре присуща какая-то мягкость, она узнала перед отъездом из Хелбурн-Холла, что он взял под свое крыло своего тезку.

Наконец карета остановилась. Элетей посмотрела на коробки, принесенные Уидом, и поняла, что их нужно открыть.

— Вы готовы, миледи? Я провожу вас в дом, — сказал Уид в окно кареты.

Она быстро открыла первую коробку и нашла среди восхитительной экстравагантности тисненой бумаги пару серых шелковых туфель. Во второй коробке лежала легкая шаль из серебристого кашемира, сверкающая воздушным сиянием, точно паутина вечером в разгар лета.

Она надела туфельки, накинула на плечи шаль, которая прекрасно подходила к ее платью цвета синей бури, и ответила:

— Я готова, но... это ведь не дом маркиза.

Уид поклонился и помог ей выйти из кареты.

— Это дом его старшего брата лорда Хита, миледи.

— Лорда Хита! — воскликнула она, широко раскрыв глаза. Она не познакомилась с Грейсоном на его вечере, но в деревне Элетей и жена викария с удовольствием смеялись над печально известной карикатурой на интимные органы лорда Хита, которую его жена нарисовала в шутку, потеряла и которая ходила по всей Англии. — Господи, — пробормотала она. — Он ведь очень грозный, да? Тот, кого у них в семье называют Сфинксом.

— Лорда Хита нет дома, — сообщил Уид, и его тонкие губы скривились, что должно было означать улыбку. — Его жена и другие леди из этой семьи ждут вас.

Именно Джулия, жена Хита, и произнесла приветственные слова Элетее, когда та вошла в гостиную. На самом деле это собрание больше походило на посвящение в сонмище привлекательных молодых ведьм. Элетей не знала, как ей самой отнестись к тому, что она почувствовала себя своей в этой компании сплетниц точно так же, как оно было в тот вечер, когда они приняли ее в свой круг. Леди прервали разговор на середине, чтобы поздороваться

с Элетеей и предложить ей выпить что-нибудь на выбор. Едва она села, их оживленная беседа возобновилась.

— Мужчины Боскаслы — все хитрецы, — заявила Джулия, подняв свой бокал с вином для придания большей убедительности своим словам.

— Возражаю, — откликнулась Хлоя Боскасл с дивана, где она полулежала, положив голову на плечо своей невестки Джейн. — Женщины Боскаслы не менее хитры. Мы давно славимся своей хитростью, которой мы вооружились как средством самозащиты.

— Джейн и я не Боскаслы по рождению, — заметила Джулия, наливая вина Элетее. — Но я тоже считаю, что хитрости нам не занимать.

— Что доказывает мою теорию, — сказала Хлоя. — Мужчины Боскаслы заставили вас научиться коварству.

— Я была коварна еще до того, как встретила Грейсона, — призналась Джейн с лукавой улыбкой. — Если бы я не вышла за него замуж, моя репутация погибла бы.

— Но именно мужчина Боскасл заставил вас впервые пуститься на хитрость, — сказала Джулия.

Джейн пожала плечами:

— Верно. О, как мне нравятся ваши шаль и туфельки, Элетей!

— Благодарю вас, — сказала Элетей с благодарной улыбкой. — Они великолепны.

— У Элетей безупречная репутация, — сказала Хлоя. — Или вы скрываете какую-то мрачную тайну?

— Она не должна признаваться ни в чем до свадьбы, — парировала Джейн. — И я чувствую себя обязанной заметить, что ныне отсутствующая здесь Эмма, вся до ее изящного носика погруженная в герцогские дела, составляет исключение из всех членов семьи, и мужчин, и женщин, — ее репутация безупречна.

— До вашего прихода, — сказала Хлоя, помахав пальцем в сторону Элетей, — мы пытались сойтись на том, что мужчин Боскаслов — а точнее, всех мужчин — следует дрессировать с самого начала. Полагаю, вы понимаете задачу, которая вас ждет. Гейбриел прожил тяжелую жизнь. Но ведь и мой Доминик тоже.

Элетей раскрыла рот:

— Да, но я...

— Она совершила больше, чем все мы надеялись совершить, — вставила Джейн. — Никто никогда не думал, что Гейбриела можно приручить.

Глаза Хлои озорно блеснули.

— Расскажите, как вы впервые встретились с ним, Элетей. Мы все думали, что Гейбриел никогда не полюбит. Вы, деревенские девушки, такие тихони, но именно в деревне я попала в самую большую неприятность в моей жизни.

Шарлотта Боскасл взмахнула карандашом, призывая к вниманию. Это была стройная блондинка, недавно занявшая пост начальницы школы для молодых леди, которую ее кузина Эмма держала в этом самом доме, пока не стала женой герцога Скарфилда, получившего свой титул по наследству два месяца назад.

— Прошу вас, говорите помедленней. Я записываю историю нашей семьи для потомства.

Гейбриел сунул кинжал в рукав, позволив леди в туалетной комнате подойти к нему, а потом с удивлением повернулся и схватил ее за руку.

— Вы подошли слишком близко, дорогая. Ближе, чем того требует дружеская беседа. И я не думаю, что мы на самом деле встречались.

Она с силой вывернула запястье, словно ожидала, что он станет ее удерживать. Когда он этого не сделал, ее глаза сузились в прорезях маски, скрывавшей ее лицо. Неужели она и его давно потерянный брат вместе прибегли к маскараду с целью проникнуть в еще один дом в Мейфэре? Были ли они партнерами в преступных затеях? Он прислушался к грохоту повозки на улице. А слышал только поток негромких, не подобающих леди ругательств, направленных по адресу его предков.

— Вы не он, — прошептала она разочарованно.

— А кем я должен быть? — спросил Гейбриел, ожидая, что она просветит его относительно последних десяти лет жизни его брата Себастьяна.

Она выглянула в окно, пропустив его вопрос мимо ушей. Гейбриел оставался на месте, рассматривая пистолет, отобранный у нее. Конечно, ему не было нужды выяснять, кто такая эта женщина, заставшая его врасплох, но его интересовало, что она знает о его брате. Он же, Гейбриел, мог бы сообщить ей, что Себастьян с того дня, как смог сесть в седло, стал великим мастером побегов. Она оглянулась на него с упреком:

— Вы дали ему уйти. Вы имеете понятие о том, кто он такой?

Еще бы ему не иметь понятия.

— Я не знаю, кто такая вы и почему вы хотели его застрелить.

— На самом деле я не собиралась...

— Тогда почему...

— Наверное, будет лучше, если вы никогда об этом не узнаете. — Она снова сузила глаза за маской. Ее волосы выбивались из-под края капюшона. — Вы кажетесь поразительно похожим на него.

— Вот как? Ну что ж, я не стану ни спорить, ни соглашаться, потому что видел его только в маске. — Он помолчал. — Не хотите ли вы сообщить мне, почему вы оба так одеты?

— Мы были на маскараде, — медленно проговорила она. — Наш хозяин послал нас на охоту за драгоценностями.

— А-а. И вы проникли в этот дом, вместо того чтобы просто постучать в дверь и попросить владельца о помощи?

— Не совсем так. Мы ничего не крадем. Но правила игры таковы, что мы должны держать в тайне, кто мы такие.

— Тогда почему же ваш компаньон сбежал?

— А как иначе? Ведь это соревнование. Боюсь, я больше ничего вам сказать не могу.

— Вам придется дать ответы властям.

Гейбриел взглянул на высокий комод, стоящий у стены, и вдруг заметил какой-то сложенный лист бумаги, торчащий из приоткрытого ящика.

Он подвинулся чуть в сторону, чтобы она не могла видеть комод. А когда ее взгляд устремился прямо туда, понял, что она и Себастьян были не обычными охотниками за

драгоценностями. И что их маскарад отнюдь не невинен.

Гейбриел почувствовал, как она напряглась. Возможно, он смог бы воспользоваться этим и вытянуть из нее побольше сведений, но в этот момент оказалось, что они уже не одни.

Еще кто-то вошел в спальню. Это была женщина, которая весело окликнула его:

— Гейбриел, это вы меня ждете? В моей спальне? Почему вы передумали, мой дорогой повеса?

Боже, это Мерри. Он заметил ее сквозь щель в двери и скривился. Никто в мире не поверит, что он явился сюда не ради тайного свидания. Никто не поверит, что он застал здесь двух незнакомцев, занятых делом, смысла которого он не понимал, и что один из незнакомцев — его брат.

А второй...

Он повернул голову. Компаньонка его брата исчезла, именно исчезла, бесшумно, как кошка. Он тихонько выбранился и, шагнув к окну, увидел, как она соскользнула вниз по веревке и ловко приземлилась на нога, а ее тяжелые юбки вздулись.

— Что здесь происходит? — спросил мужской голос сзади.

Он попятился от окна. Теперь Мерри стояла прямо позади него, взволнованно разговаривая с хозяином дома Тимоти. Гейбриел посмотрел на нее, радуясь, что она не успела надеть никаких глупостей, ну, скажем, не начала раздеваться, пока он...

Он поманил Тимоти в туалетную комнату.

— По пути в игорную комнату я услышал, как кто-то проник в спальню, и увидел мужчину, который пробрался сюда. Вид у него был подозрительный, и я бросился сюда, чтобы все выяснить. Он же успел сбежать. Посмотрите.

Тимоти и Мерри втроем стали созерцать веревку, свисавшую из окна на улицу.

Тимоти с благодарностью взглянул на Гейбриела:

— Если бы не вы, Боскасл, нас всех могли убить.

— Гейбриел, — лукаво промурлыкала Мерри, — ходят слухи, будто это именно вы последние месяцы грабите дамские комоды в Мейфэре.

Гейбриел улыбнулся:

— Очаровательная выдумка. Я обручен, душой и сердцем, с прекрасной леди. Меня совершенно не интересует нижнее белье других женщин.

— Нижнее белье? — насмешливо протянул Тимоти. — Предполагаемый злодей рылся в...

Все трое одновременно повернулись и уставились на бумагу, торчащую из ящика.

— Моя личная переписка! — в ужасе вскричала молодая женщина. — Если кто-нибудь это опубликует...

— Ваша цена на рынке поднимется, и я не смогу вас содержать, — подхватил Тимоти над ее плечом.

— Вы действительно тот человек, которого разыскивают власти, Гейбриел? — спросила она, неслышайно засовывая письмо обратно в ящик.

Тимоти фыркнул:

— Что за мысль! Но я действительно хотел бы знать, Гейбриел, достаточно ли хорошо вы рассмотрели этого вора, чтобы помочь сыщикам опознать его. Побудьте здесь с Мерри, пожалуйста, а я позову лакея на помощь.

Сэр Гейбриел честно, насколько мог, ответил на все вопросы, заданные ему сыщиками. Знает ли он пробравшегося в дом человека?

Нет. Гейбриел совершенно не знал своего брата. Брат был для него незнакомцем, и именно так он и ответил.

Смог бы узнать его в толпе?

Вряд ли. А если бы и узнал, то не стал бы останавливаться, чтобы возобновить родственные отношения. Не стал он говорить также и о таинственной женщине, которая, кажется, следила за Себастьяном.

Однако у него оставался ее пистолет, но поскольку сыщики, допрашивая его, не задавали вопросов насчет оружия, он не сказал им и об этом. Все равно пистолет не заряжен.

— Джентльмены, — сказал под конец Гейбриел дознавателям, — я сообщил вам все сведения, какие мог, и — сказал ли я, что послезавтра вступаю в брак? Я надеялся провести две свои последние холостяцкие ночи за более интересными занятиями.

Оба сыщика принесли искренние извинения и объяснили, что сами они — простые охотники на воров, а господин констебль из их отдела был вызван на место преступления на Олд-Боун-стрит.

Час спустя тревожные слухи о происшествии с участником маскарада на Мейфэре распространились по Лондону. А самый надежный свидетель, единственный, кто действительно разговаривал с этим человеком, сэр Гейбриел Боскасл, не мог сообщить никакой полезной информации, которая помогла бы найти преступника.

К сожалению, нашлось несколько недоверчивых душ, которые сомневались в заявлении сэра Гейбриела о том, что он встретился с человеком, на которого был, как говорят, очень похож. Не было ли тут хитрого заговора, устроенного, чтобы сбить власти со следа? Некоторые были бы даже уверены в такой возможности, если бы какой-то старый извозчик не заявил, что в ту же ночь он чуть было не столкнулся с повозкой, на которой ехал мужчина, кажется, в маске.

Когда допрос завершился, наконец-то прибыли лорды Дрейк и Девон Боскаслы, чтобы отвезти Гейбриела поразвлечься. Он объяснил им, что случилось, отказавшись входить в детали.

То была его последняя холостяцкая ночь. Завтра вечером он поведет Элетею в театр. Его кузены не могли решить, везти ли его в «Ковент-Гарден», в игорное заведение, пользующееся самой дурной репутацией, или отправиться к миссис Уотсон для весьма серьезного разговора.

В конце концов карточная игра одержала верх. Элетея просто рассердилась бы, если бы он вернулся домой с очередной закладной. Но она вообще перестала бы разговаривать с ним, если бы он пошел к Одри, несмотря на их общую любовь к этой женщине.

И вот они расселись по трем каретам: в одной Гейбриел и его двоюродные братья, в другой группа их приятелей, бывших на вечеринке у Тимоти, а третья содержала в себе компанию прихлебателей, которые пошли бы за Боскаслами куда угодно ради возможности иметь право заявить, что их пригласили сопровождать этот пользующийся дурной славой выводок.

Клуб встретил Боскаслов с радостью. Старые друзья хотели разделить с ними шутку,

выпивку, воспоминания о тех временах, когда они еще не обзавелись женами. Ведь для большинства из них жизнь в Лондоне изменилась. Война закончилась, и мировая экспансия занимала умы всех политиков. Те, у кого хватало ума понять, что потребуется приложить немало усилий для решения проблем родной страны, были не заинтересованы в территориальных завоеваниях в далеких странах. Другие, напротив, стремились заполучить богатства в новых колониях.

Остальные, казалось, были довольны уже тем, что вернулись домой, к мирной жизни. Голова у Гейбриела была слишком занята, чтобы он мог хорошо проводить время. Ему уже наскучил фараон, в который он выигрывал. Его кузены Дрейк и Девон вообще не играли, они разговаривали о политике с членами кабинета. Заядлые игроки появились позже, к ночи. Это было обычное время, в которое и сам Гейбриел прежде являлся сюда.

Но теперь он как раз завершил игру и распределил выигранные три тысячи фунтов стерлингов между своими друзьями. Карточный шулер, которого он обыграл, принял свой проигрыш молча, глядя без всякого выражения на Гейбриела из-под широкополой соломенной шляпы. Гейбриел никогда прежде не играл с ним, но один из его друзей сказал, что этот человек постоянно выигрывает и что он шулер. Это был бывший военный врач Йоркширской армии, который водил дружбу с буйной компанией недовольных солдат.

— Я пойду к Бруку выпить кофе! — крикнул Гейбриел Дрейку. — Здесь мне больше нечего делать.

— Подожди, — откликнулся Дрейк. — Мы все пойдем.

— Встретимся там, — сказал Гейбриел, помахав, рукой. — Мне нужно пройтись.

На самом деле ему нужно было побыть одному, чтобы поразмыслить над ночным происшествием.

Это была, наверное, последняя ночь, проводимая им на лондонских улицах, по крайней мере с целью развлечься. Потребность в подобных развлечениях умерла такой естественной смертью, что он и не заметил, что ее уже нет. В прошлом он мог играть полночи, съесть бифштекс и рыбу в «Ковент-Гарден», а потом еще провести часок в Воксхолле. Существовали клубы, пари на бегах, ужины гурманов и хорошенькие женщины, охотно предоставляющие свои будуары любому повесе Боскаслу. Он наслаждался приключениями.

Но теперь его не соблазняло ничто из того, что он любил прежде. Даже когда он перешел улицу и группа старых товарищей-офицеров окликнула его из кареты, приглашая пойти с ними на Бонд-стрит поесть омаров, он только рассмеялся и отмахнулся.

В теперешнем настроении он не составит им приятное общество.

Он убедил себя, что его вовсе не волнует то, что братья бросили его. В детстве он не мог простить им этого — и тогда, когда его отчим сломал ему руку за то, что он привел в дом бродячую собаку, и тогда, когда этот человек ударил его мать по лицу за то, что та встала на его защиту. Но он вырос, побывал на войне, стал игроком, который живет проигрышами других людей. Он никогда не делал зла тому, кто не напрашивался на неприятности. Даже в том мире, где он вращался, существуют правила игры.

Элетея выбрала его, и он сделал свой выбор — ушел прочь из той жизни, которая рано или поздно убила бы его. Он и его жена будут вместе растить детей и чистокровных лошадей и приводить бездомных собак и даже заблудших мальчишек в свой дом, когда им заблагорассудится. А если он умрет молодым, как умер его отец, он уверен, что его родственники Боскаслы будут опекать его жену и детей после того, как его не станет.

Он мужчина, а дни буйной юности и безответственности миновали. Ему дали шанс

оправдать те надежды, которые его родители когда-то возлагали на него. А мысли об отмщении, прежде воспламенявшие, больше не казались стоящими усилий.

Вот то, о чем он мечтал до тех пор, пока несколько часов назад в его жизни не появился брат.

Внезапно Гейбриел снова ощутил гнев, в нем проснулись демоны, и воспоминания, которые, как ему казалось, были похоронены, ожили вновь, чтобы мучить его. Гейбриел вспомнил, как отчим выплескивал ему в лицо ведро грязной воды, когда ему случалось проспать, или подносил нож к блестящим черным волосам его матери, потому что какой-то деревенский житель сделал ей комплимент на рынке, как книги, которые Гейбриел приносил домой из школы, сгорали в камине. Вспомнил жестокие насмешки над смертью его отца и свои попытки удержать слезы.

Он был один. А братья исчезли. Старший уехал еще до того, как умер отец, но Себастьян и Колин могли бы остаться. С какой стати он должен защищать Себастьяна? Почему он не выдал этого дрянного негодяя властям? Гейбриел ничего ему не должен.

И ничего не хочет от него.

Он свернул за угол, поняв, что оказался не на Сент-Джеймс-стрит, а в переулке, ведущем на Пиккадилли.

И что он не один.

Трое мужчин в темном и два экипажа, стоящих у края тротуара. Мужчины были слишком хорошо одеты, чтобы быть грабителями, и слишком усердно притворялись, что не замечают его приближения.

Гейбриел бросил взгляд на улицу. Шоколадная лавка была давно закрыта; в другую сторону неторопливо шел какой-то пьяница.

Он набрал побольше воздуха, продолжая идти. Один из мужчин поднял глаза. И Гейбриел узнал его. Военный врач из Йоркшира, хирург, которого он обыграл в игорном заведении. С ним двое высоких молодых людей, оживленно ходящих взад-вперед. Он заметил и дубинку, которую держал в руках один из них, спрятав ее под складками плаща.

Гейбриел пробормотал проклятие и на ходу вытащил нож из сапога. Никаких других экипажей на улице не было. Только потрепанная повозка, запряженная ослом, наполненная тряпками и газетами, — черт побери, неужели это та самая повозка, которая...

Он внимательно посмотрел на пьяницу, сидевшего у колеса повозки; в руке у того болталась бутылка. Почудилось ему или на самом деле глаза их встретились?

Это же не... это Себастьян.

Неужели это заговор? Засада?

Не была ли эта последняя игра ловушкой с самого начала? Какой-то политической интригой? Личной мстью, в которой замешана женщина?

Подробности он выяснит позже.

Теперь же нужно реагировать. Он сжал рукоять ножа.

И брата, наверное, он сможет отблагодарить позже — за то, что тот втянул его в стычку с уличной бандой в то время, как послезавтра он должен появиться у брачного алтаря целым и невредимым.

Гейбриел, конечно, понимал, что можно убежать. Он еще мог повернуть назад. Инстинкт говорил ему, что они погонятся за ним, но вряд ли смогут догнать.

По пути ему не попадалась уличная стража с ее остерегающим призывом: «Опасайтесь подозрительных домов». Йоркширский шулер и два его вурдалака были скорее всего

чужаками в Лондоне. Гейбриел мог бы броситься через Халф-Мун-стрит и оторваться от них на Пиккадилли. А тут еще заморосил дождь. Нет, уж лучше драться, чем бежать как трус под дождем.

Ему было интересно узнать, какое отношение имеет его брат к этому неаппетитному делу.

Он окинул взглядом улицу; его шаги отдавались эхом в тумане мороси. Фигура, сидевшая у колеса повозки, не шевелилась, явно отрешенная от мира, со спутанными волосами и лицом, замаранным грязью.

«Хорошая маскировка», — с удовольствием подумал Гейбриел.

Одна из карет отъехала к углу и почти растворилась в туманной мгле, а три человека бросились вперед. Первый упал в грязь от удара Гейбриела, а двое других повисли у него на шее и плечах, пытаясь оттащить в проулок за таверной. Мимо пробежала кошка. Где-то наверху на окне, освещенном свечой, опустился ставень.

— Где мои деньги? — спросил хирург с улыбкой, поднеся скальпель к горлу Гейбриела.

Гейбриел некоторое время не шевелился, припав в обманчивой покорности к груди одного из держащих его. У него был свой план. С невеселой улыбкой Гейбриел отставил ногу, потом пнул одного, другого — тот, что повыше, рухнул навзничь на низкие ступени.

— Отдал на благотворительность, — сказал Гейбриел, отряхивая манжеты. — Если хочешь собрать больше, на соседнем углу есть церковь, которая позволяет просить милостыню.

Хирург вскочил на ноги.

— Мне нужны не просто деньги. — Он брызгал слюной, и большой изогнутый нож блеснул в дождливой дымке. — Мне нужно, чтобы твоя кровь текла в сточную канаву. Мне нужно выпотрошить тебя и скормить лондонским крысам.

Гейбриел вздохнул. Видит Бог, он любил хорошую драку так же, как всякий безработный кавалерийский офицер, но у него уже подбит один глаз, и будь он проклят, если станет произносить брачные обеты, ухмыляясь беззубым ртом.

— Ты дьявольски плохой игрок, — сказал Гейбриел. — У меня нет оснований надеяться, что в драке ты лучше. И ради всех бедных негодяев, которые, наверное, умерли под твоим ножом во имя медицины, я собираюсь сравнять счет.

Сверкнул нож Гейбриела, и в следующий миг он уже держал проклятого дурака у стены, осторожно прижав кончик ножа к его яремной вене.

— По правде говоря, я должен бы тебя убить, но зрелище свежей крови...

Он замолчал, услышав за спиной поспешные шаги, и тут же дубинка опустилась на его плечо. Первый ублюдок, которого он уложил, очнулся и смог ответить. Свой второй удар он нацелил в голову Гейбриела.

Тот присел, повернулся и ударил его головой в живот.

— Держи его! — крикнул хирург, и Гейбриел ударил локтем назад, когда скальпель пронзил его рукав.

Кожу кольнуло. Ничего смертельного. Просто еще один шрам.

— Гейбриел!

Он заметил какое-то движение справа, повернул голову и узнал уличного бедолагу, который сидел у повозки. Двое нападающих тоже его заметили, отвлеклись на мгновение от Гейбриела, и это позволило ему вырваться, а его брат шагнул вперед.

— Кто тебя просил помогать? — воскликнул Гейбриел, поймав шпагу, которую

Себастьян бросил ему.

— Наша мать. — Покрытое грязью лицо Себастьяна расплылось в красивой усмешке. — Кажется, я пренебрегал своими братскими обязанностями по отношению к тебе, и теперь нужно это исправить.

Гейбриел взвесил в руке шпагу и хмыкнул.

— Я не нуждался в своих родственниках — я даже не думал, что они у меня есть, если не считать лондонских кузенов.

Себастьян подошел к Гейбриелу, и они стали плечом к плечу, подняв шпаги и медленно поворачиваясь, готовые встретить врага с любой стороны.

— Ты все еще хочешь отречься от меня? — небрежным тоном спросил Себастьян.

Гейбриел рассмеялся:

— Ты отрекся от меня давно. Я не хочу иметь с тобой ничего общего. Но что тебе нужно от меня, кроме того, что ты крадешь мою внешность, чтобы обкрадывать женщин?

— Ты полагаешь, что я не счел бы своим долгом передать своему младшему брату мои наилучшие пожелания накануне его свадьбы?

Гейбриел сузил глаза. Хирург вытащил из-за пояса пистолет.

— Когда ты уезжал, ты не счел своим долгом проститься. К чему теперь утруждать себя... а знаешь, у него пистолет.

— Разве ты не тот герой, который захватил четыре вражеских пушки и играл в карты на пятаю? Ты прекрасно обходился без меня.

Он толкнул Гейбриела себе за спину, и пистолет сверкнул в тумане.

— Это оружие тоже работает.

Гейбриел выругался. Жар, распространяющийся от его нижнего левого ребра, мешал говорить. Он глянул вниз, ожидая увидеть темное пятно крови. Так и есть — кровь текла и из его тела, и из руки брата, обхватившего его, чтобы принять на себя выстрел.

Кровные братья. Черт побери, он не намерен предаваться сантиментам.

— Я не собираюсь так легко прощать тебя, Себастьян, мерзавец ты этакий, — пробормотал он, присев, чтобы метнуть нож, и держа для защиты поднятую шпагу в другой руке.

Себастьян присел рядом с ним, мрачно усмехаясь:

— Мне плевать, простишь ли ты меня. Я беспокоюсь о нашей матери.

Трое нападающих окружили братьев, которые когда-то для забавы затевали драку с каждым деревенским мальчишкой.

— Она ведь не собирается вернуться в Англию? — тревожно спросил Гейбриел.

— Это зависит от ее теперешнего мужа. Если она вернется, нам всем придется многое объяснить ей.

Гейбриел подпрыгнул, отогнав шпагой одного нападающего, а другого резко пнув ногой в пах. Сверкнул клинок Себастьяна. Хирург со стоном упал в грязь.

— Я пишу ей регулярно, — сказал Гейбриел рассеянно. — Хотя я не могу гордиться всем, что сделал в своей жизни, но и скрывать мне нечего.

— Наверное, это тебя не удивит, — Себастьян нанес безупречный ответный удар, — но мне есть что скрывать.

— Последнее, что я слышал, — Гейбриел замолчал, а потом продолжал, — что ты ушел из инфантерии и считался без вести пропавшим.

— И остаюсь таковым поныне, — отозвался Себастьян. — То есть если говорить

официально. Не разрешай мамочке оплакивать меня, если она придет в Англию. Я все потом объясню.

Гейбриел прижал противника к стене, нацелив клинок на его шею, но потом передумал и махнул рукой: «Беги», — что тот и сделал, не оглянувшись на своих товарищей.

— Могу ли я спросить о других братьях?

Гейбриел круто повернулся, опустив шпагу. Волоча за собой хирурга, исчез еще один нападавший. И так же очевидно исчез Себастьян. Если не считать раны в боку, только узкая французская шпага у него в руке говорила об имевшем место нападении.

К тому времени, когда он вышел из переулка на улицу, даже дождь перестал моросить. Повозка на углу тоже исчезла, как будто ее никогда там и не было, и вереница экипажей, развозивших гостей после приема в Керзон-стрит, освещала улицу своими фонарями.

Рука болела. В голове стучало. Он выглядел как кот сомнительного поведения, крадущийся в поисках приключений.

Через два дня, Бог даст, у него будет жена, если только она не откажется от свадьбы, глянув на него. У него будет своя семья, в которую не входят три брата, бросившие его.

— Боже мой! — послышался глубокий мужской голос от угла, к которому направлялся Гейбриел. — Мы оставили тебя всего на один час, и посмотри, как ты напроказил.

— Вряд ли у тебя найдется бутылка бренди и чистый носовой платок, Дрейк.

Дрейк озабоченно выпрямился.

— Садись в карету. Куда тебя ранили?

Девон и Хит Боскаслы прыгнули на тротуар и попятились, когда Гейбриел раздраженно махнул рукой.

— Сколько их было? — спросил Хит. — Они ушли?

— Откуда ты взял такую славную шпагу? — спросил Девон, глядя на клинок. Гейбриел забыл, что все еще держит ее в руке. — У тебя ее не было, когда ты ушел из игорного дома.

— Я... я ее нашел.

— Нашел? — переспросил Хит тем тихим голосом, который обезоружил и обманул бесчисленное количество врагов, поверивших, что он именно таков, каким представляется, — изысканно изъясняющийся английский аристократ, который больше интересуется наукой, чем еще чем бы то ни было.

Гейбриел знал, что это не так.

Хит испытал немислимые пытки и не выдал тайну.

И Гейбриел тоже не собирался ничего выдавать.

— Один из тех, кто напал на меня, должно быть, обронил ее, — сказал он, пожимая плечами. — Или может быть, она принадлежала тому грубому на вид типу с повозкой, что стояла у кукольной лавки, когда я проходил мимо. Возможно, он ее украл. Единственное, что я знаю, — это что я подобрал ее и она мне очень пригодилась.

— Ты не будешь возражать, если я отнесу ее к себе домой? — спросил Хит.

Гейбриел задумался.

— Мне бы хотелось сохранить ее как талисман. Я рассмотрю ее попозже. Если я замечу что-то подозрительное или узнаю, кому она принадлежит, я приду к тебе немедленно.

— Значит, ты не спросил, как его зовут? — поинтересовался Хит, открывая дверцу кареты.

Гейбриел покачал головой:

— Нет. И еще я не взял у него никаких рекомендаций.

— Все это кажется мне немного странным.

— Ты же знаешь, что такое Лондон. Большинство здешних жителей, которые находятся на улице в столь поздний час, либо ищут приключений, либо не в себе.

— Ну что ж, надеюсь, ты наградишь этого таинственного Галахада, благородного рыцаря.

— Я так и сделал бы, если бы не появилась гвардия Боскаслов и не спугнула его. — Он оперся рукой о дверцу. — Не хочу быть грубым, но уже поздно для разговоров с глазу на глаз, а я превращаюсь в благонаправного человека.

Хит скривился:

— У тебя разорвана рубашка, подбит глаз, губа распухает. Там Элетя вместе с Джулией и другими дамами. Ты можешь перепугать их.

Гейбриел потер лицо.

— Она никогда не поверит, что я не был зачинщиком драки.

Хит улыбнулся иронически:

— Значит, нас таких двое.

Гейбриел опустил голову.

— Признаюсь, Хит, я слишком устал, чтобы сегодня ночью еще что-нибудь соображать.

— Надеюсь, ты знаешь, что мне можно доверять. Если ты или кто-то из нашей семьи попадет в неприятное положение...

Значит, он знает, или по крайней мере подозревает, что незнакомец, который пришел на помощь Гейбриелу, был Себастьян. Что еще он знает? Или это блеф?

Гейбриел уселся в карету.

— Меня беспокоит одно — мне предстоит объяснить моей невесте, почему я возвращаюсь домой грязный и в крови, ведь я обещал ей вести себя прилично.

Элетея наслаждалась обществом дам Боскасл. К столу были поданы суп из водяного кресса, сосиски, фаршированные фиги и французские пирожные, а также пряные кусочки лондонских сплетен. К тому же эти женщины не были обычными. Она никогда не слышала таких откровенных высказываний из уст представительниц своего пола.

Джейн, маркиза с волосами цвета меда, которая очаровала высший свет своим неустрашимым апломбом, приказала принести свое любимое шампанское, чтобы отпраздновать обретение еще одной союзницы против глубоко любимых мужчин их семейства. Хлоя Боскасл, или, точнее, леди Стрэтфидд, щедро предложила Элетее свое свадебное платье, предупредив, что оно может оказаться ей коротковатым.

— Не важно, — сказала Элетея немного поспешно, хотя, к счастью, этого никто, кажется, не заметил.

Ей не хотелось объяснять свое нежелание предстать перед алтарем рядом с Гейбриелом одетой в то свадебное платье, которое выбрал для нее Джереми во французском модном магазине. Она чувствовала бы себя в нем скорее как в саване, чем как в красивом, расшитом жемчугом одеянии в барочном стиле, каковым оно было на самом деле. У нее давно появилось желание сжечь его. Теперь она решила, что отдать его на благотворительные цели будет жестом более разумным и, уж конечно, не таким драматичным.

— Я не думаю, что на свадьбе появится кто-то из братьев Гейбриела, — сказала Шарлотта Боскасл, поднимая голову от своей записной книжки.

Джейн повернула голову:

— А у Гейбриела есть братья?

— Трое, — пробормотала Элетея, надкусывая очередную фигу.

— Почему мне никто об этом не говорил? — Джейн раздраженно нахмурилась. — Как я могу пригласить их на семейное торжество и включить их в список приглашенных к столу, если я не знаю об их существовании? Это действительно непростительно с его стороны. Грейсон должен был сказать мне, если Гейбриел не позаботился сделать это.

Элетея заерзала на своем стуле. В качестве будущей жены Гейбриела она полагала, что ей следует стать на защиту его братьев... но она не могла этого сделать.

— Они рано покинули родительский дом, и я не думаю, что Гейбриел поддерживал с ними какие-либо отношения с тех пор. Насколько я знаю, он пишет — хотя и не часто — своей матери.

— Боже мой, — сказала Джейн, чьи глаза сверкнули огнем, который затмил блеск бриллиантов на ее шее, — у Гейбриела есть мать, и она не приглашена на свадьбу?

Элетея улыбнулась. Матушка Гейбриела запомнилась ей как энергичная молодая леди, наполовину француженка, образ которой словно бы оживлял деревенскую жизнь. Пока она не потеряла мужа, Джошуа Боскасла, она держала своих красивых сыновей в узде.

— Кажется, сейчас она живет во Франции.

— Я слышала, что вскоре она станет женой богатого французского герцога, — бездумно сказала Шарлотта. — Я знаю только, что ее возлюбленный потерял всю семью во время террора.

— Думаю, это правда, — сказала Элетея, — хотя Гейбриел не очень любит говорить об этом. Точнее, он никогда не говорит о своей семье. Можно подумать, судя по его молчанию,

что братья для него больше не существуют.

— Ну а мне хочется, чтобы кто-то из нашей семьи потрудился сообщить ей о свадьбе сына, — сказала Джейн приглушенным голосом. — И я надеюсь, что, как мать, она будет рада, что ее сын нашел в Элетее свою вторую половину... Кстати, Элетея, а где Гейбриел? Я получила от министра кое-какие указания относительно церемонии.

Элетея со звоном опустила бокал с шампанским на стол.

— На этот вопрос нужно отвечать откровенно. Могу только уверить вас, что если в данный момент он разъезжает, это будет одной из его последних ночей с таким времяпрепровождением. Хелбурн-Холл буквально рушится, пока мы с вами разговариваем здесь. Его обязанности как землевладельца займут все его время — и днем и ночью. — Как и супружеские обязанности. Элетея хорошо представляла себе, чем они с Гейбриелом будут занимать свое время в холодные осенние вечера.

Джейн поджала губы.

— Понимаю.

— Будем надеяться, что он тоже это понимает, — добавила Элетея, смутно сознавая, что три бокала шампанского и отсутствие жениха не улучшили ее настроение, хотя развязали язык до опасной степени. Если она не возьмет себя в руки, то признается в таких вещах, о каких никто не хочет знать.

— Я бы не стала сегодня беспокоиться о Гейбриеле, — сказала Шарлотта с пониманием в голосе. — Дрейк и Девон обещали, что будут рядом с ним до самой свадьбы. Этим они, я думаю, желали уберечь его от всяких проказ.

— У него уже подбит глаз, — сказала Элетея прежде, чем смогла остановиться. — Если он отправился на поиски приключений только для того, чтобы в последний раз доказать, что еще способен на такое, ну что ж, это и будет последний раз. Вот все, что я могу сказать на эту тему.

— Вы можете сказать и больше, если хотите, — подтолкнула ее Хлоя. — Я люблю опасные разговоры.

Элетея сменила тему:

— В Хелбурн-Холле есть летучие мыши.

Хлоя удивилась:

— Летучие мыши? На самом деле?

— Да. — Элетея вздохнула. — Летучие мыши и распущенная прислуга.

Хлоя выпрямилась, сидя на диване.

— Я вышла замуж за привидение. Вы следующая, Джулия.

Серые глаза Джулии посветлели.

— Я подстрелила Хита до того, как мы поженились, потому что решила, что он — бешеная лисица.

— Это ничто по сравнению с той карикатурой на него, которую вы нарисовали, — задорно пробормотала Хлоя. — Следующая вы, Джейн.

Джейн грустно улыбнулась:

— Я влюбилась в Грейсона в разгар моей свадьбы с другим человеком.

Хлоя указала на Элетею:

— Ваша очередь.

Элетея замялась:

— Я влюбилась в Гейбриела, когда он стоял у позорного столба.

— Боже мой! — воскликнула Джейн. — Надеюсь, вы вызволили его.

— А вы, Шарлотта? — спросила Хлоя с насмешливой улыбкой.

— Я никогда не влюблялась, — сказала Шарлотта, поднимая глаза. — Я, наверное, никогда не выйду замуж.

— Так и будет, если вы все время будете сидеть, уткнувшись носом в книгу, и останетесь начальницей школы для девочек, — напрямик сказала Хлоя.

— Когда-нибудь придет и ее очередь, — возразила Джейн, так энергично кивая, что даже Судьба не посмела бы спорить с ней.

Хлоя встала с дивана.

— Кто-то идет в дом. Наверное, это мои отчаянные братцы-дьяволы.

Элетея повернула голову:

— А мой дьявол-жених с ними?

Хлоя попятилась от окна, тихонько ахнув:

— Да. Но с ним...

Элетея и другие дамы встали.

— Другая женщина?

Хлоя покачала головой:

— Нет. С ним наш врач, и я боюсь, что Гейбриел ранен.

Когда два часа спустя Элетея вернулась в дом брата, она была так измучена, что могла только сидеть на краю кровати. Когда она увидела кровь на рубашке Гейбриела, ей стало дурно, потом она рассердилась и наконец обрадовалась, поняв, что он выживет после этого последнего приключения.

Но даже после того, как врач позаботился о нем, Гейбриел был рассеян и словно бы не в себе. Она объяснила себе это тем, что боль у него сильнее, чем он говорит.

— Мне не больно, — настаивал он. — Но меня сбили с толку все эти передраги.

Она легла, закрыла глаза. Признания. Суп из водяного кресса и шампанское. Приближающееся венчание. Что случилось сегодня с Гейбриелом? Даже его двоюродные братья не смогли объяснить, почему он решил пройтись по улицам один. А эта шпага, с которой он отказался расстаться даже на миг.

— Что с вами случилось сегодня, Гейбриел? — прошептала она. — Свою тайну я вам рассказала.

Его голос напугал ее.

— Я не уверен, что сам понимаю, что случилось. Возможно, все прояснится утром.

Она открыла глаза, не веря самой себе, и уставилась на его жесткое, худое лицо.

— Утром вас не будет в живых, если брат застанет вас в моей комнате. Как вы сюда попали? Слуги каждый раз запирают дверь на ночь после того случая, когда вы ворвались в дом точно варвар.

— Ваш брат пригласил меня в дом. — Он отошел и опустился в кресло рядом с кроватью. — Я думаю, он решил, что под его надзором мне будет грозить меньше неприятностей, чем если я буду один.

— В таком случае... — Она встала с кровати и стала за креслом, скользнув рукой по его плечам. — Будьте здесь, как... Вы принесли в мою спальню эту ужасную шпагу. Надеюсь, на ней нет следов крови.

— Позвольте мне оставить ее здесь. Она не принадлежит мне.

— Вы действительно нашли ее?

— Мне отдал ее человек, который не хочет, чтобы узнали, кто он такой.

Она обошла кресло и опустилась на колени перед Гейбриелом.

— Он шпион?

— Не знаю. Вряд ли.

— Но вы не вовлечены ни во что опасное?

— Нет.

Элетея внимательно всматривалась в него.

— Это он ранил вас?

— Нет. — Гейбриел погладил ее по щеке, а потом резко сказал: — Сейчас я уйду.

— Почему? Вам больно? Вы должны встретиться с этим человеком?

— Единственная боль, которую я испытываю, — это то, что я хочу вас и в то же время уважаю доверие вашего брата.

— Тогда доверьтесь мне теперь, как я доверилась вам, — сказала она, с вызовом глядя на него. — С кем вы встретились сегодня ночью?

Он покачал головой:

— С призраком.

— Ради Бога, Гейбриел!

Гейбриел посмотрел на Элетею и рассмеялся:

— Это был мой брат Себастьян. Он присутствовал сегодня вечером на вечеринке у Тимоти.

— Себастьян? — Ей смутно представился человек немного повыше Гейбриела и немного постарше. — У вас было трое братьев.

— Он был третьим сыном.

— И вы случайно встретились на вечеринке?

Гейбриел поднял бровь.

— Если быть точным, мы встретились не за ужином. И я не могу сказать, было ли то случайно или нет. Я застал его в то время, когда он проник в дом.

— Ваш брат?! Он признался вам?

Гейбриел устало улыбнулся:

— При обстоятельствах весьма сложных. Я понятия не имел, как он живет и жив ли он вообще. Так что когда я отозвался о нем как о призраке, то это говорит о том, что я думаю о нем. Обо всех них. Они никогда не пытались связаться со мной.

— А вы пытались связаться с ними? — спросила она, разглаживая морщинку на его рукаве.

— С какой стати?

— Право же, Гейбриел! Нельзя поддерживать отношения с людьми без хотя бы небольших усилий. Вы ни разу не навестили меня, хотя и утверждаете, что все время мечтали обо мне.

Он припал к ней лбом.

— А знаете почему?

— Нет. Скажите.

— Потому что даже в своих мечтах я никогда не думал, что вы примете меня.

Она приподнялась на коленях и обвила рукой его шею.

— Вам слишком больно, чтобы бесстыдно соблазнить меня — последний раз в качестве холостого мужчины?

Он глубоко втянул воздух.

— Нет.

Элетея провела рукой вниз от его плеча к пуговицам на рубашке.

— Тогда позвольте мне.

Гейбриел схватил ее за руку, его синие глаза вспыхнули.

— Не сегодня, дорогая.

— Вы мне отказываете?

— Я хочу показать вашему брату, что я человек слова.

— А как же вождение, которое я у вас вызываю? — прошептала она.

Он сказал таким низким голосом, что она задохнулась:

— Чем дальше тлеет, тем горячее горит. — Он бросил многозначительный взгляд на дверь и откашлялся. — Я забыл сказать, что Робин сидит там, прямо за дверью, и читает.

Элетея вскочила:

— Не может быть!

— Да, это так, — донесся голос ее брата с той стороны двери. — Сообщите мне оба, не

хотите ли вы выпить чашку шоколада прежде, чем Гейбриел уйдет.

Гейбриел и Элетея обвенчались в День святого Михаила в маленькой домово́й церкви маркиза Седжкрофта. Присутствовали только члены семьи и самые близкие друзья, и тем не менее все места на скамьях были заняты членами пылкого клана Боскаслов и немногочисленными самыми близкими друзьями Элетеи из Хелбурна. Ее брат был посаженным отцом; когда леди Понтсби принялась хлюпать носом, он поднял брови.

Элетея с трудом удержалась от неприличного хихиканья, и в этом ей мало помогли гогот и жесты, которые делали кузены Гейбриела, чтобы вывести его из себя. Он благоразумно держался спиной к публике, только один раз оглянулся. Гейбриел обвел взглядом церковь — искал он брата или кого-то еще? Был ли кто-то, кого он пригласил и надеялся, что тот станет свидетелем его свадьбы? И если кто-то из его братьев и решил показаться, явится ли он как друг или как враг?

Элетея вздохнула, поняв, что он озабочен куда сильнее, чем хочет показать. Вопреки всем его заверениям, что он забыл братьев, он не был вполне самим собой с той ночи, когда увидел Себастьяна. Она во второй раз перехватила его блуждающий взгляд и послала ему понимающую улыбку. Гейбриел улыбнулся в ответ, и в глазах его светилось обещание, от которого она почувствовала приятную слабость.

— Призрак? — прошептала она.

Он прищурился, словно удивился, что она заметила его быстрые взгляды. Но его ответ удивил ее еще больше:

— Вряд ли он пришел.

— А вы хотели, чтобы он пришел? — тихо спросила она.

Гейбриел наклонился к ней. У нее закружилась голова от острого запаха его мыла для бритья.

— Не уверен.

Она опустила взгляд на свой букет из поздних красных роз, белых хризантем и плюща.

— Должна признаться, я надеюсь, что он не пришел. Что он не переоденется в какой-нибудь дурацкий костюм и не станет размахивать саблей.

Гейбриел усмехнулся.

— Говорят, что когда семейство Боскасл собирается вместе, скандала не избежать.

— Но не на свадьбе же? — прошептала она.

— Особенно на свадьбе, — возразил он. — Ну может быть, не на нашей свадьбе. Моя кузина Эмма предупредила всех членов семьи, чтобы они под угрозой смерти вели себя прилично.

Священник поднял голову. И тут Элетея почувствовала на себе чей-то взгляд. Посмотрев направо, она встретилась взглядом с кузиной Гейбриела Эммой, герцогиней Скарфилд. Они улыбнулись друг другу. В церкви воцарилось молчание, но мысли Элетеи никак не хотели покориться этому мгновению.

В деревне, где выросли она и Гейбриел, на общественной площади, где его подвергли наказанию, праздник набирал бы силу. Статный деревенский парень, обычно сын какого-нибудь землевладельца, наряженный святым Михаилом, убил бы дракона — вереницу парней под зеленым покровом развевающихся тканей, сшитых вместе.

Все сходились на том, что самое лучшее празднество в истории Хелбурна случилось той

осенью, когда горячие юные Боскаслы впервые играли роль дракона и заставили святого Михаила — в тот раз то был лорд Джереми Хазлетт — гнаться за собой по общинному выгону до самых холмов, а там прекратить преследование в гневе и смущении.

До той осени святой Михаил всегда побеждал. На следующий год он тоже мог выиграть, если бы в семье Боскасл не разразилась трагедия — умер Джошуа Боскасл, и жизнь его вдовы и сыновей пошла прахом.

И теперь Элетее казалось странным, что она выходит замуж за дракона, тогда как предполагалось, что ее место рядом с победителем — конечно, если бы ему удалось одержать победу, — рядом с тем, кто был героем, которого ее родители выбрали для нее.

Только теперь она поняла, что фальшивый герой за своими доблестными деяниями может скрывать жестокое сердце.

А тот, кто грешил, может оказаться истинным героем, если ему дать возможность показать себя.

Голос Гейбриела звучал с такой уверенностью, когда он произносил свои обеты, что его двоюродные братья Дрейк и Девон засвистали. Муж Хлои Доминик чуть ли не во весь голос рассмеялся. А пара кавалерийских офицеров, друзей Гейбриела, затопали ногами, но в тот момент, когда все это уже грозило перерасти в общий хаос, изящный диктатор, герцогиня Скарфилд, поднялась со скамьи и окинула собравшихся властным взглядом, призывающим к порядку. После чего и во время завтрака, состоявшего из креветок, жареной индейки и крабовых крокетов, и во время первого танца, тостов с шампанским и разрезания торта все вели себя прилично.

Красноречивый взгляд мужа держал Элетею в напряжении, пока они ехали по ухабистым дорогам обратно в Хелбурн, и она подумала, что с ее стороны было бы благоразумнее настоять на своем и вернуть Хлое свадебное платье до их отъезда из Лондона. Гейбриел отказался остановиться на двух приличных постоялых дворах по дороге. Он твердо заявил, что постоялый двор — это не их дом, и они, принеся такую жертву, с тем же успехом могут ехать и ночью.

Элетея понимала истинную причину, по которой он так торопится домой. У нее была та же причина. Оба с нетерпением ждали момента, когда они окажутся в своей брачной постели.

— Домой, — сказала она, задумчиво улыбаясь. — Я очень надеюсь, что слуги помнят, что мы должны приехать.

— А я надеюсь, что они все ушли.

Когда карета добралась до старой нормандской церкви, стоящей на деревенской площади, он приказал остановиться, чтобы они могли повидаться с призраками.

— Она все такая же, — сказал он. — Не знаю, почему я думал, что она должна измениться.

Ничто не изменилось с тех пор, как его подвергли наказанию много лет назад. Старинная клетка качалась на ветру позади позорного столба для наказания плетьюми.

С тех пор как Гейбриел вернулся, здесь ни разу не наказывали никаких злодеев. Ни единого мятежного мальчишки, который выглядел бы таким одиноким, что высокородная леди стала бы требовать, чтобы ее отец остановил карету.

— Не знаю, какой урок я должен был усвоить таким образом, — сказал он; его высокая фигура в черном плаще бросала тень на место его бывшего унижения.

— А вы помните, за что вас наказали?

— Да.

Еще он помнил мягкое прикосновение девичьей руки в перчатке к его щеке, шелест ее платья, когда она стала на колени, чтобы посмотреть на него, и что когда она встала, на перчатках у нее остались грязные пятна.

— Мы неисправимы, — сказала его жена, обнимая его.

Гейбриел привлек Элетею к своему горячему телу, к своему сердцу.

— Вы говорите обо мне или о себе?

— Наверное, о нас обоих. Но... я и не хочу ничего другого.

Как бы ни был Гейбриел поглощен желанием, которое вызывала в нем его неисправимая молодая жена, ему удалось удержаться, пока они не приехали в Хелбурн-Холл. Он обрадовался, что слуги попытались привести дом в порядок ради своей новой хозяйки, потому что он известил их за несколько дней до того, что в противном случае им придется худо. Юный Гейбриел — его тезка-конюх — ждал на конюшне, чтобы помочь хозяину, — ему не терпелось доказать, что он чего-то стоит.

Гейбриел понес Элетею к лестнице, непристойная улыбка на его лице говорила о его намерениях. Возможно, окна в доме требовалось застеклить заново, но луне все же удавалось пробиться сквозь мутные стекла, и если в доме и были летучие мыши, они на время куда-то попрятались.

Одной рукой он расстегнул на ней плащ, потом рукава платья — еще до того, как донес до лестничной площадки.

— Гейбриел, — сказала она с тихим стоном, воспламенившись от грешного жара в его глазах, — я хочу тебя.

— Не говори больше так, пока не окажешься в моей постели, — предупредил он. — Или я возьму тебя прямо здесь, на лестнице, пусть провалятся ко всем чертям летучие мыши и прислуга.

— Хорошенькая манера разговаривать с женой, — сказала она еле слышно. — Но уже почти утро. Я и сама предпочла бы немного уединиться.

Плащ соскользнул с ее плеча. Ей следовало запротестовать, но вместо этого она поцеловала его в сильную коричневую шею и развязала галстук одной рукой. Его тело с железными мускулами было горячим и зовущим. Он прижал ее к своей возбужденной плоти.

— Видишь, что ты наделала, — сказал он с усмешкой.

Она закрыла глаза.

— Торопись, иначе я потеряю сознание.

Он крепко обхватил ее.

— Не потеряешь, пока я не дам тебе для этого соответствующих оснований. — Он пожирал ее взглядом. — А я это сделаю.

Жар бушевал в его крови, когда Гейбриел вошел в их комнату и уложил Элетею на кровать, застланную выстиранным покрывалом и свежими простынями, пахнущими веточками розмарина и лавандовым мылом. Ее улыбка призывала его. Элетея стала раскованной в кровати, но у него были еще в запасе многочисленные уроки чувственности, которые следовало ей преподать.

Очевидно, у нее тоже было кое-что в запасе.

Она провела ладонью по его груди, расстегнув пуговицы на рубашке. Потом рука переместилась ниже и быстро расстегнула на нем кожаный ремень.

— Разве так не лучше? — спросила она, проводя пальцем по его телу под

расстегнутыми панталонами.

— Так... я не могу...

На миг ему не хватило воздуха, так что пришлось приложить усилия, чтобы дышать нормально. Или возможно, он вообще перестанет дышать и будет жить одной радостью. Ангел. Цыганка. Леди. Из всех ее обликов, которые он хранил многие годы, ни один не принес ему такого порыва примитивной радости, как мысль о том, что Элетея его жена.

Он раздел ее донага, перемежая это действие медленными, захватывающими дух поцелуями, рассматривая ее нежное розовое тело, словно разворачивал долгожданный подарок.

— Можно, я сама раздену тебя? — прошептала она.

И она сорвала с его плеч рубашку, не дожидаясь разрешения.

— Через минуту, — пробормотал он, схватив ее за руку. Его язык окружил ее язык с таким эротическим мастерством, что руки у нее упали в знак того, что она сдается. — Я хочу уничтожить все воспоминания, которые заставляют тебя грустить.

— Но я хочу прикоснуться к тебе, — упрямо пробормотала она.

— Тебе нравятся шрамы и все такое?

— Я хочу заставить тебя забыть, как ты получил эти шрамы.

Фрак и рубашку он отшвырнул в сторону платяного шкафа, стоявшего у стены, а потом отвернулся, чтобы снять сапоги и панталоны. Почувствовав, как ее руки блуждают по его спине, Гейбриел замер.

— У меня везде шрамы, — сказал он, на миг поднявшись.

Элетея задышала часто, неровно, когда он растянулся между ее ногами, подсунув ей под бедра руку.

— Подумать только, что я полюбила самого порочного из сыновей Хелбурна.

Он провел языком по ее нежным соскам, так что она выгнула спину, дрожа от наслаждения.

— Для меня хорошо, что ты не была на самом деле послушной девочкой. — Его рука находилась между ее бедрами, подвергая ее чувственным мучениям.

— Наверное, — прошептала она, ее темные глаза дразнили его. — И я не буду послушной женой.

— Только женой, которая умеет получать удовольствие. Послушание — на втором месте.

— Я люблю тебя, Гейбриел.

— Я люблю тебя сильнее, чем ты меня.

— Я любила тебя дольше.

Он рассмеялся:

— Значит, мне придется любить тебя сильнее.

— Люби меня прямо сейчас, — прошептала она, легко проводя пяткой по его мускулистой ноге.

Но в эту ночь ему не было нужды торопиться, это было время его возвращения домой, его медовый месяц. Он наслаждался каждым мгновением, смаковал каждую подробность, слушал завывания холодного ветра, который не проникал в этот странный дом, и обнимал страстную женщину, которая ждала его семь лет. Пусть подождет еще немного. Тем ценнее это будет. Он был игрок. Он понял после того раза, когда она поцеловала его, что удача на его стороне.

notes

Намек на библейскую фразу «Разве нет бальзама в Галааде?». — Примеч. пер.